

ISSN 2500-2872

**ЯПОНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

2024, № 2

Japanese Studies in Russia

**日
本
研
究**

Федеральное государственное автономное учреждение науки
«Институт Китая и современной Азии Российской академии наук»

www.iccaras.ru

Межрегиональная общественная организация

«Ассоциация японоведов»

www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все научные статьи рецензируются; всем статьям присваивается DOI.

Учредители: Институт Китая и современной Азии РАН,
Ассоциация японоведов.

URL: <http://japanjournal.ru>

Свидетельство о регистрации сетевого издания «Японские исследования» Эл № ФС 77 - 86073 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 13 октября 2023 г.

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и базу RSCI на платформе Web of Science.

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Входит в Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Входит в Перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК).

Председатель Редакционного совета: Бабаев К.В., д.филол.н.

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Ответственный секретарь: Нелидов В.В., к.и.н.

Редакционная коллегия: Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Нелидов В.В., к.и.н.; Трубникова Н.Н., д.филол.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., академик РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гордон Эндрю (США), проф.; Гришачев С.В., к.и.н.; Дацьшен В.Г., д.и.н.; Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Крнета Наталия (Сербия), к.филол.н.; Крупянка М.И., д.полит.н.; Островский А.В., д.э.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симотомаи Нобуо (Япония), проф.; Стоквин Артур (Великобритания), проф.; Судзуки Ёсикадзу (Япония), проф.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакция: Горчакова Т.Е., к.э.н.; Гришачев С.В., к.и.н.; Кириченко М.А.; Нелидов В.В., к.и.н.

Специальности ВАК:

5.2.3 Региональная и отраслевая экономика

5.2.5 Мировая экономика

5.5.2 Политические институты, процессы, технологии

5.5.4 Международные отношения

5.6.2 Всеобщая история

5.6.4 Этнология, антропология и этнография

5.6.7 История международных отношений и внешней политики

OECD Fields of Science:

5. Social sciences

6. Humanities

**Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences**

www.iccaras.ru

**Non-profit organization
«Association of Japanologists»**

www.japanstudies.ru

The electronic scientific periodical “Japanese Studies in Russia” has been published 4 times a year (quarterly) since 2016. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Japanese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed and assigned to DOI.

Founders: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences,
NPO Association of Japanologists.

URL: <http://japanjournal.ru>

Included in Russian Index of Science Citation (RISC) and Russian Science Citation Index (RSCI).

Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Included in Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Included in List of Higher Attestation Commission (HAC).

Head of Editorial Council: Babaev K.V., DSc (Philology)

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)

Executive Secretary: Nelidov Vladimir V., PhD (History)

Editorial Board: Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Nelidov Vladimir V., PhD (History), Trubnikova Nadezhda N., DSc (Philosophy)

Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Academician of the RAS; Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Gordon Andrew (USA), Prof.; Grishachev Sergei V., PhD (History); Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Krneta Natalija (Serbia), PhD (Philology); Krupyanko Mikhail I., DSc (Political Science); Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Panov Aleksandr N., DSc (Political Science); Pestushko Yurii S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Stockwin Arthur (UK), Prof.; Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Vojtishchik Elena E., DSc (History)

Editors Office: Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics); Grishachev Sergei V., PhD (History); Kirichenko Mariya A.; Nelidov Vladimir V., PhD (History)

OECD Fields of Science:

5. Social sciences

6. Humanities

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2024, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

Бабкова М.В., Коляда М.С. Учитель и ученик в «Собрании стародавних повестей»	6
Панов А.Н. Внешнеполитическое наследство премьер-министра Японии Абэ Синдзо	21
Гришачев С.В. Проблемы исторической памяти во взаимоотношениях Японии со странами Азии: попытки примирения	41
Синицын А.Ю. Поминальные таблички ихай в собрании МАЭ (Кунсткамера) РАН, их этнокультурный контекст и история собирания	56
Табарев А.В. Археологическое направление в отечественной японистике: Развитие, особенности, личный опыт	70
Тимонина И.Л. Проблема инвестиционной привлекательности Японии: современные подходы (на примере полупроводниковой индустрии)	83
Изотова Н.Н. Образ дракона в японской культуре: генезис и семантика	100

Научная жизнь

Казаков О.И. О круглом столе «Отношения Японии со странами Восточной Азии: проблемы, тенденции, перспективы» в ИКСА РАН в 2023 году	113
<hr/>	
In memoriam. Светлой памяти Вадима Юрьевича Климова	124

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA 2024, № 2

CONTENTS

Babkova, M.V., Kolyada, M.S. Master and disciple in <i>Konjaku Monogatari-shū</i>	6
Panov A.N. Foreign policy legacy of Prime Minister of Japan Abe Shinzō	21
Grishachev S.V. Problems of the historical past in Japan's relations with the countries of Asia: Reconciliation attempts	41
Sinitsyn A.Yu. The <i>ihai</i> mortuary tablets in the MAE (Kunstkamera) RAS collection: Ethno-cultural environment and history of acquisition	56
Tabarev A.V. The archaeological direction in Japanese studies in Russia: Development, peculiarities, personal experience	70
Timonina I.L. The problem of Japan's investment attractiveness: Modern approaches (on the example of the semiconductor industry)	83
Izotova N.N. Dragon images in Japanese culture: Genesis and semantics	100

Academic Life

Kazakov O.I. Round table “Japan's Relations With the Countries of East Asia: Problems, Trends, Prospects” (ICCA RAS, 2023)	113
<hr/>	
Obituary of Vadim Yuryevich Klimov”	124

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-6-20

Учитель и ученик в «Собрании стародавних повестей»

М.В. Бабкова, М.С. Коляда

Аннотация. В статье рассмотрена одна из сквозных тем собрания поучительных рассказов *сэцува* «*Кондзяку моногатари-сю:*», XII в.: тема наставничества. Показано, какие сюжеты отбираются для сборника и как они излагаются – начиная от истории самого Будды Шакьямуни и заканчивая мирянами, искусными в каком-либо мастерстве. Учитель всех учителей – Будда Шакьямуни – сам учится, и при этом его учителя выступают и в роли его же учеников, что показывает непрерывность и бесконечность цепи взаимозависимого возникновения вещей. Также Будда подает пример всем остальным учителям в том, что вся его жизнь – наставничество. Он помогает избавиться от иллюзий всем, с кем взаимодействует, даже в те моменты, когда не занимается непосредственно толкованием своего учения. Отношения учителя и ученика во всех рассказах рассматриваются как обусловленные законом воздаяния, очень тесные, близкие; учитель и ученик должны соответствовать друг другу по способностям и потребностям – и если речь идет о передаче буддийского Закона, и если говорится просто об обучении ремеслу. Тема преемственности традиции, передачи учения Будды, для «*Кондзяку*» очень важна, она по-разному раскрывается во всех трех частях собрания, индийской, китайской и японской; выстраивается вневременная последовательность учителей и учеников, каждый участник которой должен сам достигнуть готовности принять учение, стать учеником и учителем. По образцу, заданному Буддой, иногда в рассказах наставник и подопечный могут меняться ролями; иногда учеником в рассказе может выступать не один человек, а целый народ; в других случаях наставником становится не живой человек, а, например, призрак или бог. Иногда, как видно в *сэцува* о мирянах, ученик может быть персонажем, через которого проявляется мудрость его учителя. Способы, которыми передается мудрость, также могут самыми разными: в некоторых рассказах специально делается акцент на неожиданных поступках наставников, благодаря которым их ученики проживают на собственном опыте то, что им прежде не удавалось понять усилиями разума. Затрагиваются и личностные стороны коммуникации учителя и ученика, приводятся также примеры неудачных связей.

Ключевые слова: японский буддизм, «*Кондзяку моногатари-сю:*», учитель, ученик, наставничество, сэцува, традиция, обучение, монахи, миряне.

Авторы:

Бабкова Майя Владимировна, кандидат философских наук, научный сотрудник Института логики, когнитологии и развития личности (адрес: Москва, 129110, просп. Мира, д. 70А, стр. 2, оф. 41). ORCID: 0000-0002-9301-190X; E-mail: maya.babkova@gmail.com

Коляда Мария Сергеевна, кандидат философских наук, научный сотрудник Института логики, когнитологии и развития личности (адрес: Москва, 129110, просп. Мира, д. 70А, стр. 2, оф. 41). ORCID: 0000-0001-6784-1793; E-mail: kolyada-ms@ranepa.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Бабкова М.В., Коляда М.С. Учитель и ученик в «Собрании стародавних повестей» // Японские исследования. 2024. № 2. С. 6–20. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-6-20

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-01384).

Master and disciple in *Konjaku Monogatari-shū*

M.V. Babkova, M.S. Kolyada

Abstract. The paper considers the theme of tutorship, which is one of the cross-cutting issues in *Konjaku Monogatari-shū*, a 12th century collection of *setsuwa* didactic tales. The authors reveal what types of tales are chosen for the collection and in which manner they are recited, from the legends about Buddha Shakyamuni himself to the stories of common laity skilled in some art. Buddha Shakyamuni himself, the teacher of all teachers, also studies, and, at the same time, his teachers act as his students, which shows the continuity and infinity of the chain of interdependent emergence of things. Buddha sets an example for all other teachers in that his whole life is mentoring. He helps everyone with whom he interacts to get rid of illusions, even in those moments when he is not directly interpreting his teachings. In all tales, the relations of a master and his disciple are seen as conditioned by the law of retribution, they are very close and intimate; the two people must be congenial in talents and needs to be in such relations, be it in the area of transmitting the Buddhist Law, or merely training in some art. The theme of continuity of tradition, transmission of Buddha's teaching is very important for *Konjaku*. It is discussed from different points of view in all three sections of collection – the Indian, Chinese, and Japanese ones. The timeless chain of masters and disciples is formed, and every participant – a link of this chain – should be ready to receive the Law, to become a disciple and, in time, a master. Following the pattern set by Buddha, in some tales, a master and a disciple can exchange their roles, in other ones, the disciple is not a person, but a whole nation. There are also stories about a supernatural being, for instance, a ghost or a god, becoming a teacher. In some cases, the disciple is a character assigned to display wisdom of his master. The ways in which wisdom is imparted can also vary widely, with some stories specifically emphasizing the unexpected actions of mentors, through which their students experience first-hand what they had previously been unable to understand through the efforts of mind. Personal aspects of master–disciple communication are also examined in *Konjaku*, and examples of bad relationships are provided as well.

Keywords: Japanese Buddhism, *Konjaku Monogatari-shū*, teacher, disciple, tutorship, education, *setsuwa*, tradition, monks, laity.

Authors:

Babkova Maya V., PhD (Philosophy), Research Fellow, Institute for Logic, Cognitive Science and Development of Personality (address: of. 41, bd. 2, 70A, Mira av., Moscow, 129110, Russian Federation). E-mail: maya.babkova@gmail.com

Kolyada Maria S., PhD (Philosophy), Research Fellow, Institute for Logic, Cognitive Science and Development of Personality (address: of. 41, bd. 2, 70A, Mira av., Moscow, 129110, Russian Federation). E-mail: kolyada-ms@ranepa.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Babkova, M.V., Kolyada, M.S. (2024). Uchitel' i uchenik v "Sobranii starodavnikh povestei" [Master and disciple in *Konjaku Monogatari-shū*]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 2, 6–20. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-6-20

Acknowledgements. The research was supported by Russian Science Foundation (project No. 22-28-01384).

Введение

Когда встает вопрос о существовании какой-либо традиции, о способах ее формирования и передачи, то с необходимостью поднимается тема наставничества, и в частности – отношений между учителем и его учениками. Японская культура в плане понимания важности этих отношений – не исключение по сравнению с другими восточными культурами, а, можно сказать, прекрасный пример правила: по многим текстам, в том числе средневековым, видно, как оценивается роль учителя в жизни ученика. На материале крупнейшего из известных сборников поучительных рассказов *сэцува*, «Собрания стародавних повестей» («*Кондзяку моногатари сю:*», 1120–е годы)¹, включившего в себя около тысячи рассказов, разделенных на 31 свиток, мы покажем, как в японской средневековой литературе могли отображаться взаимоотношения наставника и его подопечного. «*Кондзяку*» – сборник многоликий, в нем есть рассказы на темы условно «религиозные» и «мирские», есть истории об Индии, Китае и Японии. Ученики и учителя встречаются в рассказах о каждой из этих стран, среди них есть и монахи и миряне, и мужчины и женщины. И обучение здесь всегда – не механический процесс, одинаковый для всех. Это каждый раз работа живых людей, направленная к определенной цели, причем работа взаимная, и часто – со взаимной пользой. Рассмотрим, как раскрываются в собрании разные стороны наставничества и ученичества.

Учитель Будда и его ученики в Индии

Первые примеры взаимоотношений учителей и учеников в «*Кондзяку*» появляются в индийской части – в рассказах о жизни Будды Шакьямуни, его учеников и ранних последователей. Первый человек, который ищет себе наставника в собрании, – сам Будда (1–5). Общась с разными подвижниками, он понимает, что встреченные им люди не могут научить его нужному Пути, не дадут ему искомого. Старая традиция оказывается не до конца подходящей целям Сиддхартхи, поэтому он отказывается от нее – и строит собственную новую.

В буддийской картине мира «Собрания стародавних повестей» любые связи между людьми определяются законом воздаяния, в том числе и одна из важнейших – связь между учителем и учеником. Уже в восьмом рассказе первого свитка это показано на примере первых последователей Будды: их встреча была предопределена обетом из давней жизни. Другой особенно любопытный пример подобной предопределенности находим в третьем свитке (3–19): старая рабыня ненавидит Будду и никак не может уверовать в него, хотя он и являет чудеса, благодаря которым другие неверующие женщины отбрасывают ложные взгляды. Будда объясняет: это потому, что у старухи с ним связи нет. Но у Рахулы, сына и ученика Будды, получается обратить ее. И Будда рассказывает:

– В далёком прошлом в мир явился будда, звали его Царь Драгоценных Зонтиков и Светильников. После его ухода в нирвану, в век Подобия Закона, жил царь, звали его Сияние Разных Драгоценных Цветов. У царя был сын, его звали Отрада для Взоров. Он вышел из дому и изучал Путь. Гордился тем, что он царский сын, постоянно чванился.

У него был наставник. Для царевича он толковал учение о том, что глубочайшая мудрость-праджня пуста. Царевич послушал и решил: это ложное учение. После смерти

¹ Мы пользуемся изданиями [Кондзяку моногатари сю: 1993–1999; Кондзяку моногатари сю: web] и переводом на русский [Собрание... web]. Ссылаясь на рассказы из собрания, первой цифрой мы приводим номер свитка, второй – номер рассказа в нем.

наставника стал говорить: мой учитель не был мудр, толковал о пустоте. Не хочу в будущей жизни с ним встречаться! А потом появился у него ещё один наставник-ачарья. О нём царевич говорил: этот мой учитель обладает ясной мудростью, рассудителен и сведущ. Хочу, чтобы из жизни в жизнь, из века в век мы с ним оставались мудрыми друзьями! Царский сын обучил многих учеников, внушил им веру в то, что учение о пустоте – ложное.

И вот, хотя он и соблюдал заповеди, но сомневался в учении о пустоте самой глубокой мудрости-праджни, и за это, когда жизнь его кончилась, сошёл в подземные темницы Авичи, принял муки безмерные. Когда вышел из подземных темниц, рождался бедным простолюдином, пятьсот веков рождался глухим и слепым, тысячу двести веков становился рабом и постоянно прислуживал другим. Первый его тогдашний наставник – это я, а второй ачарья – ныне Рахула. Царский сын – это ныне старая рабыня. Вот почему сейчас у меня с ней нет связи, а Рахула смог её обратить к учению. За то, что за нею тогда следовали ученики, учились у неё Закону, она теперь обрела Путь. Те женщины во дворце, чьи взгляды были ложны, – это тогдашние монахи-ученики [Собрание... web].

В индийской части появляются мотивы, которые будут встречаться и раскрываться по-разному в рассказах остальных разделов «*Кондзяку*». По деяниям учеников судят о наставнике: Будда посылает своих учеников в дом к вельможе, «иноверцу», чтобы обратить его к Пути, ученики являют чудеса, и вельможа вместе с сыном приходят к мысли: «Ученики Будды творят удивительные чудеса. Они сильнее наших иноверческих чар. Посмотреть бы еще, каков сам Будда, их учитель!» (1–13).

Ученики могут быть настолько преданы учителю, чтобы искать его двенадцать лет (3–17). В этом рассказе наставник оказывается святым, а в следующем, 3–18, роли меняются: двое бодхисаттв долго служат в качестве учеников монаху, сбившемуся с пути. В итоге именно они научают чему-то учителя, а не наоборот. В том же свитке есть пример и неверного ученика: рассказ 3–7 повествует о том, как монах летал к дракону, который всячески его одаривал. Ученик монаха, еще не достигший просветления (почему наставник и не брал его с собой), увязался с ним, из зависти к учителю преисполнился дурных помыслов, умер и обратился в злого дракона².

В рассказе 4–6 архат Упагупта испытывает своего ученика-монаха, превратившись в женщину (монах попался на уловку, попытался женщиной овладеть, и учитель, приняв свой настоящий облик, долго позорил монаха перед людьми, в итоге тот раскаялся). Рассказчик здесь говорит: Упагупта наставлял учеников «в точности как Будда».

В четвертом разделе интересны также рассказы о взаимоотношениях ученика и наставника, когда каждый из них – уже не «рядовой человек» и многого достиг. Пример – история о том, как встретились два мудреца, Нагарджуна и Арьядева: последний пришел учиться, и «как вода переливается из сосуда в сосуд, так он принял Закон» (4–25). Читатель при этом видит их встречу глазами ученика Нагарджуны, «обычного» человека: он не понимал знаков, которыми обмениваются мудрецы, пока наставник не разъяснил, что к чему. Примечателен и образ сосуда – ниже мы расскажем о нем подробнее.

Ряд сюжетов в индийской части создает интересное впечатление единства традиции. В рассказе 4–29 – ученик Кашьяпы (одного из первых учеников Будды Шакьямуни) выходит из сосредоточения и узнает, что и его учитель, и Будда уже покинули земной мир. Эта история звучит как эхо рассказа 3–32: там говорится о том, как сам Кашьяпа не успел проститься

² До этого помещен рассказ о том, как ученик Будды Шарипутра обратился в быка, потому что неправильно принял подаяние от завидовавшего ему Ананды; после – про несправедливо обиженного человека, который стал злым драконом, но его помыслы исправилась, когда он повстречался с Буддой.

с Буддой. А в уже упомянутом рассказе 1–8 Кашьяпа (Махакашьяпа) назван в числе тех самых соучеников, кого связал обет из прошлого рождения – и было это «в век будды Кашьяпы», то есть одного из шести предшественников Шакьямуни. Это совпадение имен ученика Будды и его предшественника-наставника в буддийской традиции могло осмысляться как неслучайное: таким, например, его видит Догэн [Бабкова, Трубникова 2019, 230].

Наставничество и ученичество в буддийских рассказах про Китай

Структура «*Кондзяку*» такова, что рассказы о передаче традиции от учителя к ученику (или ученикам) выделены композиционно. По всей видимости, так сделано с целью обратить особое внимание читателей на эту тему. В индийской части мотив «Будда обучает своих соотечественников» – один из важнейших; и китайская, и японская части начинаются с рассказов о том, как мудрые наставники вслед за Буддой передавали учение дальше, из Индии в Китай, а потом и в Японию. Подробно описано, как именно они это делали, кому вручали традицию и как выбирали себе достойных учеников среди местных жителей.

В шестом свитке, первом в китайской части «*Кондзяку*», проповеднической деятельности буддийских наставников полностью посвящены первые десять рассказов. Речь в них по большей части идет о том, как мудрые монахи передавали учение Будды из Индии в Китай: толковали Закон, привозили сутры и мандалы. В роли ученика выступает все население Китая или одного из китайских царств, чаще всего персонифицированное в личности правителя. Самая первая попытка передать Закон Будды в Китай, описанная в «*Кондзяку*», оказалась неудачной: Цинь Ши Хуан-ди (прав. 247–210 гг. до н.э.) не только не стал учеником монаха Ши Ли-фана, но и чуть не сгноил его самого и восемнадцать его спутников в темнице. Будда, Учитель, явился на помощь своим ученикам и вызволил их, но отношения «учитель – ученик» в Китае выстраивать пока оказалось не с кем. Как и в индийской части, для составителей «*Кондзяку*» здесь важно подчеркнуть: невозможно передать учение, пока не найдется тот, кто готов его воспринять.

Следующая попытка оказалась более удачной, и примечательно, что рассказ о том, как в Китай пришел буддизм (6–2), начинается с описания чудесного сна государя Мин-ди (Сянь-цзун, прав. 57–75 гг. н.э.). Сначала мы видим, что ученик созрел для учения, а потом нам рассказывают, как приехали наставники из Индии, привезли сутры, образы Будды и посрамили в споре даосских мудрецов.

Затем следует длинный рассказ о жизни и посмертных чудесах Бодхидхармы – зачинателя традиции созерцания в Китае и одной из ключевых фигур в перечне буддийских наставников как самого Китая, так и Кореи, и Японии. Мотив связи учителя и ученика – основной для этого рассказа. Сперва учитель Бодхидхарма отправил из Индии в Китай своего ученика Буддхаяшу. Буддхаяша, истинный и достойный ученик, прибыл в Китай и попытался найти там слушателей для своей проповеди. Привлечь последователей в столице он не смог и отправился в горы Лушань, где «великий учитель Юань», хоть и не стал его учеником, по крайней мере понял смысл того учения, которое Буддхаяша пытался передать. Через некоторое время Буддхаяша умер. Бодхидхарма чудесным образом узнал о кончине своего ученика и отправился в Китай сам. Дальше следует история, которую с незначительными изменениями можно встретить в большинстве источников по истории традиции созерцания: о том, как Бодхидхарма прибыл в Китай и беседовал там с Лянским императором У-ди (прав. 502–549). Государь не понял смысла наставлений Бодхидхармы и не смог стать его учеником. Тогда Бодхидхарма ушел в горы и там спустя много лет передал учение второму китайскому патриарху традиции созерцания, монаху Хуэй-кэ. Об этом в «*Кондзяку*» лишь кратко упомянуто, тогда как беседа с императором приведена полностью. Как видно, в рамках

повествования об истории буддизма в Китае связь «учитель – ученик» между прибывшим из Индии наставником и правителем гораздо важнее, нежели частная линия передачи учения одного из направлений буддизма. У-ди не смог завязать эту связь в том знаменательном разговоре, и скончался, так и не восприняв учения. Еще раньше скончался сам Бодхидхарма, но рассказ продолжается, посмертное явление Бодхидхармы государеву посланцу становится чудом, благодаря которому культ Бодхидхармы распространяется по всему Китаю.

Когда Кан Сэн-хуэй прибыл из Индии в Китай, чтобы проповедовать Закон Будды (6–4), правитель царства У, еще ничего не знавший о буддизме, спросил его: «Кто твой учитель?» Сэн-хуэй объяснил, что считает себя учеником Будды Шакьямуни, который давным-давно ушел в нирвану. Государь очень удивился и спросил, как такое может быть. Сэн-хуэй ответил, что хоть Будда и ушел в нирвану, но оставил после себя *шарира* (яп. *сяри*) – чудодейственные останки, которые продолжают укреплять в вере его последователей. Государь потребовал, чтобы Сэн-хуэй предъявил эти останки. У Сэн-хуэя не было их с собой, и он договорился, что помолится, чтобы они появились, а если не получится, лишится головы. Сэн-хуэй молился много дней, и в конце концов в сосуде, приготовленной специально для этого, появилась частица останков Будды, похожая на огромную белую жемчужину. Правитель пожелал выяснить, действительно ли это *шарира*: избранный им силач попытался расколоть шар ударом молота, но разбились и молот, и наковальня, а шар остался цел. Тогда государь уверовал, что Будда может быть учителем даже спустя много сотен лет после ухода из земной жизни, и тем самым признал силу Будды и его учения.

Рассказ о Кумараяне и его сыне Кумарадживе (6–4) раскрывает тему связи учителя и ученика с новой стороны: здесь вместо духовного родства есть родство настоящее, кровное. Событий в жизни знаменитого переводчика и буддийского проповедника Кумарадживы хватило бы не на один рассказ, но в этой истории он представлен не сам по себе, а как сын своего отца, монаха Кумараяны. Его собственная жизнь в рассказе почти не описывается, говорится лишь, что он вырос и привез в Китай статую Будды, завершив таким образом дело, начатое его отцом. Мы видим, что связь между учителем и учеником подобна связи между отцом и сыном – мотив, который звучит и в конфуцианских, и в буддийских сочинениях постоянно.

Следующая история посвящена еще одному знаменитому переводчику и проповеднику – Сюань-цзану, который отправился из Китая в Индию, чтобы поклониться святым местам, а главное, раздобыть священные тексты. В Индии Сюань-цзан повстречал Шилабхадру, наставника, который рассказал о связи между ним и Сюань-цзаном, завязавшейся еще много лет назад, и «передал Сюань-цзану учение, будто перелил воду в сосуд». Рассказ о том, кто был учителем главного героя-учителя, всегда важен в «Кондзяку». Нужен он для того, чтобы выделить еще одну особенность отношений «учитель – ученик»: учитель – всегда чей-то ученик, и наоборот, ученик, восприняв учение, сам становится наставником. Составители «Кондзяку», как кажется, специально подчеркивают, что рассматривать взаимоотношения наставников и их учеников вне общей линии передачи учения означает проявлять узость взгляда. По их мнению, важно всегда иметь возможность отодвинуть или приблизить условный «объектив», сквозь который мы смотрим на события. И если чуть отдалиться от конкретной пары «учитель – ученик», мы всегда увидим цепь, где один и тот же человек непременно и принимает, и передает учение. Точно так же и в бесконечной цепи причин и следствий одно всегда вытекает из другого и становится источником для следующего звена. Примечательно, что в документах преемства традиции созерцания имена всех наставников, начиная от Будды Шакьямуни и заканчивая самим получателем грамоты, писались по кругу, так что последнее имя оказывалось рядом с именем Будды. Тем самым подчеркивалось единство всех, кто сумел обрести просветление, их тождественность друг другу, ведь все они уже избавились от иллюзорного восприятия действительности как совокупности отдельных объектов и познали недualность мира. За личностью учителя стоит авторитет всех учителей, и в следующих

трех небольших рассказах (6–7, 6–8, 6–9) в роли высшего авторитета, зачинателя традиции, выступает Великий солнечный будда, Махавайрочана. Последний рассказ, посвященный именно людям, передающим учение, становится пограничным: в нем мудрец Буддхапали (кит. Цзюэ-ху) пытается стать учеником Манджушри и ради этого отправляется в долгое и полное опасностей странствие. Буддхапали добирается до гор Утайшань, где обитает Манджушри, но великий бодхисаттва напоминает ему, что его роль – быть не учеником, а наставником. Манджушри является Буддхапали в образе величавого старца и говорит:

Ученый монах, привез ли ты с собой Почитаемое победоносное заклятие головы Будды? Здесь, в Китае, люди много грешат, и даже среди тех, кто вышел из дому, полно неправедных. Почитаемое победоносное заклятие головы Будды способно очистить китайцев от их грехов. Если ты пришел без заклятия, что толку в твоём появлении? Даже если бы ты и увидел Манджушри, разве это помогло бы тебе по-настоящему прозреть? Иди-ка ты обратно в Индию, возьми заклятие и возвращайся в Китай. Твое дело – рассказывать о Победоносном заклятии жителям этих земель [Собрание... web].

Роли учителя и ученика здесь перепутаны, ведь Буддхапали действительно ученик по отношению к Манджушри, но Манджушри утверждает, что ему важнее быть наставником, нести свет Закона Будды. И мы опять убеждаемся в неразрывной связи и принадлежности к одной и той же цепи и учителя, и ученика.

Мудрые учителя и талантливые ученики: раздел «Наша страна»

Н.Н. Трубникова указывает, что в свитке «Начало буддизма в Японии», 11-м по счету, звучат две главные темы: передача учения и приметы, по которым видно, что жители Японских островов созрели для принятия буддизма [Собрание... web]. В контексте попытки реконструировать подход составителей «*Кондзяку*» к буддийскому наставничеству обе эти темы предстают как стороны одной медали, или скорее даже как части даосского символа единства темного и светлого начал, каждая из двух половин которого обуславливает существование другой. Как и Китай, Япония воспринимает буддизм тогда, когда в ней рождается мудрый правитель, способный понять учение. Но, в отличие от Китая, это происходит уже в первом рассказе, неудачных попыток принести буддизм в Японию нет, и в этом смысле Япония превосходит Китай. Царевич Сётоку, главный герой рассказа 11–1, одного из самых длинных и определенно ключевых для всего собрания, проявляет необычные качества с самого рождения; как сосуд, он способен вместить всю мудрость веков, прошедших со времен проповеди Будды Шакьямуни, и благодаря этому становится светочем для всей Японии. Его ученик – его страна, здесь нет отдельных имен, они не нужны. Этот же мотив можно встретить в рассуждениях наставников самой влиятельной в годы составления «*Кондзяку*» японской буддийской школы Тэндай: все жители Японии обладают совершенными способностями к восприятию буддизма [Трубникова 2010, с. 70].

Последующие одиннадцать рассказов посвящены уже отдельным жителям Японии: выдающимся личностям, ставшим наставниками для многих. Эти повествования в целом выстроены с соблюдением канонов жанра «преданий о достойных монахах» (*ко:со:дэн*), но составители «*Кондзяку*» расставляют акценты по-своему [Собрание... web; Трубникова 2018], и тема наставничества остается на своем важном месте – чего бы не было, если бы ее посчитали не стоящей внимания. Правда, она раскрывается с совершенно неожиданных сторон. В рассказе о Гёки (11–2) мы видим отсутствие явной пары «учитель – ученик».

Праведник Гёки рождается при чудесных обстоятельствах, проявляет необычные качества с детства, а потом становится монахом и мудрецом: личного учителя у него нет, как нет и какого-то одного любимого ученика. Гёки распространяет буддизм везде, где только может, по всей Японии, и в этом он подобен царевичу Сётоку. Монах Тико, который и по возрасту, и по положению мог бы стать его учителем, оказывается недостаточно умен и напротив, завидует Гёки, за что даже попадает в ад на какое-то время. А про Гёки рассказчик заключает, что тот был «живым превращенным телом... бодхисаттвы Манджушри». Получается, что ему и не нужен наставник, он сам выступает в роли источника мудрости (ср. рассказ 6–10 в китайской части, где Манджушри побуждает Буддхапали проповедовать китайцам).

Мирянин Эн-но гёдзя и вовсе не монах, не говоря уже о том, чтобы учиться где-то буддийской премудрости. Эн обретает чудесные способности благодаря личному подвижничеству. Следующий рассказ уже будет больше похож на истории из китайской части: там наставник Досё отправляется учиться, получает знания и привозит их в родную страну. Но сразу за повествованием о правителе следуют два рассказа о людях, не состоявших в парной связке со своими учителями, и это опять расширяет обзор читателям: тема наставничества многогранна, и ее нельзя сводить к одному лишь прямому обучению одного человека у другого.

Досё учился у Сюань-цзана. Имени наставника монаха Додзи, того из двух главных героев следующего рассказа, кто отправился в Китай, мы не знаем. Но мы знаем про Додзи, что «помыслы его были мудры и широки» и что в Китай он поехал, чтобы «еще глубже изучить Закон и принять его для передачи». В то же время собрат Додзи по имени Дзиньэй остался в Японии и выбрал себе в наставники не кого-нибудь, а самого бодхисаттву Кокудзо. Дзиньэй физически завязал с ним связь: ходил в храм, тянул за веревку, привязанную к статуе Кокудзо, и молил бодхисаттву помочь ему «обрести мудрость и разумение». Когда Додзи и Дзиньэй поспорили об учении Будды, Дзиньэй выиграл спор. Прежде были помещены рассказы о тех японских праведниках, кто в первые века проникновения буддийского учения в Японию обошелся совсем без наставника-человека. Теперь оказалось, что наставник, воплощенный в стоящей в японской храме статуе, сильнее китайского учителя-человека.

О монахе Гэмбо (ум. 746), ставшем причиной смуты, говорится, что он привез в Японию учение Хоссо, которое он воспринял у Чжи-чжоу (688–723), тогдашнего главы этой школы в Китае. А потом в Японию прибыл мудрый монах непосредственно из Индии (11–7), и мы узнаем, что связь между ним и праведником Гёки была завязана уже давным-давно. Следующий рассказ посвящен деятельности в Японии мудреца Гандзин (кит. Цзянь-чжэнь, 688–763), который построил в городе Нара помост для обряда монашеского пострига. В Китай Цзянь-чжэнь учился у наставника созерцания Чжи-маня, но в центре внимания рассказчика оказывается его собственная деятельность. Гандзин обустроил помост для посвящений, а значит, создал необходимые условия для того, чтобы новые люди становились учениками Будды, членами монашеской общины.

Рассказы о Кукай и Сайтё, 11–9 и 11–10, повествуют об основании двух важнейших японских буддийских школ: Сингон и Тэндай. Здесь японские монахи, ученики китайских наставников, сами не просто наставники, но патриархи-основатели, их деятельность подобна деятельности Сётоку-тайси и Гёки. Их учениками становятся все последователи их школ, а в более широком смысле – вся буддийская община Японии и вообще все ее жители. Наконец, рассказы 11–11 и 11–12 описывают путешествия двоих именитых тэндайских наставников в Китай за мудростью. Дзикаку (Эннин, 794–864) и Тисё (Энтин, 814–891) побывали у разных учителей в Китае. Эннин не сразу нашел учителя-человека, поскольку в годы, когда он отправился в Китай, там шли гонения на буддистов. Эннин едва удалось спастись с помощью будд, но он смог поклониться святым местам и впитать в себя мудрость, словно бы разлитую в тамошнем воздухе. Уже потом у него был учитель-

китаец, благодаря которому он «освоил и принял для передачи тайное учение». Энтин же символически завязал связь с самим Чжи-и, основателем китайской школы Тяньтай, когда бросил камешек в скалу, как это некогда делал Чжи-и, и извлек тот же звук, каким когда-то эта скала откликалась Чжи-и. Приехав в Японию, и Эннин, и Энтин основали свои общины, и в обоих случаях составители «*Кондзяку*» подчеркивают, что побывать в ученической роли нужно именно для того, чтобы потом передавать изученное дальше, выступать в роли учительской.

В последующих свитках буддийской части раздела «Наша страна» есть упоминания о парах «учитель – ученик», но наиболее ярко эта тема раскрывается в центральном для всего собрания 19-м свитке, посвященном уходу в монахи. И даже здесь, как прежде в японской части, подчеркивается разница между Китаем и Японией. Если для китайских буддистов очень важно найти истинного наставника и обеспечить непрерывную линию передачи учения, то для японских буддистов важнее всего раскрыть собственные способности, обрести мудрость, уже заложенную в них, и принять непростое решение пройти Путем Будды. Наставники тех, кто решил уйти в монахи, могут быть выдающимися или не очень, их может вообще не быть, но процветание буддизма в стране Японии зависит не от верности и непрерывности традиции: оно обусловлено пространством самой Японии. Из 41 рассказа 19-го свитка (формально их 44, но от трех рассказов сохранились только заголовки), взаимоотношения между учителем и учениками упоминаются лишь в семи рассказах, причем только в четырех приведены какие-то подробности. В рассказах 19–1, 19–3 и 19–17 говорится только, что люди, принявшие постриг, учились у таких-то наставников.

Казалось бы, тема наставничества и ученичества отходит на второй план, но на самом деле составители «*Кондзяку*» еще раз напоминают: в бесконечной цепи учителей и учеников каждый человек должен прежде всего сам ощутить свою готовность воспринимать учение, совершить собственное усилие и захотеть обрести взгляд на мир, свободный от иллюзий, ради того, чтобы освободить живые существа от страданий. Только тогда он сможет стать учеником, а затем и учителем. Все, кто так или иначе взаимодействует с учителями в 19-м свитке, в той или иной степени стремятся вместить в себя мудрость Будды. Чиновник Архива (Куродо-докоро) по имени Мунэмаса в рассказе 19–10 принял постриг и поступил в обучение к наставнику Дзога, известному своей эксцентричностью и резкостью. После кончины наследного принца, к которому Мунэмаса был сердечно привязан, его одолела грусть, и Дзога разбил его за неготовность отбросить мирские чувства. Все думали, что Мунэмаса уйдет от Дзога, но он подождал, пока гнев учителя утихнет, и продолжил подвижничество. Монах Коэн, ученик настоятеля Какуэн из рассказа 19–23, оказался единственным достойным учеником из множества насельников храма Ханьядзи. Какуэн предсказал, что только Коэн сумеет выполнить его предсмертный наказ и остаться в беднеющем храме до самого последнего дня, невзирая на невзгоды, лишения и тяготы, и Коэн так и поступил.

Учителя и ученики в мирской жизни

Взаимоотношениям наставников и их учеников вне монашеского пути в «Собрании стародавних повестей» уделяется не так уж много внимания, но рассказы о них тоже есть. В китайской части собрания это прежде всего несколько историй о Конфуции, в которых его ученик – это в первую очередь свидетель и слушатель, человек, внимающий учителю.

Вообще, формат текста, в котором происходит условный диалог учителя и ученика (настоящих или выдуманных) в восточных культурах встречается часто. К «Беседам и суждениям» Конфуция восходит жанр «записанных речей», *юйлу*, – это беседы учителя с учениками, их формат позже использовался в буддийской традиции созерцания. Среди

японских сочинений можно видеть трактаты, в целом построенные как дискуссия или объяснение – начиная с «Санго: *сиики*» (797 г., автор – Кукай); из средневековых памятников таковы, например, «Записи при свете светильника о конце Закона» («*Manno: то:мё:-ки*», конец XII в.).

Ученик в таких текстах, с одной стороны, выполняет роль человека, в воспитании которого может проявиться мудрость учителя. И, с другой стороны, подобные тексты предполагают, что встать на место этого ученика может каждый читатель – и приобщиться таким образом к учению, тоже сделаться последователем того или иного мудреца. В поучительном нарративе *сэцува* эти сюжеты могут играть примерно ту же роль.

Успех или неуспех учеников отражается на репутации наставника. Так, в рассказе 10–15 разбойник Чжи спорит с Конфуцием, доказывая, что его взгляды относительно того, как следует жить, неверны: «А еще у тебя был ученик Янь Хуэй. Хоть ты его и учил уму-разуму, он ничего не постиг, прожил недолго и умер. А был еще у тебя же ученик Цзы Лу. Его убили у ворот Вэй... Стало быть, вся эта мудрая братия в итоге никакие не мудрецы» [Собрание... web]. Разбойник вспоминает и легендарных мудрецов древности, которые, по его мнению, тоже были неправы; после того указывает на неудачи самого Конфуция, но когда приводит в пример учеников философа, это можно прочесть и так: знания, которые ты им дал, были бесполезны, ты ничему не смог их научить.

При этом история Конфуция и его ученика Янь Хуэя упомянута в сборнике *сэцува* XIII в. «Наставления в десяти разделах» («*Дзиккинсё:*») среди историй о по-настоящему крепкой дружбе: когда погиб любимый ученик мудреца, учитель «перестал есть те кушанья, какие они ели вместе» [Трубникова 2023, с. 281]. Упоминание отношений наставника и ученика в таком контексте может показаться странным из-за ситуации однозначного неравенства в них³, но другие примеры во введении к пятому, посвященному дружбе, разделу сборника тоже таковы.

В китайской части «*Кондзяку*» показана особенная близость наставника и его подопечного: так, в рассказе 9–36 Жэнь-цян с Вэнь-бэнем «ни в чем не мыслили розно» (во множестве японских *сэцува* это выражение также используется для характеристики взаимоотношений друзей), и из их разговора следует, что доверие между учителем и учеником таково, что первый второму может рассказывать даже то, о чем не следует знать никому иному.

Вообще в китайской традиции роль учителя в судьбе человека и общества сложно переоценить: мудрец или учитель признается столь же почитаемым, как предки, правитель, Небо и Земля [Чжао 2021]. В японском буддийском сборнике *сэцува* «Собрание песка и камней» («*Сясэкисю:*», XIII в.) авторства монаха Мудзю Итиэн можно видеть похожее перечисление, речь идет о «поле благодарности»: благодарным нужно быть отцу, матери, учителям и правителям (7–11, 7–25) [Собрание песка и камней 2017, с. 446, 482]. Вряд ли будет ошибкой также сказать, что и в позднейшей японской культуре огромное значение придается тому, чей человек ученик; принадлежность к школе, а не только к роду, – один из важных показателей, определяющих его положение в социальной системе. В школах различных искусств до сих пор ученики получают новое, соотносящееся с именем учителя имя, под которым они и станут в дальнейшем представлять свои произведения.

Примеры взаимоотношений наставника и ученика из японской жизни встречаются в 24-м свитке – закономерно, поскольку этот раздел посвящен всяческим искусствам и умениям. В рассказе 24–16 пару учителя и ученика составляют два знаменитых *оммё:дзи*, знатока Темного и Светлого начал, – Камо-но Тадаюки (X в.) и Абэ-но Сэймэй (921–1005). По версии «*Кондзяку*», Сэймэй в детстве обучался у Тадаюки (который выступал наставником и для

³ Для японской культуры, где каждый человек занимает своё четко определенное место в иерархии, дружба во многих случаях предполагает ситуацию, когда соподчинение людей неоднозначно [Трубникова 2015].

своего сына Ясунори⁴, тоже одаренного *оммё:дзи*, в рассказе 24–15). Сэймэй поразил учителя своим талантом (он был способен увидеть демонов, что «обыкновенным» людям не дано), потому Тадаюки к нему очень привязался и «учил его Пути, словно переливал воду из одного сосуда в другой», что, в свою очередь, помогло Сэймэй стать выдающимся мастером.

Получается, что по-настоящему прикладывать усилия в обучении преемников мастер Темного и Светлого начал стал только тогда, когда убедился, что юноши того стоят. Идея отбора совсем не нова: про выбор учеников говорит Конфуций в «*Лунь юй*»: «Я не направляю на правильный путь того, кто не стремится к знанию. Я не обучаю того, кто не испытывает затруднений в выражении своих мыслей. Я не повторяю тому, кто не способен по одному углу отыскать три остальных» [Конфуций 1998, с. 348]. Такой подход закрепится в китайской традиции: в сочинении начала XVII в. «Вкус корней» Хун Цзычэн (который является также автором сборников жизнеописаний бессмертных и буддийских святых) напишет: «Круг учеников должно отбирать с тем же тщанием, что и круг знакомств благонаправных девиц. Один беспутный человек в нем подобен сорной траве, проросшей посреди ухоженных всходов: с такого поля уже никогда не соберешь отборное зерно» [Афоризмы... 2004, с. 163]. Традиционная конфуцианская образовательная система (в ее удачном варианте), с одной стороны, предполагает ориентацию на личностный образец учителя, а с другой – обучение в ее рамках понимается как развитие изначально присущих ученику качеств; чтобы его осуществить, «учитель дает разные объяснения и задания различным ученикам в соответствии с их особенностями и возможностями» [Канаев, Ли Хуэй Фан 2016, с. 91]. В японских средневековых текстах похожим образом к помощи людям подходят будды: они применяют различные «уловки», сообразно качествам отдельного человека выбирая способ, посредством которого можно направить его к постижению Пути Будды.

С помощью образа сосуда с водой в китайских сочинениях нередко описывается природа человека. Например, это сравнение использует Мэн-цзы (Глава 6, «Гао-цзы», ч. 1 [Мэн-Цзы 1972, с. 243]). Японские тексты продолжают эту традицию, так, в «*Дзиккинсё*:» в упомянутом выше введении к разделу о дружбе сказано: «Помыслы человеческого сердца, подобно воде, следуют очертаниям сосуда. Если сосуд узкий, то и вода в нем узка. Если сосуд круглый, то и вода в нем кругла. Сердце следует за другом» [Трубникова 2023, с. 279]. Воин Ходзё Сигэтоки (1198–1261) в наставлениях потомкам пишет, почему нужно прислушиваться к поучениям мудрых людей: «Само по себе наше сердце, должно быть, подобно воде. А согласно старинному изречению, вода принимает форму сосуда. Так и сердце» [Коляда 2017, с. 166]. Сигэтоки свои слова подкрепляет отсылкой не к конфуцианским текстам, а к «*Дао дэ цзин*» (8): «Высшее благо словно вода. Вода приносит благо и пользу всем существам, ни с кем вражды не зная... Живи в благих землях, пусть твое сердце станет полноводным водоемом блага... Лишь тот, кто не враждует, не будет ненавидим» [Торчинов 2004, с. 206–207].

И здесь, и далее знание предстает не как опыт самого человека, что-то уже постигнутое им, а как нечто передаваемое, подобно воде, которую можно перелить из сосуда в сосуд, от учителя к ученику, хотя сколько последний сможет принять – зависит от его таланта, от вместимости его «сосуда». В традиции *сэцува* после «*Кондзяку*» такой подход можно видеть в «Собрании песка и камней»: например, в рассказе 2–5 у монаха «был ученик, подходящий сосуд для учения» [Собрание песка и камней 2017, с. 106], которому можно было передать тайные знания; досточтимый выбирает учеников, которых оценивает как «подобные сосуды» (3–5, [Собрание песка и камней 2017, с. 189]); добрый монах Дзидзю – «из тех сосудов, что не способны вместить науку» (5А–4, [Собрание песка и камней 2017, с. 106]), и т.д. Подвижник

⁴ Еще один интересный пример, когда отец выступает в роли наставника для сына, в «*Кондзяку*» есть в китайском разделе: в рассказе 10–24 Цзя И (201–168 до н.э.), знаменитый знаток словесности и поэт, после смерти является своему сыну, чтобы обучать его.

говорит о себе: «Неглубокий я сосуд для мудрости» (1–3, [Собрание песка и камней 2017, с. 29]); зато о хитром мальчике, который провел жадного учителя и съел его сладости, Мудзю пишет, что он, должно быть, «не худший сосуд для учености» (8–11, [Собрание песка и камней 2017, с. 503]).

Вернемся к рассказу 24–16 из «*Кондзяку*». Далее в нем описывается, как некий монах (возможно, он же – персонаж-гадатель, история о котором помещена в свитке дальше) явился испытать Сэймэй, для вида попросившись к нему в ученики. Знаменитый *оммё:дзи*, однако, его замысел понял и монаха обыграл, посрамив. Тогда последний, извиняясь, по достоинству оценил мастерство Сэймэй и отдал ему табличку с именем, *мё:бу*, – признал превосходство оппонента.

Тема испытания здесь поднимается в двух аспектах: с одной стороны, доказывается талант Ясунори и Сэймэй, после чего Тадаюки всерьез занимается обучением мальчиков; с другой стороны, возможно и обратное – испытание потенциального наставника будущим преемником. Или же этот пассаж можно рассматривать как ситуацию, когда отношения учителя и ученика возникают между двумя мастерами, в состязании выяснившими, кто в своем деле больший знаток. Такой мотив уже звучал и в индийской части «*Кондзяку*»; подобные переключки укрепляют смысловое единство собрания. О том же, что человек может (и должен) придирчиво выбирать наставника, применительно к религиозному пути говорит, например, Мёэ (1173–1232) в «Последнем наказе досточтимого Мёэ из Тоганоо»: «Нужно выбирать учителя, хорошенько все взвесив, рассудив и снова рассудив. Не следует тут ни подчиняться воле родителей, ни тянуться за друзьями, ни полагаться на случай» [Трубникова, Бабкова 2014, с. 463].

В рассказе 24–22 представлен пример отсутствия преданности учителю. Безымянный герой истории уговаривает приезжего китайца, гадателя на палочках, научить его этому искусству; китаец, видя его талант, соглашается – в обмен на обещание героя отправиться с ним в Китай – и передает ему почти все секреты мастерства. Однако японец обманывает учителя, с ним не уезжает, и разгневанный китаец напоследок жестоко проклинает клятвopреступника: герой лишается ума.

Успешность подобного проклятия, по меркам «*Кондзяку*», – вопрос воздаяния за поступки в прошлых или нынешней жизни; например, несколькими рассказами ранее именно так объясняется кончина сановника, который не соблюдал «удаление от скверны», *моноими*, что дало возможность знатоку Темного и Светлого начал по заказу завистника проклясть его насмерть. Думается, историю о гадателях на палочках тоже можно прочесть и с этой стороны: неблагодарность по отношению к учителю, – серьезный грех.

Следующий рассказ – тоже в некотором смысле история об ученичестве, в нем говорится о передаче секретов мастерства. Придворный Минамото-но Хиромаса узнал о слепом музыканте Сэмимару, которому были ведомы мелодии для лютни *бива*, неизвестные больше никому. Сам же Сэмимару стал искусен, как сообщает рассказчик, потому что «многие годы слушал, как играет на лютне принц», сын государя Уда. Такой необычный способ приобретения мастерства в этом свитке упоминается еще раз, хотя и в менее ярком варианте: в рассказе 24–27 старая монахиня, некогда бывшая служанкой в доме знатока словесности Ооэ-но Асацуна и слушавшая, как ее господин читает китайские стихи, поправляет чтеца из компании господ, пришедших полюбоваться луной в усадьбу, где некогда жил Асацуна (чтец произносит стихотворение неверно).

Итак, Хиромаса захотел выучить тайные мелодии, но явиться домой к музыканту в его бедное жилище не мог (из вежливости, не желая смущать его), поэтому следующие три года каждую ночь прятался у его хижины и слушал, не сыграет ли Сэмимару эти напевы. В конце концов два музыканта познакомились, и слепой лютник передал Хиромаса, проявившему такую преданность искусству, интересующие его напевы. Это были «Родник» («*Рю:сэн*») и «Дятел» («*Такубоку*»), которым, по преданию, научился в Китае Фудзивара-но Садатоси,

и в Японии они передавались от учителя к ученику [Matisoff 1978, p. 25]⁵; то есть Сэмимару фактически признал Хиромаса своим учеником.

В качестве наставника, который, не будучи «постоянным» учителем, передает человеку какие-то определенные знания, в «*Кондзяку*» может выступать нечеловеческая сущность: так, в рассказе 24–28 бог Тэндзин лично является во сне паломнику, чтобы пояснить, как нужно читать стихотворение, сложенное самим богом, когда он был смертным человеком, поэтом Сугавара-но Митидзанэ (845–903). И таких чудес, отмечает составитель сборника, Тэндзин являл много. При этом по тексту «*Кондзяку*» представляется, что в случае поэзии можно перенять что-то от другого мастера, но нет, по сути, примеров того, чтобы этому искусству кто-то кого-то целенаправленно учил. Можно подумать, что поэзии научить невозможно, при том что в хэйанской культуре это было не так: уже в XII в. появляются поэтические трактаты, которые можно расценить как педагогические тексты, предназначенные именно для обучения поэтов *вака*. Правда, «профессиональных наставников» в этой области действительно долгое время было мало [Stilerman 2017]. Китайской же поэзии обучали в Дайгакурё: наставники-профессионалы. Но поскольку умение разбираться в таких стихотворениях должно относиться в глазах составителей «*Кондзяку*», как нам кажется, не только к поэтическому таланту, но и к образованности, можно предположить, что в собрании по умолчанию считается, что каждого знатного юношу обучали таким вещам. Знатоки словесности также находятся в числе мастеров своего дела, упоминаемых в «Собрании».

Заключение

Принципы, по которым функционирует наставничество в «*Кондзяку*», по сути, едины для передачи мирских знаний или Закона Будды. Крепкие отношения учителя и ученика становятся частью многомерных связей внутри традиции, которые традицию и создают. Это подчеркивается самой структурой собрания, многочисленными переключками между рассказами в том числе разных частей – индийской, китайской, японской. Это придает больше красок каждому отдельному сюжету, если читатель представляет себе и весь сборник целиком. Традиция живет, и каждый, кто оказался подходящим «сосудом» в ней – чей-то ученик и чей-то учитель.

Но помимо того, в «*Кондзяку*» не упущены и простые, «человеческие» аспекты взаимоотношений наставника и его преемника. Показано, как могут соприкасаться разные, обладающие индивидуальными чертами личности, как могут они взаимодействовать удачно или неудачно, как важны и ценны в этих отношениях общечеловеческие добродетели – благодарность, преданность, забота о ближнем, – и насколько их важность универсальна, и в Индии времен Будды, и в Китае, и в Японии для составителей недавних лет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Афоризмы старого Китая / сост., пер., вст. ст. и комм. В.В. Малявина. Москва: Астрель, АСТ. 2004.
Бабкова М.В., Трубникова Н.Н. Буддийская община глазами наставника Догэна. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив. 2019.
Торчинов Е.А. Даосизм. «Дао-Дэ цзин». Санкт-Петербург: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение. 2004. С. 203–252.

⁵ В «*Гэмтэй сэйсуйки*» будет уточняться, что эти мелодии – музыка, имеющая божественное происхождение и особую действенность; сам Сэмимару в этом источнике, в отличие от более ранних, уже называется принцем [Matisoff 1978, p. 76–77].

- Канаев И.А., Ли Хуэй Фан. Системы обучения и понимание знания // Вопросы философии. 2016. № 9. С. 83–93.
- Коляда М.С. Ходзё Сигэтоки и его наставления потомкам. Ходзё Сигэтоки. Наставления господина Гокуракудзи / пер. со старояпонского и примечания М.С. Коляды // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 155–182.
- Конфуций. Лунь юй / пер. Переломов Л.С. Москва: Восточная литература. 1998.
- Мэн-Цзы / пер. Л. И. Думана. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 1. Москва: Мысль. 1972.
- Собрание песка и камней / пер. со старояпонского Н.Н. Трубниковой. «Собрание песка и камней» в истории японской философской мысли. Т. 1. Собрание песка и камней. Москва, Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив. 2017.
- Собрание стародавних повестей / пер. Трубниковой Н.Н., Бабковой М.В., Коляды М.С. под ред. Мещерякова А.Н. <https://trubnikovann.wixsite.com/trubnikovann/blank-czx1>
- Трубникова Н.Н. «Сборник наставлений в десяти разделах»: практическая философия в средневековой Японии. Москва: Изд. дом «Дело» РАНХиГС. 2023.
- Трубникова Н.Н. Первые философы Японии в «Собрании стародавних повестей» // Философские науки. 2018. № 8. С. 23–45.
- Трубникова Н.Н. Равные помыслы: истории о дружбе в японской словесности (по Сборнику наставлений в десяти разделах) // Человек. 2015. № 6. С. 142–160.
- Трубникова Н.Н. Традиция «исконной просветленности» в японской философской мысли. Москва: РОССПЭН. 2010.
- Трубникова Н.Н., Бабкова М.В. Обновление традиций в японской религиозно-философской мысли XII–XIV вв. Москва: Политическая энциклопедия. 2014.
- Чжао Синьчжу. Конфуцианское семейное воспитание и идеологическая традиция «Тянь Ди Цзюнь Цинь Ши» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2021. Т. 25. № 2. С. 311—319. DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-2-311-319

REFERENCES

- Babkova, M.V. & Trubnikova, N.N. (2019). *Buddiiskaya obshchina glazami nastavnika Dogena* [Sangha in the eyes of teacher Dōgen]. Moscow, Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. (In Russian).
- Duman, L.I. (Transl.) (1972). Mencius. *Drevnekitayskaya filosofiya. Sbranie tekstov v dvukh tomakh* [Ancient Chinese Philosophy. Texts. In 2 vols.]. Vol. 1. Moscow: Mysl'. (In Russian).
- Kanaev, I.A. & Li Huifang (2016). Sistemy obucheniya i ponimanie znaniya [Educational Systems and Understanding of Knowledge]. *Voprosy Filosofii*, 9, 83–93. (In Russian).
- Kolyada, M.S. (2017). Hodzyo Sigetoki i ego nastavleniya potomkam. Khodzyo Sigetoki. Nastavleniya gospodina Gokurakudzi. Perevod so staroyaponskogo i primechaniya M.S. Kolyady [“Hojo Shigetoki and His Precepts for the Descendants,” Hojo Shigetoki, “*Gokurakuji-dono goshosoku*”, translated into Russian by Maria S. Kolyada]. *Voprosy Filosofii*, 6, 155–182. (In Russian).
- Malyavin, V.V. (Transl.) (2004). *Aforizmy starogo Kitaya* [Chinese maxims]. Moscow: Astrel', AST. (In Russian).
- Perelomov, L.S. (Transl.) (1998). *Konfutsii. Lun' yui* [Confucius, *Analects*]. Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russian).
- Torchinov, Ye.A. (Transl.) (2004). *Daosizm. «Dao-De tszin»* [Taoism. Tao Te Ching]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika; Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russian).
- Trubnikova, N.N. (2010). *Traditsiya «iskonnnoi prosvetlennosti» v yaponskoi filosofskoi mysli* [Hongaku Tradition in Japanese Philosophy]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

- Trubnikova, N.N. & Babkova, M.V. (2014). *Obnovlenie traditsii v yaponskoi religiozno-filosofskoi mysli XII–XIV vv.* [Japanese Religious Philosophy in 13th – 14th Centuries: Renewing Traditions]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. (In Russian).
- Trubnikova, N.N. (2015). Ravnye pomysly: istorii o druzhbe v yaponskoi slovesnosti (po Sborniku nastavlenii v desyati razdelakh) [Unanimity: Friendship Stories in Japanese Literature (*Jikkinsho*)]. *Chelovek*, 6, 142–160. (In Russian).
- Trubnikova, N.N. (Transl.). (2017). *Sobranie peska i kamnej* [*Shasekishū*]. «*Sobranie peska i kamnei*» v istorii yaponskoi filosofskoi mysli [*Shasekishū* in the History of Japanese Philosophy]. Vol. 1. Moscow, Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. (In Russian).
- Trubnikova, N.N. (2018). Pervye filosofy Yaponii v «Sobranii starodavnikh povestei» [Early Japanese Philosophers in *Konjaku monogatari shū*]. *Filosofskie nauki*, 8, 23–45. (In Russian).
- Trubnikova, N.N., Babkova, M.V., & Kolyada, M.S. (Transl.) (2018–2020). «*Sobranie starodavnikh povestei*» [Konjaku Monogatari-shū]. Retrieved October 12, 2023, from <https://trubnikovann.wixsite.com/trubnikovann/blank-czx1> (In Russian).
- Trubnikova, N.N. (2023). «*Sbornik nastavlenii v desyati razdelakh*»: prakticheskaya filosofiya v srednevekovoi Yaponii [*Jikkinshō*: Practical Philosophy in Medieval Japan]. Moscow: Delo RANEPa. (In Russian).
- Zhao Xinzhu. (2021). Konfutsianskoe semeinoe vospitanie i ideologicheskaya traditsiya «Tyan’ Di Tszyun’ Tsin’ Shi» [Confucian Family Education and Ideological Tradition “*Tian Di Jun Qin Shi*”]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya*, 25 (2), 311–319. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-2-311-319

* * *

- Konno Tōru, et al. (Eds.). (1993–1999). *Konjaku monogatari shū*, SNKBT series (Vols. 33–37). Tokyo: Iwanami. (In Japanese).
- Matisoff, S. (1978). *The legend of Semimaru, blind musician of Japan*, New York: Columbia University Press.
- Nakagawa Satoshi (Ed.). (2014–2018). *Konjaku monogatari shū*. Retrieved October 19, 2023, from http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html (In Japanese).
- Stilerman, A. (2017). Cultural Knowledge and Professional Training in the Poetic Treatises of Late Heian Japan. *Monumenta Nipponica*, 72 (2), 153–187.

Поступила в редакцию: 20.11.2023

Received: 20 November 2023

Принята к публикации: 23.04.2024

Accepted: 23 April 2024

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-21-40

Внешнеполитическое наследство премьер-министра Японии Абэ Синдзо

А.Н. Панов

Аннотация. Статья посвящена анализу внешнеполитической деятельности Абэ Синдзо, одного из наиболее ярких и неординарных политических деятелей современной Японии, дважды возглавлявшего японское правительство в общей сложности почти девять лет. Прослеживается процесс формирования его политической философии под влиянием идеологических взглядов его родственников – премьер-министров Н. Киси и Э. Сато, а также отца, министра иностранных дел Абэ Синтаро. Рассматриваются подходы С. Абэ к выстраиванию отношений Японии с наиболее важными для интересов Токио странами.

С. Абэ добился своего восприятия в Вашингтоне в качестве преданного союзника США, доверительных отношений с президентами Б. Обамой и Д. Трампом. В этих целях укреплял японо-американское военно-политическое сотрудничество, предпринял шаги к поддержке американской стратегии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Он осуществлял, хотя и без серьезных результатов, усилия по стабилизации отношений с Китаем, пытаясь сочетать политику сдерживания Пекина с шагами по развитию двусторонних связей. Большое внимание Абэ уделял отношениям с Индией, в том числе с целью продвижения выдвинутой им и поддержанной США идеи четырехстороннего сотрудничества «демократий» в Индо-Тихоокеанском регионе – США, Японии, Индии, Австралии.

На корейском направлении политика Абэ успехом не увенчалась. Отношения с Пхеньяном оставались в тупике, а с Сеулом не были окончательно решены острые двусторонние проблемы. Серьезное внимание С. Абэ также уделял политике, направленной на заключение мирного договора с Россией на основе радикального улучшения японо-российских связей во всех сферах. Раскрываются причины его неудачи на этом направлении.

В статье оценивается политика Абэ по разработке правительственных документов и принятию японским парламентом законов, определяющих основные направления внешней и военной политики страны. Автор дает характеристику результатов деятельности С. Абэ в сфере внешней политики и оценивает ее влияние на формирование курса японского правительства после его отставки.

Ключевые слова: политическая философия Абэ, японо-американские отношения, японо-китайские отношения, японо-индийские отношения, отношения Японии с Республикой Корея, отношениях Японии и КНДР, японо-российские отношения; политика Японии в сфере безопасности.

Автор: Панов Александр Николаевич, доктор политических наук, профессор МГИМО МИД РФ, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН (119454 Россия, Москва, проспект Вернадского, 76). ORCID: 0000-0003-0236-3576; E-mail: panov.taishi@yandex.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Панов А.Н. Внешнеполитическое наследство премьер-министра Японии Абэ Синдзо // Японские исследования. 2024. № 2. С. 21–40. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-21-40

Foreign policy legacy of Prime Minister of Japan Abe Shinzō

A.N. Panov

Abstract. The article analyzes the foreign policy of Abe Shinzō, one of the most notable and unusual political figures of contemporary Japan, who was twice the head of Japanese government for a total of almost nine years. It traces how his political philosophy formed under the influence of ideological views of his relatives, prime ministers N. Kishi and E. Sato, as well as his father, Abe Shintarō. It also considers Abe's approaches to building Japan's relations with the countries which are most important for its interests.

S. Abe was perceived as a devoted ally of the U.S. in Washington. He established relations of confidence with presidents Obama and Trump. For this purpose, he strengthened Japanese-American military-political cooperation, took steps to support American strategy in the Asia-Pacific region. He implemented, even if without substantial results, steps to stabilize relations with China, trying to combine policy of containing Beijing with efforts to develop bilateral ties. Abe paid substantial attention to relations with India, including for the purpose of the idea, which was put forward by him and supported by the U.S., to establish quadrilateral cooperation of "democracies" in the Indo-Pacific region – the U.S., Japan, India, and Australia.

His policy on the Korean direction was not successful. The relations with Pyongyang remained in deadlock, and, with Seoul, the most acute bilateral problems were not finally solved. Abe also paid great attention to policy aiming to conclude a peace treaty with Russia on the basis of a radical improvement of Japanese-Russian ties in all spheres. The reasons for his failure in these directions are discussed in this article.

The article evaluates Abe's efforts aimed at developing governmental documents and making the Diet adopt laws determining the basic directions of the foreign and military policy of the state. The author characterizes the results of the activity of S. Abe in the sphere of foreign policy and assesses its influence on the formation of the course of the Japanese government after his resignation.

Keywords: political philosophy of Abe, Japan-US relations, Japan-China relations, Japan-India relations, Japan-Republic of Korea relations, Japan-DPRK relations, Japan-Russia relations, Japan's security policy.

Author: *Panov, Alexander N.*, Doctor of Sciences (Politics), Professor of MGIMO MFA Russia, Chief Researcher, Institute of U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences. 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow 119454 Russian Federation.

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Panov, A.N. (2024). Vneshnepoliticheskoe nasledstvo prem'er-ministra Yaponii Abe Sindzo [Foreign policy legacy of Prime Minister of Japan Abe Shinzō]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 2, 21–40. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-21-40

Введение

8 июля 2022 г. на предвыборном митинге выстрелом в спину был смертельно ранен Абэ Синдзо – один из наиболее ярких, харизматичных политиков Японии не только XXI в., но и за всю историю страны после окончания Второй мировой войны. По количеству дней пребывания в кресле премьер-министра – 3188 (из них непрерывно 2822) он превзошел и довоенного рекордсмена – премьера Кацура Таро.

С. Абэ родился в 1954 г. в семье политических деятелей, оставивших серьезный, но в то же время неоднозначный след в политической жизни Японии, начиная еще с довоенного времени. Его дед Киси Нобусукэ, будучи в 30-е гг. XX в. главой министерства вооружений, выступал за войну с США, руководил мобилизацией сотен тысяч китайцев и корейцев на работы по производству вооружений для японской армии. После войны он был осужден как военный преступник и приговорен к тюремному заключению.

После освобождения Киси вернулся к активной политической деятельности и быстро приспособился к новым реалиям, изменив свои взгляды с антиамериканских на проамериканские. Это помогло ему выстроить впечатляющую карьеру. При поддержке американцев он стал премьер-министром (1956–1960 гг.) и оправдал их доверие. Несмотря на широкомасштабное движение в стране против заключения между Японией и США Договора о гарантии безопасности (Договор безопасности), он добился его подписания и ратификации.

Дядя отца Синдзо Сато Эйсаку возглавлял японское правительство в 1964–1972 гг. При нем Япония вышла на второе место в мире после США по экономической мощи. Сато удостоился Нобелевской премии мира за усилия, способствовавшие подписанию, а затем и ратификации Договора о нераспространении ядерного оружия (в Японии многие считают основания для его награждения сильно преувеличенными).

Отец Синдзо Абэ Синтаро был видным деятелем Либерально-демократической партии. На посту министра иностранных дел в конце 1980-х гг. он развернул личную активную дипломатическую деятельность, выступив в, том числе, за улучшение отношений Японии с Советским Союзом. Только серьезное заболевание и ранняя кончина в 1991 г. помешали ему стать премьер-министром.

Именно выполняя обязанности секретаря своего отца, Синдзо впервые познакомился с закулисами японской политики. После кончины отца в 1993 г. он был впервые избран депутатом палаты представителей парламента и впоследствии переизбирался 9 раз. Абэ занимал посты генерального секретаря ЛДП и генерального секретаря кабинета министров, а в 2006–2007 гг. возглавил японское правительство. В 2007 г. Абэ вынужден был по болезни уйти в отставку с поста главы кабинета, однако вскоре вернулся к активной политической деятельности, преодолев заболевание с помощью новейшего лекарства. Через 5 лет он вновь был избран премьер-министром и занимал этот пост рекордный срок с сентября 2012 г. до февраля 2020 г. Выйдя в отставку по причине обострившегося заболевания, он до конца жизни оставался депутатом парламента, влиятельным политиком, возглавляющим самую крупную фракцию в правящей партии.

Политическая философия Абэ Синдзо

Будучи частью клана видных японских политиков, Синдзо, безусловно, не мог не испытывать влияния их взглядов на формирование собственного видения того, как и куда следует направлять стратегический курс страны. Его оценки японской политики военного периода и последовавшей оккупации страны США во многом сформировались под воздействием взглядов Н. Киси. Тот считал, что Япония вела «справедливую» и даже «священную» войну, выступал за создание «новой Японии», подразумевая при этом не в последнюю очередь пересмотр «навязанной победителями» конституции.

Н. Киси был не одинок, и в настоящее время несогласие с «навязанной Японии послевоенной системой», порожденной в результате «исторического унижения», которое принесло поражение в войне, довольно глубоко укоренилось в солидной части японского истеблишмента, ядро которого сосредоточено в Либерально-демократической партии.

В противовес этим взглядам, в различных политических кругах Японии сохраняется критическое отношение к милитаристскому прошлому страны. Возглавлявший японское правительство социалист Т. Мураяма в 1985 г. в связи с 50-й годовщиной окончания Второй мировой войны выступил с заявлением, в котором выражалось глубокое сожаление и приносились извинения в связи с теми страданиями, которые принесли азиатским народам колониальное правление и агрессия. С заявлением аналогичного содержания по случаю 60-й годовщины окончания войны выступил и премьер-министр Дз. Коидзуми, который был председателем Либерально-демократической партии.

Абэ Синдзо, судя по его высказываниям, солидаризировался не с этими заявлениями, а позицией своего деда и его последователей. Он охарактеризовал как «глупость» сделанное в 2010 г. заявление Кан Наото, возглавлявшего тогда правительство Демократической партии, в котором тот принес извинения «за травмы колониального угнетения», причиненные Японией корейскому народу¹.

Вместе с тем, возглавив в 2012 г. правительство во второй раз, С. Абэ вынужден был считаться с тем, что более 50% японского общественного мнения, согласно проводившимся опросам, рассматривало действия японского руководства военного времени как агрессию и считало обоснованным принести за это извинения². Решительно с осуждением этих действий выступали и государства, особо пострадавшие от них – Китай и Республика Корея, с которыми Абэ намеревался активизировать отношения.

Более того, зная о взглядах Абэ на японское милитаристское прошлое, в Вашингтоне с неодобрением встретили его заявление о «нелегитимности и несправедливости» решений Международного военного трибунала, осудившего японскую агрессию и преступления японских руководителей военного времени. Критически воспринимались посещения Абэ в качестве главы правительства храма Ясукуни – «символа японского милитаризма». Когда Абэ в 2013 г. посетил храм, администрация Обамы выступила с беспрецедентным заявлением о «разочарованности» поступком премьер-министра Японии. Вашингтон беспокоило то, что ревизионистские взгляды Абэ на оправдание агрессивных действий Японии могут привести и к обоснованию «справедливого характера» японского нападения на США. И в конечном итоге – к культивированию антиамериканских настроений в японском обществе. Не случайно исследовательская служба Конгресса США в своем докладе с анализом политических взглядов Абэ охарактеризовала его как «исторического ревизиониста» (подр. см. [Панов 2016])³.

В результате внутреннего и внешнего давления Абэ скорректировал свою позицию. Она стала выглядеть двойственной. С одной стороны, в свое заявление в качестве главы японского правительства от 14 августа 2015 г. в связи с очередной годовщиной окончания Второй мировой войны он включил в него признание «безмерного ущерба» и страданий, нанесенного Японией «невинным людям», выразил «глубокое раскаяние за войну». С другой стороны, в заявлении не содержалось извинений за содеянное японской военщиной, а только констатировалось, что Япония уже «неоднократно выражала чувство глубокого раскаяния и искреннего извинения за свои действия во время войны» и что такая позиция, изложенная предыдущими японскими правительствами, останется неизменной «в будущем». При этом в его выступлении проводилась мысль о том, что поскольку послевоенное поколение составляет более 80% населения страны и не имеет ничего общего с войной, то ему и следующим поколениям нет необходимости продолжать извиняться за прошлое⁴.

Абэ последовал «рекомендациям» администрации президента США Обамы воздерживаться от посещений храма Ясукуни, однако в то же время он не перестал направлять в храм «подношения по памятным датам» и не препятствовал паломничеству в храм министров своего кабинета и депутатов парламента от правящей партии.

Абэ предпринял немалые усилия для того, чтобы снять «озабоченность» американцев по поводу его оценок японской агрессии во время Второй мировой войны и завоевать их доверие. Особое внимание он уделил своему официальному визиту в США в конце апреля

¹ The Japan Times. 21.03. 2015.

² Майнити симбун, 19 июня 2015.

³ The Japan Times. 01.04. 2015.

⁴ Statement by Prime Minister Shinzo Abe. August 14, 2015. Prime Minister of Japan and his Cabinet. <https://japan.kantei.go.jp/97abe/statement/201508/0814statement.html> (дата обращения: 04.05.2024).

2015 г. С особой тщательностью и с учетом настроений американских законодателей была подготовлена речь японского премьера в Конгрессе США⁵.

Свою речь Абэ, а говорил он по-английски, начал с заверений в своей любви к Америке во всех ее ипостасях. Японский премьер выразил от лица Японии и японского народа глубокие соболезнования «душам всех американцев, погибших во Второй мировой войне» и высказал глубокое сожаление тем, что «японские действия принесли страдания народам азиатских стран». Он также выдвинул тезис о том, что прежние противники – Япония и США – победили вместе с западным миром и другими демократиями в холодной войне и теперь могут вместе распространять по всему миру и укреплять общие ценности демократии и свободы.

Затем Абэ изложил основные параметры политики Токио, которая была провозглашена под новым лозунгом «действенного вклада» в обеспечение мира и стабильности путем принятия Японией большей ответственности в интересах мира. Из дальнейших разъяснений следовало, что это делается в конечном итоге для того, чтобы еще сильнее укрепить сотрудничество между двумя странами, в том числе в военной сфере. В результате японо-американский союз станет, как утверждал Абэ, более прочным, «заслуживающим надежного доверия и обеспечивающим сдерживание в интересах мира в регионе». «Союз надежды» – так пафосно охарактеризовал он японо-американский военно-политический союз.

Речь японского премьера членам Конгресса понравилась, она неоднократно сопровождалась овациями. И хотя там отсутствовали слова «извинение» и «агрессия», американская политическая элита поняла главное: в лице Абэ США имеют преданного и верного союзника, на которого можно всецело положиться в реализации своей стратегии в АТР.

Президент США Обама приветствовал премьера Абэ более чем радушно. На обеде в Белом доме он прочел хайку собственного сочинения, столы были сервированы не только европейскими столовыми приборами, но и палочками. Тост американский президент провозгласил, поднимая не бокал шампанского, а рюмочку с сакэ, изготовленным в Ямагучи – родной префектуре японского премьера. Обама также благодарил японцев за внедрение в американскую культуру караоке и анимэ. Американский президент охарактеризовал визит Абэ как «исторический» и подчеркнул, что американо-японские отношения никогда ранее не были столь прочными.

Официальный визит японского премьер-министра в США убедил американский истеблишмент, что в лице Абэ США имеют «своего человека» в Токио.

От философии – к практическим действиям

Абэ Синдзо зарекомендовал себя инициативным, стратегически мыслящим политиком, не по-японски авторитарным, умелым администратором, создавшим преданную ему команду соратников, ярким, опять же не в японской традиции, оратором.

Прежде всего, он выстроил подчиненную ему лично систему принятия и реализации главных решений по проблемам внутренней и внешней политики. Была значительно повышена роль и ответственность канцелярии премьер-министра, которая из секретариата при главе правительства фактически превратилась в главный координирующий, исполнительный и контрольный орган правительства. Был учрежден Совет национальной безопасности, которому было поручено активизировать анализ информации по вопросам международной политики, двусторонних отношений с наиболее важными странами, проблемам безопасности, и разрабатывать на основе этого анализа наиболее важные решения в сфере военной и оборонной политики. В состав СНБ вошли, помимо премьера, генеральный секретарь

⁵ The Japan Times. 29.04.2015.

кабинета министров, министры иностранных дел и обороны. К работе СНБ привлекались представители высокого уровня различных министерств и ведомств.

В вопросах внешней политики С. Абэ мало доверял информации от министерства иностранных дел, не прислушивался, за редким исключением, к советам и мнению дипломатов. Среди его ближайших советников по внешнеполитическим вопросам были выходцы из деловых, научных, журналистских кругов. Кроме того, в круг особо приближенных, заняв пост специального советника премьер-министра, вошел выходец из бюрократии экономического блока Имаи Такая. В целом Абэ предпочитал личную дипломатию, основанную на установлении доверительных отношений с лидерами других стран [Mulgan 2018; Abe 2021].

Отношения с США

Для каждого главы японского правительства весьма важно, даже необходимо, наладить дружеские, доверительные отношения с хозяином Белого дома и соответственно с членами его администрации. Укоренившаяся зависимость Японии от США, в союзе с которыми Токио занимает подчиненное место и нередко вынужден следовать за решениями Вашингтона, даже негативно сказывающимися на японских интересах, ставит японское правительство и его главу перед нелегким выбором.

Для японской стороны, таким образом, остро встает вопрос: какими средствами добиваться учета своего мнения, особенно в условиях неизбежных торгово-экономических противоречий, и в то же время не вызывать серьезного недовольства американского союзника?

Добившись весомой роли страны в сфере мировых экономических отношений, японская политическая элита с 1970-х гг. ищет возможности повысить политический авторитет Японии на международной арене. Очевидно, что решению этой задачи препятствует жесткая привязка японской стратегии к американской политике. Ни один японский премьер не ставил задачу радикально перестроить военно-политический союз, а тем более отказаться от него в пользу полной самостоятельности. Предпринимались и продолжают предприниматься попытки просто добиться большего учета Вашингтоном японских интересов. Это, казалось бы, не столь трудноразрешимая задача. Однако практика показала, что даже простая риторика в пользу самостоятельности в рамках союзнических отношений может иметь самые негативные последствия для ее авторов.

Наиболее яркий пример связан с премьер-министром от Демократической партии Хатояма Юкио, который позволил себе, по мнению американской стороны, высказывания, способные воплотиться в действия, далеко не во всем отвечающие интересам политики Вашингтона. В результате активных шагов по дискредитации политики «нестандартного премьера» при поддержке влиятельного проамериканского лобби в японских политических кругах Ю. Хатояма был вынужден уйти в отставку, не пробыв на посту главы правительства и года.

Абэ пошел «другим путем». Он всячески подчеркивал свою приверженность союзническим отношениям Токио с Вашингтоном. Старался и добился признания того, что является верным соратником Белого дома в реализации его стратегических установок.

В интересах обеспечения такого имиджа в американском истеблишменте Абэ действовал по нескольким направлениям. Во-первых, он предпринял шаги в направлении развития военного сотрудничества с США, а также увеличения японского военного потенциала в качестве вклада в поддержку американской стратегии в АТР. Такой курс нашел полное одобрение Вашингтона.

Во-вторых, правительство Абэ продемонстрировало готовность «работать» с азиатскими соседями Японии в интересах привлечения их к поддержке американской стратегии в регионе.

В-третьих, Токио пошел на уступки американской администрации, особенно при президенте Трампе, в интересах урегулирования ряда торгово-экономических противоречий. При этом следует отметить, что японские переговорщики отстаивали интересы японских компаний, не доводя дело до острой переговорной стадии.

Наконец, в-четвертых, Абэ добился установления личных доверительных, дружеских отношений с главами Белого дома в период своего премьерства – с Бараком Обамой и Дональдом Трампом. Добившись таких отношений, он целенаправленно использовал их в интересах своей политики.

Президента Обаму ему удалось уговорить совершить в 2016 г. поездку в Хиросиму. Хотя тот не принес извинений, не выразил сожалений по поводу американских ядерных бомбардировок японских городов, тем не менее, впервые американский президент побывал на месте варварской акции США. В свою очередь Абэ посетил Пирл-Харбор. С японской атаки на военно-морскую базу, расположенную там, началась японо-американская война. Хотя Обама высказался против намерения Абэ начать переговоры и улучшить отношения с Россией в тот период, когда «семерка» проводила антироссийскую политику после присоединения Крыма к РФ, он не прибег к каким-либо «карательным мерам» в отношении такого курса японского премьера.

Не доверяя мидовским и политологическим прогнозам, Абэ исходил из того, что в предвыборной гонке за президентское кресло победит не Хилари Клинтон, а Дональд Трамп. Казалось бы, для Японии предпочтительнее выглядела бы победа Клинтон, поскольку Трамп еще с 1980-х гг. был известен своими антияпонскими настроениями, жестко критиковал Токио за то, что он лишает американцев рабочих мест, наращивая свой экспорт на американский рынок и ограничивая доступ американских товаров на японский, и что в этих же целях он манипулирует своей валютой. Не забывал Трамп упрекнуть Японию и за обеспечение своей обороны «за американский счет». Примечательно, что Трамп начал свою президентскую деятельность на японском направлении в русле своей давней «нелюбви» к Японии. Однако своим политическим чутьем С. Абэ понял, что ему удастся, хотя и не без труда, укротить «строптивного», который просто не в курсе всех нюансов американо-японских отношений.

Уже через десять дней после оглашения итогов выборов Абэ добился встречи с новым главой Белого дома в Нью-Йорке. Японский премьер-министр хорошо подготовился к этой встрече, внимательно изучил и учел «слабые места» Трампа – гольф и золотые изделия. Он подарил будущему американскому президенту набор позолоченных клюшек для гольфа стоимостью 4000 долл. Абэ понравился Трампу. 10 февраля 2017 г., сразу после инаугурации, последний уже принимал японского лидера, прибывшего в Вашингтон с официальным визитом. И японский премьер-министр оказался первым руководителем иностранного государства среди иностранных лидеров, удостоившихся подобного внимания [Abe 2020].

Отношения с Китаем

Важнейший для Японии сосед, Китай, в первом десятилетии XXI в. оценивался в Японии как наиболее серьезная проблема с точки зрения задачи выстраивания с ним отношений. Абэ предстояло ответить на труднейший вопрос: как сочетать ответ на «китайский вызов» (а многие в Японии считали, что уже имеет место «китайская угроза») с необходимостью не закрыть доступ на столь выгодный и огромный для японских производителей рынок.

В Стратегии национальной безопасности, впервые принятой в 2013 г., было подчеркнуто, что на китайском направлении будет проводиться комплексная политика. Однако какого-либо конкретного наполнения этого тезиса там не содержалось.

Абэ стремился обеспечить Японии роль полноценной мировой державы, регионального лидера. Китай, вышедший в 2011 г., по данным Всемирного банка, на второе место в мире после США по экономическому потенциалу, демонстрируя напористую политику в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, наращивая вооруженные силы и проводя активную мировую дипломатию, явно стоял на пути реализации таких планов. Приходилось с этим считаться.

Первоначально Абэ попробовал установить личный, если не дружеский, то хотя бы вежливо-деловой контакт с Председателем КНР Си Цзиньпином, нечто похожее на его отношения с Президентом США. В октябре 2014 г. он нанес визит в Пекин. В 2016 г. встретился с председателем КНР в Ханьчжоу. В октябре 2017 г. на двусторонней встрече во Вьетнаме добился от Председателя КНР готовности дать «новый старт двусторонним отношениям». Это было расценено в Японии как возвращение к «нормальным китайско-японским отношениям».

В том же 2017 г. Абэ высказался положительно о китайской стратегии «Один пояс, один путь». Однако впоследствии, в июне 2017 г., он публично заявил, что Япония готова сотрудничать с китайской инициативой «Один пояс один путь» только при условии, если она не будет противоречить принципам концепции Транс-Тихоокеанского партнерства, в котором Китай не участвует. Как подчеркнул японский премьер, кросс-континентальные инфраструктурные проекты «должны быть открыты для участия в них всех желающих на условиях их прозрачности и честности». Кроме того, эти проекты должны быть экономически значимы, а их финансирование не должно вести к серьезной задолженности стран, в которых проекты осуществляются⁶. В дальнейшем японское правительство не предпринимало каких-либо шагов с целью подключиться к участию в масштабном трансконтинентальном китайском проекте. Судя по всему, С. Абэ учел негативное отношение к нему США.

В конечном итоге стратегия Абэ, заключавшаяся в стремлении «усидеть на двух стульях» в отношениях с Пекином (с одной стороны, активно проводить совместно с США политику сдерживания Китая, а с другой – сохранять с ним нормальные связи), так и не принесла желанных результатов. Как и следовало ожидать, восприятие Китая в качестве «угрозы» перевесило и материализовалось в ряд антикитайских шагов.

После своей отставки в интервью журналу Economist Абэ отмечал, что Япония в одиночку не может балансировать военную мощь, наращиваемую Китаем, и «поэтому Япония и США должны сотрудничать друг с другом для достижения этого баланса». В связи с этим, сказал он, «я применил толкование права на коллективную самооборону и создал законодательство, по которому Япония и США могут тесно сотрудничать в таких ситуациях»⁷.

Именно Абэ побудил Вашингтон поддержать и использовать выдвинутую им еще в 2006 г. в выступлении в парламенте Индии концепцию сотрудничества в Индо-Тихоокеанском регионе. Первоначально Вашингтон фактически проигнорировал инициативу японского премьера: Обама был занят реализацией концепции «перебалансировки сил» в АТР. Однако в конце срока своего пребывания в Белом доме Трамп только обратил на нее внимание, и американская администрация приступила к документальному оформлению идеи «открытого и свободного Индо-Тихоокеанского региона». За основу была взята высказанная Абэ в конце 2012 г. идея о создании Democratic Security Diamond – «Бриллианта (ромба) демократической безопасности», которая конкретизировала его концепцию сотрудничества в Индо-Тихоокеанском регионе. Теперь речь шла о том, чтобы создать коалицию четырех стран региона – США, Японии, Австралии и Индии, фактически направленную на «сдерживание продвижения авторитарного Китая» в зону безопасности демократических стран региона.

⁶ Майнити симбун. 06.06.2017.

⁷ The Economist. 26.05.2022.

Отношения с Индией

К заслугам Абэ можно отнести его «открытие» Индии для японской внешней политики. Судя по всему, он уже в первый срок своего премьерства понял важность отношений с Индией в качества противовеса Китаю. Именно во время своего визита в Дели в августе 2007 г. Абэ всячески подчеркивал важность японо-индийских отношений, а выступая в индийском парламенте, выдвинул концепцию, по сути, предусматривающую формирование «пояса демократических стран», окружающих авторитарный Китай.

Абэ хорошо подготовился к посещению Индии. Следует отметить, что, готовясь к своим выступлениям перед иностранной аудиторией, особое внимание он уделял их содержанию. Его речи готовила небольшая группа спичрайтеров, которые с профессиональным умением воплощали его идеи в содержательные, но одновременно легко воспринимаемые и запоминающиеся высказывания, обращенные к конкретной аудитории. Речь Абэ перед депутатами индийского парламента была яркой и эмоциональной. В ней он отмечал историческую и идеологическую близость двух стран: в идеологической сфере она проявляется в приверженности демократии, в религиозной – в постулатах индуизма и буддизма.

Японский премьер встретился с родственниками Субхаса Чандра Бос, индийского националиста, который во время Второй мировой войны пытался добиться при поддержке нацистской Германии и императорской Японии избавления Индии от британского колониального господства. Несмотря на то, что в Индии отношение к этому политику далеко не однозначное, тем не менее, есть и те, кто его почитает. Как представляется, Абэ разделял мнение о том, что императорская Япония «помогала» индийским патриотам в борьбе за независимость своей страны.

Абэ встретился и с сыном Радхабинода Пала, который, будучи одним из судей Токийского военного трибунала, ставил под вопрос его законность и на этом основании считал, что японские подсудимые должны быть оправданы. Нечего и говорить, что сам Абэ неоднократно высказывался негативно о «трибунале победителей».

На протяжении второго срока своего премьерства, особенно после того, как на его идею Индо-тихоокеанского партнерства обратили внимание в Вашингтоне и в какой-то степени начали приписывать ее авторство себе, Абэ с особым вниманием относился к развитию японо-индийских отношений. И сейчас во многом благодаря его заслуге заметно продвижение в развитии контактов и обменов по военной линии. С 2019 г. стали проводиться консультации в формате «два плюс два» – министры иностранных дел и министры обороны. В 2018 г. были проведены первые совместные маневры сухопутных войск двух стран, затем состоялись двусторонние военно-морские учения, начались поставки в Индию японских самолетов–амфибий и самолетов морской разведки. Было подписано соглашение о допуске японских военных кораблей в индийские порты на островах Андаман и Никобар, а индийских – в японскую базу в Джибути. Налаживается сотрудничество в технологической сфере. Запланировано строительство в Индии на основе японских технологий высокоскоростных железных дорог стоимостью 17 млрд долл.

Отношения с КНДР и Республикой Корея

С. Абэ во многом сделал себе политическое имя борца за возвращение в Японию похищенных северокорейскими спецслужбами японских граждан в 1970-е – 1980-е гг. В конце 1990-х гг. эта проблема стала наряду с ракетно-ядерной программой Пхеньяна одной из наиболее острых в отношениях Японии и КНДР. В то время начинающий политик, депутат парламента, Абэ фактически возглавил широкое общественное движение с требованием вернуть похищенных на родину.

А самое начало XXI в. было отмечено кратким периодом оттепели в японо-северокорейских отношениях. Премьер-министр Дз. Коидзуми в 2002 и 2004 г. по приглашению руководителя КНДР Ким Чен Ира посетил Пхеньян с визитами, в ходе которых японской стороне удалось добиться возвращения некоторых похищенных японцев. Однако окончательно вопрос не был закрыт, т.к., по сведениям японской стороны, в КНДР оставались еще несколько похищенных. Но северокорейская сторона отказалась сообщать какие-либо сведения об их судьбе.

Заняв в 2012 г. пост главы правительства, Абэ регулярно заявлял о серьезных намерениях решить указанную проблему и в любое время провести встречу с новым руководителем КНР Ким Чен Ыном. Однако и в настоящее время проблема похищенных остается неурегулированной, проявляясь в постоянных требованиях родственников похищенных и представителей широких кругов общественности к японскому правительству предпринять меры к их возвращению.

Оттепель в японо-северокорейских отношениях быстро закончилась. Япония решительно осудила ядерные и ракетные испытания Пхеньяна, ввела антисеверокорейские санкции. Ответ КНДР был решительным и не по-дипломатически грубым: японцев стали именовать «омерзительными дьяволами», «врагами корейской нации», «оскорбляющими законные меры Пхеньяна по обеспечению самообороны». Абэ посоветовали «никогда не думать о посещении КНДР и встрече с северокорейским руководителем». Таким образом, на северокорейском направлении политика японского премьера окончилась провалом⁸.

Не смог С. Абэ похвастаться и сколь-либо серьезными достижениями на южнокорейском направлении. Преодолеть тяжелое, нередко трагичное наследие японской колониальной политики в Корее оказалось весьма сложным делом, хотя определенные усилия правительства С. Абэ в этом направлении были приняты. В декабре 2015 г. было подписано японо-южнокорейское соглашение, в котором японская сторона признала свою историческую ответственность за проблему корейских «женщин для утешения», которых японские вооруженные силы во время Второй мировой войны принуждали оказывать сексуальные услуги японским военным. Был создан специальный фонд помощи дожившим до наших дней «женщинам для утешения». Абэ в телефонном разговоре принес извинения президенту Пак Кын Хе. Однако в южнокорейских политических и общественных кругах действия японской стороны оценили недостаточными и объявили, что указанная проблема в отношениях с Японией «не закрыта».

Не было найдено урегулирования территориального спора между Токио и Сеулом по принадлежности острова Токто (по-японски Такэсима), который находится под контролем Республики Корея. Суверенитет РК над Токто/Такэсима не признается Японией. В целом при кабинетах Абэ японо-южнокорейские отношения продолжали оставаться нестабильными: периоды потепления сменялись периодами заморозков.

Сфера национальной обороны и безопасности

Политическая мечта Абэ добиться повышения международного статуса Японии и уровня ее присутствия в мировых делах не отличалась новизной. Почти все его предшественники грезили о «прекрасной Японии», которая за счет своего миролюбия, неучастия в конфликтах, щедрых финансовых и экономических даров развивающимся странам, очарования ее самобытной культурой без особых усилий способна обеспечить место в первом ряду наиболее влиятельных и почитаемых стран.

⁸ The Japan Times. 11.08.2019.

Однако мечтания разбивались о прозаичную реальность. Времена стремительно менялись, а Япония оставалась застывшей в своей послевоенной скорлупе. Сначала ее обошел Китай, затем Индия и даже Республика Корея начали демонстрировать готовность превзойти своего довоенного колонизатора. Более того, Токио перестали воспринимать как модель передовых научно-технических инноваций. Деньги, выделяемые на оказание помощи развитию, главным образом африканским странам, не производили большого впечатления на фоне огромной экономической помощи, предоставляемой развивающимся странам Китая. Даже утонченная японская культура стала сдавать позиции под натиском «корейской волны поп-культуры».

Не могла похвастаться Япония и привлекательными внешнеполитическими инициативами. Деятельность японского дипломатического аппарата, сотрудники которого были традиционно ориентированы на поддержку американского стратегического курса, отличалась отсутствием активности и инициативности.

Абэ, судя по всему, осознавал ограниченность японского внешнеполитического потенциала. В его представлении страна, которая занимает подчиненное положение и, будучи не в состоянии самостоятельно обеспечить свою оборону, вынуждена полагаться в этом на могущественного союзника, не может претендовать на полный учет своих национальных интересов и на почетное отношение к себе во внешнем мире. Не случайно Абэ столь настойчиво ставил задачу пересмотра положений конституции страны, ограничивающих развитие и использование ее вооруженных сил.

Однако Абэ так и не удалось осуществить то, что он назвал в своей речи в январе 2020 г. в парламенте «исторической миссией»: внести изменения в конституцию и придать силам самообороны статус полноценной армии.⁹ Сохраняющаяся в стране широкая оппозиция «модернизации» конституции не позволила ему реализовать свою мечту.

Однако он компенсировал неудачу своего замысла практическими шагами по совершенствованию и увеличению военного потенциала вооруженных сил страны. В сфере военно-оборонной политики Абэ добился принятия важных документов и решений, направленных на наращивание боеспособности Сил самообороны. Среди них – Стратегия национальной безопасности (2013 г.), Закон о защите государственной тайны (2013), новая редакция Основных направлений программы национальной обороны, Среднесрочная оборонная программа на 2019–2023 гг.

В принятой впервые в 2013 г. Стратегии национальной безопасности подчеркивалась важность развития собственного оборонного потенциала, но внимание в первую очередь акцентировалось на сотрудничестве с США в разработке и производства продукции военного назначения. Указывалось на важность обеспечения Сил самообороны возможностями для действий в новых сферах – космической, кибернетической, радиоэлектронной. В русле заявленной С. Абэ концепции «проактивного пацифизма» предусматривалось более активное участие японского военного персонала в миротворческих миссиях ООН, повышение вклада Японии в международное сотрудничество в интересах поддержания безопасности в АТР, но, естественно, при активном взаимодействии с США.

Особое значение имело принятие парламентом благодаря настойчивости Абэ законодательных мер по осуществлению права страны на коллективную самооборону. Под его руководством правительство внесло 25 мая 2015 г. в парламент на утверждение законопроекты, в которых определяются ситуации, при которых Япония может использовать свои вооруженные силы в целях реализации права на коллективную самооборону.

Согласно девятой статье конституции Японии, «японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права наций» и «право на ведение государством войны

⁹ Асахи симбун. 20.01. 2020.

не признается». В 1959 г. Верховный суд вынес вердикт, согласно которому данная статья позволяет осуществлять право на самооборону в ограниченном виде в интересах обеспечения существования страны. Соответственно страна имела право создавать Силы самообороны. Иными словами, самооборона не является войной, о которой говорится в девятой статье конституции.

В 1972 г. японское правительство заявило, что конституция запрещает использовать право на коллективную самооборону. Получалось так, что в случае нападения на Японию японские Силы самообороны должны будут отразить агрессию и ожидать согласно японо-американскому Договору безопасности прихода на помощь им американских вооруженных сил. Возникла странная ситуация. Указанное вооруженное взаимодействие двух стран не подпадало под определение коллективной самообороны. Однако относительно подобного толкования права на коллективную самооборону в Японии предпочитали не задумываться.

Премьер-министр Абэ первым отважился зафиксировать положение о том, что конституция не лишает страну права на коллективную самооборону, и что Силы самообороны могут действовать совместно с американскими вооруженными силами, как на японской территории, так и за ее пределами в ситуациях, которые и были прописаны в законопроектах. Среди последних в законопроекте было указано вооруженное нападение на Японию или на иностранное государство, находящееся в тесных отношениях с Японией, которое может создать угрозу существованию Японии. Это было наиболее существенным положением законопроекта, которое вызвало бурные дебаты как в парламенте, так и среди широкой общественности. Противники законопроекта требовали конкретных разъяснений ситуаций, при которых будут использоваться японские вооруженные силы за пределами страны. Указывали на то, что отсутствие конкретики допускает различные толкования угрожающих безопасности ситуаций, позволяет правительству единолично и произвольно определять основания для применения вооруженных сил в рамках коллективной безопасности.

Разъяснения самого Абэ и представителей его правительства носили противоречивый характер, свидетельствуя о том, что проведенная в ускоренном порядке подготовка законопроектов не была тщательно выверена. В конечном итоге наиболее аргументированно приводился всего один пример ситуации, когда можно будет использовать право на коллективную самооборону: когда будет осуществлено нападение на американский военный корабль, который эвакуирует японцев из опасного района, под которыми подразумевался, прежде всего, Корейский полуостров.

Неубедительное разъяснение правительства о необходимости принятия нового закона вызывало растущее недовольство в широких общественных кругах страны. Проводились массовые демонстрации протеста. Во время голосования демонстративно отсутствовали даже некоторые депутаты от правящей партии, а депутаты пяти оппозиционных партий покинули зал заседания и в голосовании не участвовали. Тем не менее, большинством депутатов от ЛДП и от входящей с ней в коалицию партии Комэйто закон был принят 16 июля 2015 г.

Вашингтон официально одобрил принятие нового законодательства, резонно полагая, что главное – это создание правовой основы для использования японских вооруженных сил за рубежом. В случае необходимости конкретные ситуации применения права на коллективную самооборону японским правительством можно будет совместно с ним «подработать».

Резко негативно реагировал Китай, официально заявив, что новое законодательство, впервые после Второй мировой войны позволяющее Японии посылать войска за границу, «осложняет региональную безопасность и глобальную стабильность» и ставит под вопрос приверженность Токио «пути мирного развития»¹⁰.

¹⁰ The Japan Times. 17.07.2015.

Абэ сделал немало для укрепления военного потенциала страны. Еще в период своего первого премьерства он добился поднятия статуса военного ведомства с Управления до Министерства. Премьер положил начало регулярному увеличению бюджетных расходов на оборону. Хотя рост был ежегодно не столь значительным, а ассигнования пока не выходили за рамки 1% ВВП, тем не менее, первые шаги были сделаны.

Увеличились закупки современных вооружений. В программу закупки вооружений на 2019–2023 гг. японское правительство заложило средства на приобретение в США 105 истребителей-бомбардировщиков F-35, ракет и противоракет, вертолетов, разведывательных дронов. Эти закупки в какой-то степени отвечали пожеланиям президента Трампа, чтобы Япония приобретала все больше американских вооружений, но отвечали и интересам модернизации японских Сил самообороны. В частности, часть самолетов F-35 закупалась для использования на переоборудованных из вертолетоносцев в авианосцы кораблей «Идзумо» и «Кага».

В июне 2013 г. была принята первая Стратегия кибербезопасности, согласно которой на министерство обороны была возложена задача ограничить кибератаки на национальном уровне. Этому предшествовали кибератаки на информационные системы государственных органов, парламента, а также крупнейших компаний оборонного сектора. При этом высказывались предположения, что эти атаки связаны с «соответствующими китайскими структурами». В мае 2020 г. было анонсировано создание подразделения космических операций в составе военно-воздушных Сил самообороны с основной задачей обеспечить защиту японских спутников, прежде всего военного назначения.

В качестве ответа на растущую военную мощь Китая, прежде всего в целях возможного парирования силового захвата Пекином островов Сэнкаку, с 2016 г. началось размещение подразделений Сил самообороны численностью по 500–600 человек на южных островах Амами – Осима, Миякодзима, Исигакидзима. В 2018 г. впервые за все послевоенное время была сформирована амфибийная бригада быстрого реагирования с задачей проведения десантных операций в случае попыток захвата южных японских островов.

В июне 2020 г. по инициативе министра обороны Коно Таро премьер-министр Абэ, а затем и японское правительство приняли решение отказаться от размещения в префектурах Акита и Ямагути наземных батарей противоракет «Иджис», которые должны были прикрыть территорию страны прежде всего от возможных ракетных ударов КНДР и Китая. Такое решение было аргументировано большими расходами на закупку, размещение и обслуживание противоракет. Принималось во внимание и негативное отношение жителей указанных префектур к размещению противоракет в непосредственной близости от мест их проживания.

В качестве альтернативы варианту наземной противоракетной обороны было принято решение увеличить количество эсминцев военно-морских Сил самообороны с ракетными системами «Иджис». С. Абэ заявил о намерении рассмотреть возможность создания потенциала для нанесения превентивных ударов по военным базам противника в случае, если тот начнет приготовление к ракетному нападению на Японию. С легкой руки Абэ идея о превентивных ударах начала активно дебатироваться в Японии и материализовалась в Стратегии национальной безопасности, принятой в конце 2022 г.

Отношения с Россией

Одним из важнейших направлений внешней политики Абэ, а по существу, главнейшим, стало решение стратегической задачи выстраивания нового качества отношений Токио с Москвой. Эту задачу он поставил с первых дней своего премьерства и шел к ее реализации последовательно, упорно не жалея ни времени, ни усилий.

Решение первостепенной задачи радикального улучшения отношений с Россией преследовало две органично сочетающиеся, но внешне разнонаправленные цели. Первая – недопущение, насколько это возможно, сближения и тем более сотрудничества Москвы с Пекином на антияпонской основе, особенно в сфере военно-политического сотрудничества. Предстояло показать, что выгоды от разносторонних отношений Москвы с Токио во всех сферах – от политики до культуры – способны перевесить российско-китайские связи, развивая которые, российская сторона неизбежно будет играть роль «младшего брата» [Kensho 2022, p.176]. С. Абэ откровенно говорил о том, что поскольку Китай значительно увеличил свою экспансию в Юго-Восточных и Юго-Западных морях, а у Японии есть морские границы с Китаем, необходимо улучшать отношения с Россией.¹¹

Вторая, более амбициозная цель, достижение которой имело бы историческое значение и для Японии, и для России, и для двусторонних отношений стран и народов, выглядела по своей сути вполне логично: путем активного изменения характера двусторонних отношений, радикального их улучшения, создать обстановку, способствующую выходу на урегулирование территориальной проблемы и заключение «многострадального» мирного договора. В результате международное положение и Японии, и России самым серьезным образом трансформировалось бы в значительно более серьезные и влиятельные позиции, как в мировой, так и особенно в региональной Азиатско-Тихоокеанской расстановке сил.

Реализуя свою стратегию на российском направлении, С. Абэ начал с малых шагов. Игнорируя, по сути, бойкот западными странами участия в церемонии открытия Олимпийских игр в Сочи в феврале 2014 г., он демонстративно присутствовал на этой церемонии. Затем правительство Японии по большей части символически присоединилось к осуждению «семеркой» российских мер по присоединению Крыма. Более того, в Токио с одобрением восприняли действия России по разгрому террористических формирований в Сирии, которые фактически осуждались западными странами.

Наконец, началась подготовка к встрече Абэ с Президентом России В.В. Путиным, которая состоялась в Сочи в мае 2016 г. Она продолжалась 3,5 часа и имела особое значение. Прежде всего, встреча открыла путь к установлению личных дружеских отношений лидеров двух стран. Впоследствии они встречались еще 26 раз, 48 часов беседовали друг с другом, в том числе в течение 9 часов вели переговоры в формате «один на один». Было очевидно, что лидеры испытывают друг к другу чувства личного расположения и доверия.

Был прорван единый до этого фронт западных держав по масштабным ограничениям на контакты с российскими официальными лицами, которые были включены в особые списки «неприкасаемых». Практически все они, начиная с членов руководства Федерального собрания, отраслевых министерств и, что особенно важно, высокопоставленных российских военачальников, получали приглашения и посещали Японию. Можно отметить визит в Токио в декабре 2017 г. первого заместителя министра обороны, начальника Генерального штаба Валерия Герасимова, а также состоявшийся в ноябре того же года визит Главкома сухопутных войск генерал-полковника Олега Салюкова. Неоднократно встречались в Токио и в Москве секретарь Совета Безопасности РФ Николай Патрушев и генеральный секретарь Совета национальной безопасности Японии Яти Сётаро. Возобновился диалог в формате «два плюс два» – министров иностранных дел и министров обороны двух стран.

Абэ предложил план активизации экономического сотрудничества из восьми пунктов. Примечательно, что отец премьер-министра Абэ Синтаро, будучи министром иностранных дел, в конце 1980-х гг. также выдвигал план развития двусторонних связей из 8 пунктов в интересах улучшения отношений Японии с Советским Союзом. Неслучайно, начиная свою

¹¹ Хоккайдо симбун. 26.12.2021.

политику на российском направлении, Абэ посетил могилу своего отца и пообещал там решить территориальную проблему с Москвой.

Экономический план японского премьера предусматривал налаживание сотрудничества в энергетическом секторе, в области градостроительства, медицины, между предприятиями малого и среднего бизнеса, в сфере передовых технологий, сельского хозяйства и рыболовства, развития Дальнего Востока, предлагалось и значительно активизировать и расширить культурные, научные и гуманитарные обмены.

На сочинской встрече состоялся обмен мнениями и по проблематике мирного договора. Была достигнута договоренность о проведении регулярных консультаций на этот счет на уровне министров иностранных дел и их заместителей. С японской стороны была отмечена принципиальная позиция об одновременной реализации проектов экономического сотрудничества и проведения переговоров по мирному договору.

Встреча в Сочи свидетельствовала о выходе Японии из единого антироссийского «санкционного фронта» США и европейских стран. Японский премьер-министр проявил политическую смелость и, несмотря на заявление Вашингтона, сделал выбор в пользу не «западной солидарности», а национальных интересов Японии.

Сочинские договоренности способствовали серьезному улучшению общей атмосферы японо-российских отношений [Brown 2016]. С особым энтузиазмом на первом этапе был воспринят план Абэ об экономическом сотрудничестве. По данным Министерства экономического развития России, к 2021 г. с обеих сторон было выдвинуто и рассмотрено более 200 проектов сотрудничества. Однако лишь малая часть из них дошла до стадии реализации. Выявились значительные расхождения в подходах российских и японских компаний к целям и форматам сотрудничества. Многие проекты с российской стороны были недостаточно проработаны, ставили завышенные, нереалистичные производственные задачи, предлагали сотрудничество на условиях, не отвечающих практике японских компаний.

Как отмечал впоследствии в своем интервью сам Абэ, «в Японии не все правильно поняли цель плана экономического сотрудничества... Некоторые считали, что это помощь по линии правительства, а имелось в виду, что будут участвовать японские компании, бизнес. Если им не выгодно, нет прибыли, не будут участвовать»¹². При этом Абэ, разъясняя свой подход к экономическому сотрудничеству с Россией, исходил из того, что в России появится понимание важности развивать японо-российские отношения и с помощью японских технологий обустроить российский Дальний Восток. Однако, по его оценке, «в России осознание этого достигнуто не было»¹³.

Тем не менее, ряд важных проектов, особенно для решения социально-экономических проблем в дальневосточных регионах России, был успешно реализован. Особое значение имели энергетические проекты «Ямал СПГ», «Арктик СПГ-2», строительство завода полимеров в Иркутской области. В то время, когда западные финансовые институты не выдавали кредиты российским компаниям, Японский банк международного сотрудничества выделил кредит в 200 млн евро на реализацию проекта «Ямал СПГ», в 2019 г. началась отгрузка СПГ в Японию. Японский банк международного сотрудничества совместно с корпорацией «Мицуи» инвестировали около 3 млрд долл. в проект «Арктик СПГ-2», получив 10% активов в компании – оператора проекта.

Были предприняты попытки подойти к реализации идеи о совместной хозяйственной деятельности на Южных Курильских островах. В сентябре 2017 г. была даже одобрена «дорожная карта» с перечнем возможных проектов совместной деятельности: аквакультура, ветроэнергетика, создание тепличных хозяйств, утилизация мусора. Однако конкретные

¹² Хоккайдо симбун. 26.12.2021.

¹³ Хоккайдо симбун. 26.12.2021.

договоренности достигнуты не были. Основным препятствием стали принципиальные разногласия по правовым вопросам. Для японской стороны была неприемлема экономическая деятельность на островах на основе соблюдения российских законов, означавшая бы признание их принадлежности России.

Не наблюдалось прогресса и на политических переговорах по проблематике мирного договора. В сентябре 2018 г. Президент В.В. Путин на Восточном экономическом форуме во Владивостоке предложил японскому премьер-министру подписать до конца года мирный договор без предварительных условий, а другие проблемы, т.е. территориальные, решить позднее.

На встрече с Путиным в ноябре того же года в Сингапуре Абэ выступил с ответным предложением, которое свидетельствовало о радикальном изменении подхода японской стороны к проблеме урегулирования территориальной проблемы. В отличие от прежней принципиальной позиции Токио «о одновременном возвращении четырех островов», Абэ проявил готовность японской стороны вести переговоры на основе 9-й статьи Совместной декларации 1956 года, предусматривающей передачу Японии островов Хабомаи и Шикотан. Более подробно переговорный план, предложенный Абэ, не раскрывался. Однако, по появившимся неофициальным сведениям, имелось в виду подписать мирный договор, передать Японии в течение определенного временного срока острова Хабомаи и Шикотан и зафиксировать российско-японскую границу между островами Шикотан и Кунашир.

Сам Абэ следующим образом объяснил радикальное, доселе немыслимое изменение японской позиции: если ставить задачу добиться 100%-го успеха, но предвидеть, что результат будет нулевым, то тогда нет никакого смысла в постановке такой задачи. Прежде всего, необходимо определить достижение возможного. Если добиваться возвращения не двух островов, а четырех, то это задача добиваться 100%-го успеха, но тогда японо-российские отношения будут отброшены назад¹⁴.

Возможность решения самой сложной проблемы в японо-российских отношениях Абэ видел в прочном, стабильном руководстве Президента В.В. Путина и в своей решимости использовать устойчивость своих политических позиций в Японии. «Для решения территориальной проблемы и заключения мирного договора, – подчеркивал он, – необходимо сильное правление и в Японии и в России. Я считаю, что правление Путина является очень сильным»¹⁵.

После выдвигания Абэ нового предложения по решению проблемы мирного договора в январе 2019 г. начались переговоры на уровне министров иностранных дел двух стран. Содержание этих переговоров стороны не раскрывали. Однако, согласно ряду высказываний представителей российской стороны, уже на первом этапе российской делегацией было фактически выдвинуто предварительное условие – японская сторона должна была официально признать, что Россия на законных основаниях обладает всеми теми территориями, которые она получила по итогам войны с Японией.

Судя по всему, японская делегация не была настроена начинать переговоры с такого признания, очевидно, опасаясь, что переговоры могли бы не привести к договоренности по мирному договору, а японская сторона лишилась бы одной из принципиальных для нее позиций: непризнания урегулированного состояния территориальной проблемы. Впрочем, сам Абэ был по этой проблеме настроен оптимистично, «Думаю, – говорил он, – дипломаты смогли бы решить вопрос, который ставит российская сторона, о том, что Россия получила острова по итогам войны»¹⁶.

¹⁴ Хоккайдо симбун. 26.12.2021.

¹⁵ Хоккайдо симбун. 26.12.2021.

¹⁶ Хоккайдо симбун. 26.12.2021.

С российской стороны демонстрировалась озабоченность в связи с возможностью того, что после передачи Японии островов Хабомаи и Шикотан они подпадут под действие японо-американского Договора безопасности и что на них могут появиться американские вооруженные силы. Высказывания Абэ на беседах с Путиным о том, что Япония в состоянии проводить самостоятельную политику вне зависимости от своих отношений с США, для российской стороны выглядели неубедительно¹⁷. Вместе с тем, по свидетельству Абэ, до конкретного обсуждения на переговорах проблем безопасности дело не дошло¹⁸.

В целом российской стороной был сформирован двухэтапный подход к решению проблемы мирного договора и территориальной проблемы. Поскольку, как считала российская сторона, на данном этапе Япония является союзницей США, которые проводят открыто антироссийскую политику, а Япония присоединилась ко многим антироссийским санкциям, занимает в ООН и других международных структурах позиции, идентичные с Вашингтоном и странами НАТО, это создает серьезные противоречия в российско-японских отношениях. Поэтому было предложено заключить такой мирный договор, который бы способствовал созданию нового качества двусторонних отношений во всех областях, что в конечном итоге помогло бы найти решение проблемы территориального размежевания. В свою очередь, японская сторона, судя по всему, продолжала настаивать на заключении мирного договора, суть которого состояла бы в определении условий передачи Японии островов Хабомаи и Шикотан.

Переговоры фактически зашли в тупик. Абэ связывал это с тем, что, как он отмечал, в «России усилились позиции противников проведения переговоров»¹⁹.

Следует отметить, что и в Японии активизировались противники решения территориальной проблемы по «формуле Абэ». Если в начальный период переговоров критика политики Абэ на российском направлении нечасто звучала в заявлениях политиков, политологов, журналистов, то после их прерывания в связи с эпидемией Covid-19 и особенно после начала Россией Специальной военной операции на Украине несогласие с курсом японского премьера начало превалировать. Суммируя претензии к политике Абэ, директор Славянско-Евразийского центра Университета Хоккайдо Ивасита Акихиро сделал вывод о том, что японский премьер нанес серьезный ущерб интересам Японии, поскольку предложил России многое, но в ответ не получил ничего [Iwashita 2019, p. 111–133].

С ним в целом согласен известный японский журналист А. Комаки, дважды возглавлявший представительство газеты «Асахи» в Москве. В своей книге, посвященной подробному анализу переговоров премьер-министра Абэ с президентом В.В. Путиным по проблеме мирного договора, он критически оценивает его политику в отношении России. По мнению Комаки, она не привела к каким-либо договоренностям, а, кроме того, на протяжении довольно продолжительного времени ее содержание не разъяснялось японской общественности [Komaki 2020, p. 354].

Отвечая на критику, Абэ в своем интервью в конце 2021 г. заявил: «Если изменить курс, то японо-российские отношения на 100% откатятся назад... Все вернется к прежней японской позиции. И если это будет сделано жестко, то каких-либо изменений ожидать не придется. Это будет большой ошибкой»²⁰.

Он словно предвидел дальнейшее развитие событий. Япония полностью поддержала антироссийскую позицию США и европейских стран в связи с проведением Россией СВО на Украине, ввела огромное количество санкций в отношении российского руководства, почти

¹⁷ Хоккайдо симбун. 26.12.2021.

¹⁸ Хоккайдо симбун. 26.12.2021.

¹⁹ Хоккайдо симбун. 26.12.2021.

²⁰ Хоккайдо симбун. 26.12.2021.

полностью свернула двусторонние торгово-экономические отношения. В этой связи российская сторона внесла Японию в реестр «недружественных стран» и заявила о бессмысленности в такой обстановке проводить переговоры по мирному договору. Двусторонние отношения Москвы и Токио достигли самой низшей точки за всю историю после нормализации отношений в 1956 г.

Многие детали российско-японских переговоров по мирному договору и территориальной проблеме с февраля 2019 г. по март 2022 г. на данном этапе остаются нераскрытыми. Однако известен их итог. «Гранд проект» премьер-министра Абэ по радикальной перестройке японо-российских отношений завершился неудачей.

О внешнеполитическом наследии С. Абэ

В качестве главы японского правительства Абэ предпринял немало усилий к тому, чтобы повысить значимость и влияние Японии в мировой политике. В этих целях он стремился доказать США, что *большая самостоятельность* Токио в рамках японо-американского военно-политического союза не только не противоречит американским интересам, но, наоборот, дополняет и усиливает позиции Вашингтона в Индо-Тихоокеанском регионе.

Была предпринята попытка найти взаимоприемлемую формулу выстраивания отношений с Китаем. Однако обеспечить их сбалансированность не получилось – негативное восприятие внешней политики Пекина в военно-политическом плане побуждало искать методы его сдерживания, путем участия в создании «пояса окружения» Китая, в том числе с помощью улучшения отношений с Индией.

Не удалось Абэ и кардинально изменить характер японо-российских отношений и заключить мирный договор на основе урегулирования территориальной проблемы. То, о чем беспокоился Абэ, а именно – о российско-китайском сближении и партнерстве, в том числе военном, направленном против Японии, – стало активно осуществляться. Начали регулярно проводиться совместные учения военно-морских сил России и Китая вблизи японских границ, воздушное патрулирование над акваториями Японского и Восточно-Китайского морей авиагрупп стратегических бомбардировщиков ВКС России и ВВС НОАК.

Отношения Токио с Сеулом развивались при премьерстве Абэ проблематично. Только после отставки Абэ и избрания президентом РК Юн Сок Ёля, который пошел на серьезные уступки японской стороне по одной из проблем исторического прошлого в двусторонних отношениях, был открыт путь к снятию препятствий в решении практических вопросов развития связей, в том числе сотрудничества в сфере обеспечения мер доверия и безопасности.

Реагируя на ракетную угрозу со стороны Пхеньяна, Абэ высказался за создание в Японии потенциала для нанесения ракетных ударов по базам, с которых планируется нападение на японскую территорию. Эта идея получила конкретное воплощение в Стратегии национальной безопасности, принятой японским правительством 16 декабря 2022 г. Была поставлена задача обеспечить возможность нанесения «контрудара для предотвращения дальнейших атак на японскую территорию», что само по себе будет, как полагают авторы документа, сдерживать намерение совершить вооруженное нападение на Японию. Очевидно, что речь идет не только о северокорейских, но и о китайских ракетах.

Абэ сделал немало для совершенствования японских Сил самообороны и законодательного оформления их применения. При его премьерстве началось увеличение финансирования на цели обороны в ежегодных бюджетных расходах, хотя и в пределах 1% ВВП. Эта политика получила продолжение: в Стратегии национальной безопасности 2022 г. было закреплено положение о доведении к 2027 г. оборонного бюджета до 2% ВВП страны, что будет означать удвоение военных расходов.

Можно сказать, что комплексное изучение как японскими, так и зарубежными учеными-политологами внешней и внутренней политики премьер-министра Абэ еще только начинается. Среди таких исследований можно отметить монографию американского политолога Микаэла Грина, сконцентрированную на стратегии С. Абэ в отношении Китая, в которой конкуренция сочеталась с попыткой не потерять выгоды от экономического сотрудничества с этой страной, а также на его стремлении превратить Японию во влиятельное государство на мировой арене, и прежде всего в АТР, путем проведения решительной военной политики [Green 2022].

Группа японских ученых из ведущих японских университетов, входящих в мозговой центр «Азиатско-Тихоокеанская инициатива», провела комплексное исследование внутренней и внешней политики премьер-министра Абэ. Было признано, что несмотря на противоречивое отношение к его деятельности в японском общественном мнении, внешнеполитический курс Абэ получил немало позитивных оценок в условиях, когда международная обстановка вокруг Японии резко обострилась. Высокая оценка касается следующих достижений политики Абэ: укрепление японо-американского союза, принятие законов о коллективной самообороне, продвижение концепции «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», укрепление деятельности «Четверки» – США, Япония, Индия, Австралия, стабилизация отношений с Китаем, налаживание отношений доверия со странами АСЕАН, запуск Всеобъемлющего и прогрессивного Транстихоокеанского партнерства в составе 11 стран [Kensho 2022, p. 4–5].

Как показано в настоящей статье, не со всеми этими оценками можно согласиться. Вместе с тем, очевидно, что по сравнению со своими многими предшественниками на посту главы японского правительства Абэ проявил себя более активным, стратегически мыслящим политиком, добившимся ряда заметных результатов во внешнеполитической деятельности.

Радикально изменившаяся международная обстановка в результате противостояния коллективного Запада во главе с США и России побудила Японию отказаться от политики Абэ на обретение Токио большей самостоятельности в выборе партнеров. Проявляя полную солидарность с политикой коллективного Запада, Япония всемерно укрепляет союзнические отношения с США, солидаризируется с политикой стран НАТО и Евросоюза в отношении России и Китая, активизирует связи с наговскими структурами. В результате Токио все более вовлекается в глобальную и региональную стратегию коллективного Запада, фактически способствуя расколу Азиатско-тихоокеанского региона на противостоящие друг другу военно-политические блоки. Очевидно, что этот курс не способен достичь тех целей, которые ставил Абэ по обеспечению самостоятельных, влиятельных позиций Токио в мировых и региональных делах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Панов А.Н. Внешнеполитические приоритеты премьер-министра Японии Абэ Синдзо. Ежегодник Япония. 2016. С.7–42.

REFERENCES

Panov, A. (2016). Vneshnepoliticheskie prioritety prem'er-ministra Yaponii Abe Sindzo [Foreign policy legacy of Prime Minister of Japan Abe Shinzō]. *Yearbook Japan*, 7–42.

* * *

- Abe, Shinzō (2020). Nihon fukkatsu-no so to natta nichibei domei saikyoka [The Reinforcement of the US – Japan Alliance Which Became the Foundation for the Revival of Japan]. *Gaiko*, 67, Nov/Dec., 6–15. Retrieved from www.mofa.go.jp/mofaj/files/100121866.pdf (In Japanese).
- Abe, Shinzō (2021). Kantei gaiko wo sasaeta soshiki, hito, kotoba [Structures, People and Words Supporting the Diplomacy of PM Office]. *Gaiko*, 67, May/June, 100–105. Retrieved from <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/100195693.pdf> (In Japanese).
- Brown, J. (2016). Abe’s 2016 Plan to Break the Deadlock in the Territorial Dispute with Russia. *The Asia-Pacific Journal*, 14(4), Num. 1, February 15. Retrieved December 5, 2023, from <https://apjif.org/2016/04/brown>
- Green, M. (2022). *Line of Advantage: Japan Grand Strategy in the Era of Abe Shinzo*. New York: Columbia University Press.
- Iwashita, A. (2019). Abe’s Foreign Policy Fiasco on the Northern Territories Issue: Breaking with the Past and the National Movement. *Eurasia Border Review*, 101, 111–133.
- Kenshō. Abe Seiken – hoshu to riarizumu-no seiji* [The Legacy of Abe Administration – Politics of Conservatism and Realism]. (2022). Tokyo: Bunshun shinsho. (In Japanese).
- Komaki, Akiyoshi. (2020). *Abe vs Puchin. Nichiro kōshō wa naze yukizumatta no ka?* [Abe vs Putin. Why have the Japan-Russia Negotiations Stalled?] Tokyo: Chikuma shobō. (In Japanese).
- Mulgan, A. (2018). *The Abe Administration and the Rise of the Prime Ministerial Executive*. New York, Routledge.

Поступила в редакцию: 21.11.2023

Received: 21 November 2023

Принята к публикации: 23.04.2024

Accepted: 23 April 2024

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-41-55

Проблемы исторической памяти во взаимоотношениях Японии со странами Азии: попытки примирения

С.В. Гришачев

Аннотация. В статье анализируется послевоенное развитие взаимоотношений Японии со странами Азии. В тексте показана взаимосвязь между устойчивым развитием экономических и политических отношений и постепенным снижением остроты проблем исторического прошлого во 2-й пол. XX в. Проведен компаративный анализ послевоенных отношений Японии со странами Восточной Азии (КНР, Республика Корея, Тайвань) и Юго-Восточной Азии (прежде всего – Сингапур и Индонезия). Кроме того, затрагиваются проблемы, память о которых возникла вследствие японской оккупации Индонезии, в том числе проблема «исторической обиды» проживавших там голландцев на Японию, а также проблема детей-полукровок, рожденных местными жительницами от японских военных.

В 1980-е гг. Японию стали посещать как матери этих детей, так и сами дети. Данные поездки финансировались МИД Японии и включали официальные встречи. Примерно в то же время начались первые поездки, туры в Японию, организованные для бывших голландских военнопленных и принудительно мобилизованных на работы в Японии. В местах памяти, посещаемых ими, уже установлены знаки и стелы, символизирующие примирение по проблемам исторической памяти.

Проблема заключается далеко не только в травматических событиях истории. Немаловажную роль здесь играет и собственно развитие связей после этих событий. И возможность примирения или даже преодоления этих проблем довольно часто зависит также и от того, насколько позитивно и взаимовыгодно эти отношения развиваются далее. По прошествии времени, особенно когда сменяется несколько поколений и травматическое событие уходит в прошлое, возникают предпосылки для компромисса и примирения. И если между государствами усиливается напряженность, увеличивается и количество взаимных претензий. Если же отношения носят ровный характер, особенно на протяжении нескольких поколений, то любая обида может быть забыта или даже более того – память о ней может стать моментом примирения.

Ключевые слова: Япония, Индонезия, Голландия, японо-индонезийские отношения, японо-голландские отношения.

Автор: Гришачев Сергей Викторович, кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения ФМЭИМП НИУ ВШЭ (адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1), участник научного коллектива проекта «Нарративы “исторических обид” в официальном дискурсе и государственной политике стран Северо-Восточной Азии» МГИМО-Университета. ORCID: 0000-0002-6039-9637; E-mail: sgrishachev@hse.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гришачев С.В. Проблемы исторической памяти во взаимоотношениях Японии со странами Азии: попытки примирения // Японские исследования. 2024. № 2. С. 41–55. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-41-55

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00109).

Problems of the historical past in Japan's relations with the countries of Asia: Reconciliation attempts

S.V. Grishachev

Abstract. In this article, the author analyzes the post-war development of relations between Japan and Asian countries. This work tracks correlation between sustainable development of economic and political relations, on one hand, and gradual decrease of tension connected with the issues of historical past in the second part of the 20th century, on the other hand.

The article addresses the issue of post-war relations between Japan and other Asian countries (PRC, Korea, Taiwan), as well as Southeast Asian countries (mainly Singapore, Indonesia). Besides, special attention is paid to the issues of historical memory related to the Japanese occupation of Indonesia and its consequences, specifically to the problem of the historical grievances of Dutch people towards Japan and the problem of children born to men from the Japanese military and local women.

In the 1980s, the mothers of these children and the children themselves started visiting Japan. The visits were financed by the Ministry of Foreign Affairs of Japan and included official meetings. At approximately the same time, the first trips for former Dutch POWs and those who had been forcibly conscripted to work in Japan were held. In the memorial places these people visited, memorial signs and steles were installed, which symbolized reconciliation on issues of historical memory.

Traumatic experience produced by certain historical events is not the only issue here. Development of international ties after these events is also an important factor. The possibility of reconciliation or even overcoming such problems often depends on how positively and mutually beneficially such relations develop afterwards. Over time, especially as generations change and emotions connected with these traumatic events calm down, we can see preconditions for compromises and reconciliation. On the other hand, as tension between nations increases, the number of mutual claims is also increasing. If relations develop smoothly, especially if this process goes on for several generations, any offence or claim might be left behind and memory of it might even become a source of reconciliation.

Keywords: Japan, Indonesia, Netherlands, Indonesia-Japan relations, Japan-Netherlands relations.

Author: *Grishachev Sergey V.*, PhD (History), Associate Professor, School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University (21/4, Staraya Basmannaya Street, Moscow, Russian Federation, 105066), member of the research team of the project "Narratives of 'historical grievances' in the official discourse and state policy of the countries of Northeast Asia", MGIMO University. ORCID: 0000-0002-6039-9637; E-mail: sgrishachev@hse.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Grishachev, S.V. (2024). Problemy istoricheskoi pamyati vo vzaimootnosheniyakh Yaponii so stranami Azii: popytki primireniya [Problems of the historical past in Japan's relations with the countries of Asia: Reconciliation attempts]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 2, 41–55. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-41-55

Acknowledgements. The research was supported by Russian Science Foundation (project No. 23-18-00109).

Введение

В последние несколько десятилетий актуализировались споры по вопросам, связанным с исторической памятью, особенно в связи с трагическими событиями XX в. И вполне очевидно и логично, что большинство научных исследований в этой области посвящено темам, которые по-прежнему имеют актуальность и осложняют взаимоотношения между

странами. Однако у проблем исторического прошлого разные судьбы, и ничуть не меньшее значение имеют те случаи, когда сторонам удалось найти взаимопонимание. При этом кейсам с примирительным исходом если и уделяется внимание в научной литературе, то значительно меньше, хотя именно они имеют особо актуальное значение, так как несут в себе позитивный (и в идеале – практически искомый) опыт примирения.

В этом смысле совершенно по-разному складывается история попыток примирения Японии со странами, в отношении которых она вела колониальную политику, а также проявила агрессию в годы Второй мировой войны. С ближайшими соседями – странами Восточной Азии (речь преимущественно идет о КНР и Республике Корея) – отношения по вопросам памяти складываются достаточно противоречиво, в то время как с США и со странами Юго-Восточной Азии (в частности, Сингапур и Индонезия), несмотря на все трудности, процесс происходит более успешно.

При этом важно понимать, что проблема заключается далеко не только в трагизме исторических событий как таковых. Сколь бы они ни были тяжелы и сложны, дело этим не ограничивается. Историческое прошлое – это не столько то, что произошло, сколько то, о чем рассказано будущим поколениям. Это не сами события, а осознанно сконструированная память о них. Она внедряется в общественное сознание через систему школьного образования, государственные праздники, а также художественные произведения – кинематограф, книги, мультипликацию. И эти представления о прошлом не только создаются с помощью указанных технологий, но и регулярно подвергаются изменениям. Созданные нарративы могут заново перенаполняться новыми символами и смыслами. К созданию нарративов имеют непосредственную причастность государственные элиты, поскольку у них есть своя политическая программа и задачи, в частности – свое видение того, как выстраивать взаимоотношения с другими странами, особенно с соседними.

И если отношения со странами, бывшими жертвами агрессии, у Японии складываются успешно, если они становятся внешнеполитическими партнерами, тогда со сменой нескольких поколений, постепенно уходит острота восприятия трагического прошлого. В такой ситуации для новых поколений возникают предпосылки к компромиссу и примирению. Они реализуются при наличии политической воли у элит. В такой ситуации обида может быть забыта или даже более того – память о ней может стать моментом примирения. Алейда Ассман в своей работе «Забвение истории – одержимость историей» перечисляет несколько типов забвения как стратегии формирования восприятия прошлого. Среди них выделяется конструктивное забвение, которого можно достичь лишь после проработки прошлого, что обеспечивает дистанцирование по отношению к истории ради социального мира [Ассман 2019, с. 38–58].

К сожалению, нередко, и даже чаще чем хотелось бы, ситуация складывается противоположным образом. Если по совокупности причин страны находятся в той или иной оппозиции, побеждает разность видения прошлого – две стороны формируют каждая свою версию происходящего, что приводит к войне исторических нарративов. Опять же следует подчеркнуть, что противостояние нарративов происходит не столько из трагичности событий прошлого, сколько из политической конъюнктуры текущего момента, в чем мы можем убедиться при анализе конкретных обстоятельств.

Консервативный и либеральный нарративы в Японии

Прежде чем говорить о взаимоотношениях Японии с соседними странами, следует упомянуть о разности послевоенных судеб Германии и Японии. Во-первых, в отличие от нацистской Германии, государственная система Японии не была демонтирована полностью

в 1940-х гг. Для политической элиты это означало пусть и частичное, но все же сохранение преемственности с довоенным укладом. А, во-вторых, политика осуждения милитаристского прошлого, подобная политике денацификации, проводимой как в ФРГ, так и в ГДР, в Японии не получила широкого распространения. В результате с 1980-х гг. актуализировалось создание консервативного нарратива, частью которого был образ нации-изгоя и комплекс виктимности (*хигайся но исики*). Это мировоззрение предполагало, что японский народ так же, как и другие народы, пострадал в ходе войны, доказательствами чему служат три миллиона погибших, в том числе 800 тыс. жертв авиабомбардировок Токио и других городов весной и летом 1945 г., а также жертв атомных взрывов в Хиросиме и Нагасаки, не говоря уже о мучениях *хибакуся*, которые продолжались многие годы и после войны. Что касается военных действий, то Япония вступила в войну под лозунгами освобождения Восточной Азии от засилья европейцев и американцев, а Токийский процесс, в рамках этого взгляда на историю, стал судом победителей – несправедливым и субъективным [Стрельцов 2016, с. 179]. Важно также и то, что именно эта точка зрения стала господствующей в обществе: видение прошлого, созданное консервативными политиками, достаточно устойчиво поддерживается в обществе.

Вместе с тем важно не забывать, что в целом японское общество после 1945 г. развивалось как общество пацифистское, где стало невозможным возрождение ультрарадикальных и милитаристских идей. Доказательством этому служит отсутствие на данный момент политических сил в парламенте, которые взывали бы к возрождению милитаристской Японии. И хотя представители консервативных кругов и совершают визиты в храм Ясукуни, тем не менее, они избегают апеллирования к откровенно милитаристской идеологии.

Кроме того, в японском обществе параллельно формировалось и иное, достаточно заметное представление о прошедшей войне, поборником которого стала прогрессивная интеллигенция, в частности – университетские преподаватели, осуждавшие довоенный курс на экспансию в Азии. Именно благодаря им в школьные программы и учебник все же попали темы, нелицеприятные для представителей консервативных кругов. Так, например, известный профессор Иэнага Сабуро на протяжении нескольких десятилетий судился с чиновниками министерства образования, доказывая факты цензуры в учебниках, связанные с освещением таких вопросов как, например, преступления в Нанкине в 1937 г. [Шулатов 2022, с. 33]

Однако взгляд на события середины XX в. в странах-соседях Японии формировался не столько в логике происходящего непосредственно в Японии, сколько в логике их собственного развития, связанной с международной обстановкой.

Надо сказать, что на международной арене извинений в той или иной форме Япония принесла немало. И если говорить о взаимоотношениях с Китаем, то проблемы, порожденные войной, были урегулированы с представителями Гоминьдана при заключении Тайбэйского договора в 1952 г., а спустя двадцать лет, – при установлении дипломатических отношений с КНР. В сентябре 1972 г. во время визита К. Танака в Пекин и по итогам его беседы с Мао Цзэдуном было подписано Совместное коммюнике, в котором говорилось об осознании Японией своей ответственности за огромный ущерб и выражалось чувство глубокого осознания того вреда, который был нанесен китайскому народу. В ответ китайская сторона, как было сказано, в интересах дружбы отказывалась от требований о военных репарациях¹. Таким образом, отказ от претензий по возмещению ущерба, связанного с войной, был зафиксирован официально, и абсолютно понятно, что это было связано с политическими обстоятельствами.

¹ Нихонкоку сэйфу то тю:ка дзиммин кё:вакоку но кё:до сэймэй [Совместное коммюнике правительства Японии и правительства КНР]. https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/china/nc_seimei.html (дата обращения 20.05.2024.)

В конце 1980-е – 1990-е гг. Япония начинает проводить достаточно осознанную политику извинений. Это было связано, во-первых, с благоприятной внешнеполитической конъюнктурой на тот момент, когда между КНР и Японией наблюдалось сближение и интенсивное развитие экономических связей. Кроме того, на определенное время в политическом руководстве Японии возобладала точка зрения, что политика извинений поможет укрепить отношения с соседними странами. Так, например, Хосокава Морихиро первым начал говорить об агрессивных действиях Японии в годы войны, а самым известным жестом стало заявление Т. Мураяма. В своей речи 15 августа 1995 г. по случаю 50-летней годовщины окончания войны он высказал твердую уверенность в стремлении не допустить повторения ужасного прошлого².

Но в дальнейшем политические обстоятельства стали складываться не очень удачно. В Европе ближе к концу прошлого столетия примирение по вопросам истории происходило на фоне интеграции, приведшей к образованию Евросоюза, поэтому примирительное видение проблем XX в. здесь, несмотря на множество сложностей, формировалось значительно легче [Ассман 2018, с. 164–167]. В условиях транснациональной многоуровневой общеевропейской интеграции, странам-виновницам значительно легче было преодолеть бремя исторической ответственности. Что же касается Восточной Азии, то здесь, несмотря на глубокую экономическую интеграцию, примирения пока не происходит.

И несмотря на ряд усилий, все же фундаментального пересмотра сложившегося порядка не произошло. Идентичности в странах Восточной Азии построены с упором на самостоятельность и собственную особость и исключительность. С одной стороны, это следствие исторической традиции, когда государства региона старались ощущать себя таким же культурным центром в похожей форме, как и Китай. С другой стороны, этому поспособствовала логика холодной войны, в которой формировались послевоенные идентичности в регионе: блоковая принадлежность и разность государственных идеологий не могли сблизить понимание прошлого в отношениях Японии и КНР. Так или иначе, идентичности стран Восточной Азии не имеют четко выраженного вектора инклюзивности и региональной интеграции. Политики – в какой бы из стран Восточной Азии они не осуществляли свою деятельность – уже не смогут или не захотят кардинально поменять эти основы без риска для своих карьер, поэтому в обозримом будущем следует ожидать дальнейшее укрепление имеющихся идентичностей и элемент конфронтационности здесь будет задействован со всех сторон. Как следствие, взгляд на разное понимание событий XX в. будет лишь усугубляться.

Кроме того, на процесс оказывает влияние специфика современного развития самих стран Восточной Азии.

Историческая память во взаимоотношениях Японии с КНР и Республикой Корея

Взаимоотношения Японии со странами Восточной Азии после Второй мировой войны формировались в непростых условиях холодной войны и конфронтации двух систем, что в дальнейшем наложило свой отпечаток на восприятие ими прошлого. Главным образом это относится к контактам с КНР.

В связи с этим приходится отметить парадоксальное на первый взгляд обстоятельство. С момента своего создания и на протяжении 1950-х – 1970-х гг. руководство КНР не выдвигало претензий в адрес Японии, связанных с вопросами агрессии в годы войны. Свою роль играло

² Statement by Prime Minister Tomiichi Murayama on the Occasion of the 50th Anniversary of the War's End, August 15, 1995 // Ministry of Foreign Affairs of Japan official website. <http://www.mofa.go.jp/announce/press/pm/murayama/9508.html> (дата обращения: 20.05.2024).

нежелание лишней раз раздражать Токио: цель КПК заключалась в том, чтобы вырваться из дипломатической изоляции и получить признание западных стран, и в том числе самой Японии.

В коммунистическом Китае в этот период руководство страны высказывалось в том духе, что японский народ не виноват в зверствах военных и что он стал жертвой клики милитаристов. Касательно извинений, в период установления отношений с Японией Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай заявляли, что за агрессию несет ответственность группа военных преступников, а не собственно японский народ [Onuma 2002, p. 601]. Основным же соперником в этот период считался Гоминьдан, считавшийся главным классовым врагом.

Существенные изменения в политике исторической памяти и идеологии в КНР стали происходить с конца 1980-х гг. В школьном и университетском образовании постепенно происходит сдвиг, уход от компонента классового в сторону компонента националистического. Все чаще проводятся кампании патриотического воспитания среди населения, и теперь в школьных учебниках при оценке исторической роли КПК упор больше делается на противостояние с японским империализмом. На рубеже XX–XXI вв. все больше актуализируются в общественном сознании проблемы и события, связанные с японской агрессией: оккупация Маньчжурии и создание Маньчжоу-Го, Нанкинская резня, унесшая жизни сотен тысяч китайцев, проблема женщин для утешения и др. Эти факты становятся частью вновь формируемого *нарратива столетия унижения*. В КНР так обозначается период от начала первой Опиумной войны в 1839 г. до провозглашения КНР в 1949 г., на протяжении которого, как считается, Китай противостоял захватам и унижениям со стороны западных держав и Японии.

Растет количество мест памяти, связанных с событиями 1930-х – 1940-х гг. Например, Мемориал жертвам Нанкинской резни, расположенный в Нанкинском районе Цзяндунмэнь и построенный в 1985 г., был значительно расширен и перестроен в 1995 г. Здесь находится одно из захоронений – братская могила погибших, которая усыпана галькой, символизирующей невозможность сосчитать жертв тех событий. Еще одним примером является построенный в 1987 г. Мемориальный музей антияпонской войны китайского народа, расположенный в Пекине неподалеку от моста Марко Поло. И количество мест памяти только увеличивается.

Помимо внутривластного аспекта коллективной памяти, не способствующего сближению, в последнее время все большее значение приобретает и внешнеполитический, а именно – нарастание новой конфронтации между КНР и США. С последними Япония имеет союзнические отношения, что также оказывает свое влияние на японо-китайские отношения.

В Республике Корея отношение к прошлому, связанному с японским присутствием, складывалось в достаточно противоречивых условиях и чаще всего зависело от позиции ее политического руководства. В годы правления Ли Сын Мана диалог между двумя государствами не выстраивался в значительной степени из-за непримиримой позиции президента. С приходом к власти Пак Чжон Хи ситуация стала меняться. В 1965 г. был заключен мирный договор и установлены дипломатические отношения. Корейская сторона приняла устные извинения, исходившие от министра иностранных дел Э. Сиина. Хотя часть южнокорейского общества осуждала действия Пак Чжон Хи, считая его предателем, пошедшим на унижительную сделку с Японией. При этом важно понимать, что прагматика текущего момента влияла на политический выбор. Дело в том, что в дополнение к договору Япония предоставила существенные кредиты на развитие экономики, что положительно сказалось на развитии неокрепшей южнокорейской экономики. На полученные от Японии средства южнокорейское правительство основало в 1968 г. крупную металлургическую компанию, построило плотину Соян на реке Хан, а годом позднее – скоростную автомагистраль Кенбу. Эти и другие сооружения в дальнейшем имели важное значение в обеспечении южнокорейского экономического чуда. [Стрельцов 2022, с. 211]

В дальнейшем, несмотря на иногда возникавшие дипломатические скандалы между двумя странами, проблемы исторической памяти во взаимоотношениях с Японией в 1960-е – 1980-е гг. на правительственном уровне еще не поднимались. После же начала процессов демократизации в конце 1980-х гг. в Республике Корея намного большее значение стало придаваться патриотическому воспитанию. В тот же период прошлое стало мощным электоральным ресурсом, который стал использоваться не столько во внешне-, сколько во внутривластной повестке. Южнокорейские политики для достижения успеха на выборах стали все больше задействовать данную проблематику – призыв корейцев в японскую армию в годы войны, принуждение корейских женщин к сексуальному рабству и т.д.

Ярким примером такого подхода стала нарочито антияпонская линия пришедшей к власти в 2012 г. президента Республики Корея Пак Кын Хе. Ее отец, президент Пак Чжон Хи подписал с Японией договор 1965 г., который, как было отмечено, оппозиция позднее сочла соглашательским, не учитывающим всех интересов страны. Поэтому дабы изменить подобную репутацию, Пак Кын Хе была вынуждена делать жесткие заявления и демонстрировать непримиримость по отношению к Японии.

Политический маятник в Республике Корея имеет свойство менять свое направление на противоположное, поэтому и скандалы, связанные с перечисленными историческими проблемами, перемежаются волнами взаимного примирения. Так, например, приход к власти нынешнего президента Юн Сок Ёля положительно сказался на двусторонних отношениях. По итогам встречи с Ф. Кисида в марте 2023 г., наряду со снятием некоторых противоречий в вопросах экономики и безопасности, был достигнут определенный компромисс по проблеме компенсаций корейцам, мобилизованным в годы войны и вынужденным работать на принудительных работах. Фактически японские компании, признанные корейским судом в 2018 г. виновными в использовании принудительного труда – Ниппон Стил и Мицубиси Хэви Индастриз, – все же не будут обязаны участвовать в возмещении ущерба³.

Разумеется, эта мера заведомо не может быть популярной среди электората, и оппозиция за нее довольно сильно критикует президента. Однако в данной ситуации очередной раз видно, что смягчение остроты вопросов исторической памяти находится в непосредственной зависимости от воли политиков⁴.

Таким образом, важно отметить, что претензии соседей в адрес Японии, связанные с военным и колониальным прошлым, долгое время не выходявшие в публичную плоскость, на рубеже XX–XXI вв. стали отчетливо выноситься в повестку межгосударственных отношений. И эскалация этих вопросов, и попытки их решения напрямую связаны не с трагедиями, произошедшими много десятилетий назад с конкретными людьми, а с политической целесообразностью для нынешних политиков. В случае с КНР свою роль

³ В 2018 г. жертвы принудительной мобилизации обратились в Верховный суд г. Сеула с требованием выплаты компенсаций японскими компаниями *Ниппон стил* и *Мицубиси хэви индастриз*, на предприятиях которых они работали в годы войны. Суд постановил удовлетворить данные иски. Однако нынешнее соглашение между Республикой Кореей и Японией делает выполнение этого решения не обязательным. Вместо этого ожидается, что ряд южнокорейских компаний внесут определенную сумму в фонд, специально создаваемый для выплат жертвам принудительного труда. По этому же решению, японские компании могут поучаствовать в финансировании данного фонда, только если у них возникнет подобное желание.

⁴ *Emma Baldi*. South Korea's Plan to Compensate Victims of Forced Labour Employed in Japanese Factories During Colonial Rule: A Step Forward for Peaceful Relations, but not for Victims' Rights. May 5, 2023. // EJIL: Talk. Blog of the European Journal of International Law. <https://www.ejiltalk.org/south-koreas-plan-to-compensate-victims-of-forced-labour-employed-in-japanese-factories-during-colonial-rule-a-step-forward-for-peaceful-relations-but-not-for-victims-rights/> (дата обращения 20.05.2024.)

Lee Minji. Main opposition slams Korea-Japan summit as 'most humiliating' moment in diplomacy. March 17, 2023. // Yonhap News Agency. <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230317003600315?section=news> (дата обращения: 20.05.2024.)

играет государственная идеология, претерпевшая изменения, дрейф от коммунистического компонента к националистическому, а также неблагоприятная внешнеполитическая конъюнктура, где Япония не является союзником Китая. В случае с Республикой Корея отношения развиваются разнонаправленно, и примирение или ухудшение зависит от того, какой направленности политик приходит в данный момент в кресло президента.

Успешные попытки примирения Японии: США и Тайвань

Если обратиться к позитивным кейсам, то здесь необходимо сказать о развитии взаимоотношений Японии с США и Китайской Республикой (Тайванем). Длительный тренд на послевоенное сближение Японии с США привел к тому, что взаимные претензии, связанные с историей войны на Тихом океане, порой уже не воспринимаются так остро, как прежде. Ближе к концу XX в. стало возможным говорить даже о некотором преодолении наследия той войны и усилении акцента на совместное понимание трудно пережитого исторического прошлого. Это находит конкретное воплощение в знаковых политических актах, например, непрекращающихся извинениях перед бывшими американскими военнопленными со стороны японских фирм и организаций⁵.

С противоположной стороны также видны символы примирения, и связаны они с посещением города Хиросимы американскими политиками. Со временем статус посещающих этот город становился все более значимым. В 1983 г. в Хиросиму приезжал Дж. Картер, однако на тот момент он был уже президентом в отставке. В 2010 г. в День памяти жертв бомбардировки город официально посетил посол США в Японии Джеймс Рус. И, наконец, в 2016 г. во время официального визита в Японию город посетил действующий президент США Барак Обама. После визита в Хиросиму он выступил перед японскими и американскими военными на авиабазе в г. Ивакуни с речью, в которой говорил о преодолении болезненных разногласий между странами, которые когда-то были врагами, но стали не только партнерами, но и друзьями⁶.

В ответ Абэ Синдзо предпринял не менее значимый символический визит. 27 декабря того же 2016 г. он посетил Гавайские острова, в частности – мемориал, возведенный над местом затопления линкора «Аризона», где также выступил с речью, в которой говорил о снисхождении к бывшему противнику ради достижения примирения⁷.

Наблюдатели отметили, что ни тот, ни другой политик не принесли извинений. Однако совершенно очевидно, что символика происходящего не исключает подобного в будущем.

Что не менее важно, появляются попытки нового художественного переосмысления пережитого. Память о японских издевательствах над военнопленными нашла отражение в таких фильмах, как, например, «Мост через реку Квай» режиссера Дэвида Лина и других. Однако в последнее время все чаще появляются фильмы, в которых показана неоднозначность

⁵ Несмотря на то, что с момента окончания войны прошло много лет, практика этих извинений продолжается по сей день. Компания «Мицубиси» в 2015 г., в преддверии семидесятой годовщины окончания Второй мировой войны, принесла извинения одному из двух ныне живущих бывших американских военнопленных – 94-летнему Джеймсу Мерфи, трудившемуся на рудниках компании. См: Мицубиси извинилась за рабский труд во время войны. *Euronews*. 20 июля 2015. <https://ru.euronews.com/2015/07/20/mitsubishi-apologises-for-wwii-forced-labour> (дата обращения 20.05.2024).

⁶ Remarks by President Obama to U.S. and Japanese Forces in Iwakuni, Japan. *The White House*. – May 27, 2016. <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/05/27/remarks-president-obama-us-and-japanese-forces-iwakuni-japan> (дата обращения 20.05.2024).

⁷ The Power of Reconciliation: Address by Prime Minister Shinzo Abe // Prime Minister of Japan and His Cabinet. December 27, 2016. http://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201612/1220678_11021.html (дата обращения 20.05.2024).

поступков и мыслей некоторых японских солдат и офицеров в войне против западных союзников. В этих фильмах можно наблюдать снисходительное и даже сочувственное отношение к противнику. Ярчайшими примерами такого подхода можно назвать фильм 2006 г. «Письма с Иводзимы» Клинта Иствуда, а также фильм 2014 г. «Несломленный» – режиссерская работа Анджелины Джоли⁸.

Частично подобный процесс можно наблюдать и во взаимоотношениях Японии с Тайванем. Как уже было сказано выше, сразу после Второй мировой войны Япония, став союзником США, подписала договор с Китайской Республикой в 1952 г. Режим Чан Кайши в это время нуждался в международной поддержке, поэтому претензий за ущерб в годы войны Японии не выдвигалось. В логике все того же биполярного противостояния Тайваню нужны были хорошие отношения с немногочисленными союзниками в регионе. И, хотя с начала 1970-х гг. дипломатические отношения Тайваня с Японией прекратились, экономические отношения продолжали успешно развиваться. Поэтому вопросы, связанные с исторической памятью, фактически никогда не выводились на уровень японо-тайваньских претензий.

Безусловно, государственная политика укрепления национального самосознания на Тайване использовала в том числе и антияпонский элемент: в учебниках по истории большое внимание уделялось противостоянию тайваньцев японской агрессии в Китае и на самом Тайване. Но это использовалось только во внутренней повестке. В последнее десятилетие в соответствии с ориентацией той или иной политической партии вопросы исторической памяти поднимаются кандидатами на пост президента. Кандидаты от партии Гоминьдан как партии, ориентирующейся на сближение с КНР, акцентируют внимание на отрицательных моментах японского колониального прошлого. А сторонники автономии Тайваня, члены Демократической прогрессивной партии (ДПП), наоборот, подчеркивают позитивность японского присутствия, вспоминая проведенную японцами модернизацию острова. Кандидаты на пост президента от ДПП, будучи сторонниками этого курса, в последнее время все чаще одерживают победу на выборах. В их числе и бывший президент Цай Инвэнь, которая была избрана в 2016 г. и переизбрана на второй срок в 2020 г. (срок ее полномочий истек в 2024 г.).

Показательна в этом смысле фигура первого избранного президента Тайваня – Ли Дэнхуэя. Он родился на Тайване, до 22 лет носил японское имя, получил образование в Императорском университете в Киото. С 1944 г. он служил в японской армии и даже считал себя настоящим японцем. Ли способствовал тому, чтобы на острове поддерживалось благоприятное отношение к японскому периоду. Позитивно оценивая колониальное прошлое, он утверждал, что Японии сейчас не нужно извиняться за военную агрессию. Ли продолжил слыть японофилом и после отставки. Так, в 2007 г. он нанес частный визит в Японию и посетил храм Ясукуни, где хранится табличка с именем его родного брата, воевавшего в японской армии и погибшего в 1945 г. [Перминова 2022, с. 126].

Другим фактом, подтверждающим наличие примирения по поводу событий японского колониального прошлого, стала установка в 2011 г. в г. Тайнань памятника Хатта Ёити – японскому инженеру, который наладил на острове систему водоснабжения. В 2017 г. статуя была обезглавлена сторонниками объединения Тайваня, но в течение нескольких месяцев памятник был восстановлен и заново открыт в присутствии потомков Хатта.

⁸ Тема травматического прошлого присутствует даже в фантастических и приключенческих фильмах. В этой связи примечательно отметить фильм режиссера Джордана Вот-Роберта «Конг: Остров черепа», вышедший на экраны в 2017 г. Реалии этого фильма разворачиваются на одном из островов в южной части Тихого океана, на берег которого в 1944 г. одновременно попадают американский и японский летчик. Лейтенант Хэнк Марлоу и пилот Гумпэй Икари вскоре перестают враждовать и пытаются выжить совместными усилиями и даже пытаются построить из обломков своих самолетов лодку, чтобы выбраться с острова.

Таким образом, мы видим, что в целом на Тайване сохраняется примирительная позиция по отношению к японскому наследию, хотя эта проблематика порой актуализируется в соответствии с колебаниями политического маятника.

Восстановление отношений Японии со странами ЮВА: Сингапур и Индонезия

В отличие от КНР и РК, послевоенные отношения между Японией и странами Юго-Восточной Азии развивались относительно стабильно. События времен войны, конечно, сказывались на двустороннем диалоге. Так, например, японская армия оставила о себе тяжелые воспоминания в связи с т.н. Резней Сук Чинг – систематическом преследовании и уничтожении китайцев в Сингапуре весной 1942 г., в ходе которого по разным оценкам погибло несколько десятков тысяч человек. Многих из этих китайцев подозревали в симпатиях к Гоминьдану. Гонениям подверглись и те, кто участвовал в управлении Сингапуром при англичанах. Именно это систематическое преследование породило в целом негативное представление о японцах среди китайцев Сингапура не только после войны, но и в последующие десятилетия. Однако в отношении других стран японцы заняли менее агрессивную позицию и даже начали создавать и поддерживать политические и военные структуры с участием представителей тех азиатских народов (в частности, малайцев и индусов), чья деятельность была направлена против британских колониалистов: Индийскую национальную армию, Временное правительство свободной Индии, Всемалайскую индийскую лигу и др.

Память о том времени могла остаться после войны только трагической, однако в дальнейшем ряд обстоятельств сложился в пользу быстрого восстановления отношений. Во-первых, виновники военных преступлений были осуждены и наказаны в ходе послевоенных трибуналов. Кроме того, не стоит забывать, что японское присутствие в Сингапуре и Индонезии хотя и было драматичным, в сопоставлении с материковым Китаем все же длилось заметно меньше – с 1942 по 1945 гг. Для сравнения: колониальное присутствие в Китае началось с 1905 г., оккупация той же Маньчжурии началась в 1933 г., а полномасштабная война против Китая продлилась целых 8 лет (1937–1945). Колониальное присутствие в Корее продлилось также несколько десятилетий. И если в Корее японцы воспринимались как колонизаторы, то в Юго-Восточную Азию они пришли под лозунгом «Азия для азиатов».

Во-вторых, Япония стала довольно интенсивно прилагать усилия по восстановлению отношений со странами Юго-Восточной Азии уже в 1950-е гг. Вскоре после подписания Сан-Францисского договора и признания вердиктов всех военных трибуналов в отношении военных преступников Япония вышла из состояния оккупации, добилась вступления в ООН и активно включилась в процесс оказания экономической помощи странам ЮВА. В частности, в 1957 г. премьер-министр Киси Нобусукэ совершил поездку по шести странам региона и высказал идею создания Азиатского фонда развития – финансовой структуры, чья деятельность была направлена на финансовое содействие развитию экономик азиатских стран.

Наконец, в-третьих, в отличие от Восточной Азии, где bipolarность холодной войны проявилась с особой драматичностью, регион Юго-Восточной Азии подобное противостояние, за исключением Вьетнама, коснулось в значительно меньшей степени. Созданная в 1967 г. Ассоциация стран Юго-Восточной Азии делала своим приоритетом экономическое развитие. Руководство многих стран региона не желали политизации регионального сотрудничества.

В 1950-е – 1960-е гг. Японии удалось урегулировать фактически со всеми странами региона вопросы оценки ущерба и определить объем финансовой и экономической помощи. Первыми были достигнуты соглашения с Бирмой (1954), Филиппинами (1956) и Индонезией

(1958). В дальнейшем подобные соглашения были подписаны с Таиландом, Малайзией, Сингапуром и даже Южным Вьетнамом. Япония со временем заняла одно из ведущих мест в программе ОПР, ставшей дополнением к послевоенным репарациям: странам Азиатско-Тихоокеанского региона стала регулярно предоставляться помощь в виде льготных займов и грантов [Ковригин 2012 с. 10].

Благотворно на отношениях Японии со странами Юго-Восточной Азии сказалось и дальнейшее сотрудничество, в частности – перевод японских предприятий и размещение производств на их территории. В течение почти тридцати лет (1960-е – 1990-е гг.) японские автомобильные корпорации осуществили более 400 инвестиционных вложений в экономики стран ЮВА, а к концу XX в. доля японской ОПР в экономике стран АСЕАН составила около 20% [Колдунова 2021, с. 107]⁹.

В частности, успешно развивались и развиваются экономические отношения с Сингапуром, особенно после обретения им независимости. В 1962 г. начались переговоры, а в 1967 г. было достигнуто соглашение, по которому Японией выплачивалась сумма 50 млн долларов в виде компенсации. Как и в случае с Республикой Кореей и КНР, эти деньги оказались очень нужны Сингапуру в период модернизации экономики, на которую требовались колоссальные средства. В следующем десятилетии Япония стала крупнейшим иностранным инвестором Сингапура.

В отличие от граждан КНР и Республики Кореи, жители стран Юго-Восточной Азии меньше склонны вспоминать проблемы исторического прошлого. Как отмечают аналитики сингапурского Института исследований Юго-Восточной Азии, в 2019–2021 гг. Япония предстает в этом регионе страной, которой из внешних партнеров в АСЕАН доверяют больше всего [Колдунова 2021, с. 114].

Результаты социологических опросов, проведенных в Сингапуре, показывают, что в целом восприятие японцев в стране остается положительным, хотя и с некоторыми нюансами. 44% опрошенных оценивают отношения с Японией как дружественные, а 52% – до некоторой степени дружественные. При этом 53% сингапурцев, опрошенных накануне 73-й годовщины начала японской оккупации, высказались в том духе, что Япония заслуживает доверия, однако с некоторыми оговорками¹⁰.

Таким образом, пример развития послевоенных отношений между Японией и Сингапуром показывает, что принесение извинений, выплата репараций и устойчивое экономическое развитие на протяжении нескольких поколений приводят к тому, что трагические события прошлого хотя и не забываются, все же не воспринимаются так же остро, как прежде. В результате по отношению к современной Японии в регионе формируется устойчивый позитивный образ.

Послевоенные взаимоотношения Японии с Индонезией развиваются динамично, однако вопросы исторической памяти здесь необходимо рассматривать в более широком контексте. На момент оккупации Индонезия являлась колонией Голландии, а потому проблемы, связанные с наследием Второй мировой войны, касаются не только граждан современной Индонезии, но и проживавших там в годы войны голландцев, а также детей от смешанных браков, возникших в период японской оккупации.

Японская оккупация Индонезии началась весной 1942 г. и продлилась более трех лет. Японские войска вошли в Индонезию под лозунгом создания «Сферы сопроцветания

⁹ При этом важно заметить, что не меньшую по объему помощь по линии ОПР Япония оказывала экономике КНР, однако руководство страны старалось не афишировать этот факт среди своего населения, что вызывало раздражение японских политиков и в итоге привело к решению о сокращении подобных инвестиций. Подробнее см: [Ковригин 2012, с. 21].

¹⁰ Michishita N. Japan, Singapore, and 70 years of post-war ties. February 11, 2015. *The Straits Times*. <https://www.straitstimes.com/opinion/japan-singapore-and-70-years-of-post-war-ties> (дата обращения 20.05.2024).

Восточной Азии», что предполагало ликвидацию власти европейцев, в данном случае – голландцев. Японцы изначально стали делать ставку на проживавших в стране голландцев смешанного происхождения, *индиши* (или т.н. индонезийских голландцев – лиц, рожденных от смешанных браков между голландцами и индонезийцами). Японские оккупационные власти надеялись, что представители этой части индонезийского общества позитивно воспримут новые порядки и будут сотрудничать с ними.

В целом хотя индонезийские голландцы и не являлись чистокровными голландцами, они имели полноценный статус европейца, если их отец-голландец признавал их как своих детей [Buchheim 2015, p. 107]. Некоторая часть *индиши* тем не менее стала сотрудничать с японскими властями. Более того, часть женщин, имевших смешанное голландско-индонезийское происхождение, вступала в интимные отношения с японскими мужчинами. Некоторые из них соглашались на это вынужденно, под давлением обстоятельств, однако немало было и случаев обоюдного согласия. В результате таких отношений родилось достаточно много детей. Пары обычно встречались наедине, их редко видели вместе на публике, так как такие отношения встречали неодобрение, со стороны как голландской общины, так и японских военных властей.

Дети от таких квазибрачных союзов обычно не регистрировались, однако есть предварительные оценки их числа, которое варьируется от 800 до 8000 [Buchheim 2015, p. 108]. Судьбы этих людей в дальнейшем стали одной из тем, обсуждаемых в трехстороннем периметре в контексте проблем послевоенной памяти.

Дипломатические отношения между Японией и Голландией были восстановлены в 1952 г. Взаимные претензии были урегулированы соглашением С. Ёсида и Д. Стиккера, подписанным в 1956 г. По этому соглашению Япония выплатила 10 миллионов долларов в качестве компенсации за ущерб, нанесенный войной и оккупацией. Выплаты были проведены порядка 90 000 гражданам Голландии, подвергшимся заключению в лагерях для интернированных. Сообщество индонезийских голландцев, проживающих в Голландии, было недоволено этим соглашением, поскольку оно не учитывало их интересы и, в отличие от чистокровных голландцев, не предусматривало никаких компенсаций для них.

В 1980-е гг. было создано несколько общественных организаций, которые требовали компенсации за ущерб во время войны для голландцев. Первой такой организацией стал Фонд бывших жертв японского плена и их родственников (EKNJ). Его создал Дольф Винклер, который был мобилизован на принудительные работы на железной дороге в Бирме, а также в угольных рудниках г. Мидзумаки уже непосредственно в Японии. В 1985 г. он впервые посетил Японию после войны, после чего выдвинул идею возведения памятника или памятного знака в г. Мидзумаки. Организованный им фонд стал осуществлять регулярные поездки в Мидзумаки, а через некоторое время к финансированию этих поездок начало присоединяться и японское правительство.

В 1994 г. был создан фонд, название которого можно перевести как «Фонд японских долгов чести»¹¹. Фонд организовывал митинги перед японским посольством, добиваясь компенсации за принудительный труд. Японские дипломаты в какой-то момент начали диалог с этим обществом, предложив части его членов возможность совершить поездки в Японию. Были и другие организации, которые добивались справедливых выплат от японских властей.

С 1986 г. начались первые поездки в Японию, организованные для бывших интернированных и военнопленных, пострадавших от японской оккупации. Ряд общественных деятелей и в Японии, и в Голландии организовали поиск отцов для тех, кто был рожден в результате сожительства индонезийских голландок и японцев в годы войны.

Наиболее известный пример такого волонтерства – Йоко Хёйс-Ватануки. Это гражданка Японии, которая вышла замуж за голландца и последние 30 лет проживает в Голландии.

¹¹ SJE (нидерл. – Stichting Japanse Ereschulden, англ. – Foundation of Japanese Honorary Debts).

Она помогает гражданам Нидерландов, рожденным в годы войны от смешанных японо-индонезийских союзов, найти своих родственников в Японии¹².

Японию стали посещать как матери этих детей, так и их дети. Данные поездки финансировались МИД Японии и включали официальные встречи. Чаще всего путешествия начинались с г. Мидзумаки, в окрестностях которого находились шахты, где в годы войны трудились на принудительных работах голландцы. Затем эти же группы вывозились в Хиросиму и Нагасаки к мемориалам мира.

Заключение

Наличие проблем, связанных с исторической памятью, является показателем не столько случившейся некогда трагедии, сколько неустроенности двусторонних отношений, развивающихся уже после окончания конфликта. Эти проблемы актуализируются, если между сторонами по тем или иным причинам возникает конфронтация, а двусторонние отношения на протяжении нескольких поколений находятся в состоянии хронического конфликта. И, наоборот, ситуация стабилизируется, если государства идут по пути сближения, и политические элиты видят целесообразным примирение или даже забвение травматического прошлого. Опыт отношений Японии со странами, пострадавшими от ее политики, показывает, что произошедшую некогда трагедию можно преодолеть только при условии, если в дальнейшем отношения между бывшей страной-агрессором и бывшей страной-жертвой будут развиваться бесконфликтно на протяжении нескольких поколений. Историческое прошлое – это не только и не столько сами события, сколько отношение к ним и рассказ о них будущим поколениям, который и формирует память как таковую.

Япония во взаимоотношениях со странами-соседями по Восточной Азии прошла уже несколько периодов. К концу XX в., несмотря на ряд усилий, решительного движения к взаимному примирению и забвению все же не случилось. Идентичности в странах Восточной Азии, построенные с упором на собственную особость, не пришли к инклюзивному пониманию прошлого, как это случилось в Европе, и проявляют себя скорее в противопоставлении, нежели в сопоставлении. Кроме того, растущая внешнеполитическая напряженность в регионе и разность государственных идеологий обостряют понимание исторического прошлого, как это происходит в отношениях Японии и КНР. В отношениях между Японией и Республикой Корея есть элемент примирения, однако его развитие или торможение довольно сильно зависят от результатов выборов и позиции политических элит, находящихся в данный момент у власти в обеих странах.

Меньший драматизм, но ту же динамику, что и в Республике Корея, сохраняют отношения Японии с Китайской Республикой (Тайвань). Кандидаты от партии Гоминьдан как партии, ориентирующейся на сближение с КНР, акцентируют внимание на отрицательных моментах японского колониального прошлого. А сторонники автономии Тайваня, члены Демократической прогрессивной партии (ДПП), наоборот, скорее подчеркивают позитивность японского присутствия, вспоминая проведенную японцами модернизацию острова.

Отношения Японии со странами Юго-Восточной Азии развиваются более позитивно, и усилия по взаимному примирению здесь более заметны. Это связано с тем, что японское военное присутствие в них было значительно короче по времени, и с тем, что послевоенная экономическая помощь этим странам начала поступать уже в 1950-е гг. Руководство многих стран региона старалось избежать политизации регионального сотрудничества в условиях

¹² Oita woman helps Japanese Dutch, born in WWII, trace their roots. Dec 4, 2023. The Japan Times. <https://www.japantimes.co.jp/news/2023/12/04/japan/society/wwii-japanese-dutch-in-indonesia/> (дата обращения 20.05.2024).

биполярного мира и уделяло больше внимания экономическому развитию. Например, для таких стран, как Сингапур и Индонезия, сотрудничество с Японией стало одним из факторов их устойчивого развития, что в свою очередь способствовало снижению остроты проблем исторической памяти на двусторонней повестке.

Примирительные тенденции наблюдаются и во взаимоотношениях Японии с Голландией, чьей колонией накануне войны была Индонезия. Ряд общественных деятелей, как Японии, так и Голландии, организовали поиск японских отцов для тех, кто был рожден в годы оккупации в отношениях между японцами и женщинами голландско-индонезийского происхождения. В 1980-е гг. эти люди, будучи уже взрослыми, стали разыскивать своих отцов-японцев, в чем им помогали многие японские волонтеры. Примерно в это же время начались первые поездки, туры в Японию, организованные для бывших голландских военнопленных и принудительно мобилизованных на работы в Японии, с примирительной миссией. В местах памяти, посещаемых ими, уже установлены знаки и стелы, символизирующие примирение по проблемам исторической памяти. Таким образом, степень примирения существенно отличается в зависимости от страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. – Москва: НЛЮ. 2019.
- Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. – Москва: НЛЮ. 2018.
- Ковригин Е. Б. Япония – Китай: официальная помощь развитию как инструмент экономического взаимодействия // *Пространственная экономика*. 2012. № 3. с. 9–33.
- Колдунова Е. В. Феномен трансформации отношений Японии и стран Юго-Восточной Азии во второй половине XX–XXI в.: опыт для России // *Японские исследования*. 2021. № 3, с. 102–116. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-102-116
- Перминова В. А. Японское колониальное наследие на Тайване как проблема исторического прошлого // *Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями*. – Москва: Аспект-пресс. 2022. С. 119–160.
- Стрельцов Д. В. Особенности идентичностей Советского Союза и Японии в послевоенный период (1945—1991) // *Русская и японская цивилизации. Исторический анализ становления и развития национальных идентичностей (сходство и различие)*. – Москва: Международные отношения. 2016. С. 178–194
- Стрельцов Д. В. «Дипломатия извинений» в отношениях Японии со странами Восточной Азии // *Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями*. – Москва: Аспект-пресс. 2022. С. 207–238.
- Шулатов Я. А. Япония. // *Память о Второй мировой войне за пределами Европы*. – Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2022. С. 28–56.

REFERENCES

- Assman, A. (2018). *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Past]. Moscow: NLO. (In Russian).
- Assman, A. (2019). *Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriei* [Forgetting History – Obsession With History]. Moscow: NLO. (In Russian).
- Koldunova, E.V. (2021). Fenomen transformatsii otnoshenii Yaponii i stran Yugo-Vostochnoi Azii vo vtoroi polovine XX–XXI v.: opyt dlya Rossii [Transformation of Japan's relations with Southeast

- Asia in the second half of the 20th – early 21st century: Russia, take note]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 3, 102–116. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-102-116
- Kovrigin, E.B. (2012). Yaponiya – Kitai: ofitsial'naya pomoshch' razvitiyu kak instrument ekonomicheskogo vzaimodeistviya [Japan – China: Official Development Assistance as a Tool of Economic Interaction]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 3, 9–33. (In Russian).
- Perminova, V.A. (2022). Yaponskoe kolonial'noe nasledie na Taivane kak problema istoricheskogo proshlogo [Japanese Colonial Legacy in Taiwan as a Problem of Historical Past]. In: Streltsov, D.V. (Ed.). *Problemy istoricheskogo proshlogo v otnosheniyakh Yaponii so stranami-sosedyami* [Problems of Historical Past in Japan's Relations With Neighboring Countries] (pp. 119–160). Moscow: Aspekt Press. (In Russian).
- Shulatov, Y.A. (2022). Yaponiya [Japan]. In: *Pamyat' o Vtoroi mirovoi voine za predelami Evropy* [Memory of the Second World War Outside Europe] (pp. 28–56). Saint Petersburg: Publishing House of the European University in Saint Petersburg. (In Russian).
- Streltsov, D.V. (2016). Osobennosti identichnosti Sovetskogo Soyuza i Yaponii v poslevoennyi period (1945–1991). [Peculiarities of the Identities of the Soviet Union and Japan in the Post-War Period (1945–1991)] In: *Russkaya i yaponskaya tsivilizatsii. Istoricheskii analiz stanovleniya i razvitiya natsional'nykh identichnosti (skhodstvo i razlichie)* [Russian and Japanese Civilizations. Historical Analysis of Formation and Development of National Identities] (pp. 178–194). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian).
- Streltsov, D.V. (2022). «Diplomatiya izvinenii» v otnosheniyakh Yaponii so stranami Vostochnoi Azii [“Diplomacy of Apologies” in Japan's Relations With the Countries of East Asia]. In: Streltsov, D.V. (Ed.), *Problemy istoricheskogo proshlogo v otnosheniyakh Yaponii so stranami-sosedyami* [Problems of Historical Past in Japan's Relations With Neighboring Countries] (pp. 207–238). Moscow: Aspekt Press. (In Russian).

* * *

- Buchheim, E. (2015). Enabling Rememberence. Japanese-Indish Descendents Visit Japan. *History and Memory*, 27 (2), 104–125.
- Onuma, Y. (2002). Japanese War Guilt and Postwar Responsibilities of Japan. *Berkeley Journal of International Law*, 20, 600–620.

Поступила в редакцию: 01.12.2023

Received: 01 December 2023

Принята к публикации: 23.04.2024

Accepted: 23 April 2024

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-56-69

Поминальные таблички *ихай* в собрании МАЭ (Кунсткамера) РАН, их этнокультурный контекст и история собрания

А.Ю. Синицын

Аннотация. В японском собрании МАЭ РАН представлено много предметов, интересных не только своими художественными особенностями или этнографической ценностью, но и замечательной историей собрания, за которой нередко стоят весьма примечательные персоны. В данной статье речь пойдет о трех поминальных табличках *ихай* (位牌), из собрания музея. Подобные таблички, начиная с периода Камакура, выступают неотъемлемым аксессуаром буддийского похоронного ритуала. Обычно изготавливаются из дерева и покрываются черным и / или золотым лаком; состоят из нескольких декорированных резьбой ступеней подставки, завершающейся «лотосовым пьедесталом», и самой таблички, установленной на пьедестале. С наличной стороны пишется посмертное имя (*каймё*: 戒名), рядом указывается дата смерти по системе *нэнго*: (年号) – эра, номер года, месяца, дня, иногда – и возраст покойного. Не существует единой «стандартной» формы поминальной таблички, ибо разные школы японского буддизма предлагают свою особую форму *ихай*, а также характерную для традиции данной школы «формулу» буддийского имени. С развитием в период Мэйдзи фотографического дела на табличках также помещаются ритуальные фотографии покойного (*иэи* 遺影). Одна из хранящихся в МАЭ табличек была привезена известным отечественным китаеведом, японоведом и тангутологом профессором А.И. Ивановым (1878–1937) из поездки в Японию в 1912 г. в составе обширной коллекции. Данная табличка с именем и фотографией упокоившейся женщины имеет вполне стандартную форму и очевидно участвовала в похоронных ритуалах. Две другие таблички относятся к японской коллекции выдающегося отечественного этнографа Л.Я. Штернберга (1861–1927), участвовавшего в III Всетихоокеанском конгрессе в Токио в ноябре 1926 г. Эти две таблички, несмотря на традиционные форму, материалы и технику изготовления, вызывают определенное чувство недоумения, ибо на них вместо *каймё*: указаны фамилия знаменитого японского антрополога Цубои Сёгоро (坪井博士), скончавшегося в 1913 г. в Санкт-Петербурге, и написанная азбукой *катакана* фамилия профессора В.В. Радлова (1837–1918), директора МАЭ с 1894 по 1917 г. В статье рассматриваются возможные причины и сопутствующие обстоятельства появления этих табличек в собрании МАЭ.

Ключевые слова: МАЭ РАН, поминальные таблички ихай, этнография, научный конгресс, А.И. Иванов, Л.Я. Штернберг, Н.А. Невский, Цубои Сёгоро, Янагита Кунио.

Автор: Синицын Александр Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Восточной и Юго-восточной Азии, МАЭ (Кунсткамера) РАН (адрес: 199034 Университетская наб., 3, Санкт-Петербург). ORCID: 0000-0001-7392-1837; E-mail: asin@kunstkamera.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Синицын А.Ю. Поминальные таблички *ихай* в собрании МАЭ (Кунсткамера) РАН, их этнокультурный контекст и история собрания // Японские исследования. 2024. № 2. С. 56–69. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-56-69

The *ihai* mortuary tablets in the MAE (Kunstkamera) RAS collection: Ethno-cultural environment and history of acquisition

A. Yu. Sinitsyn

Abstract. The Japanese collection of the MAE RAS contains many objects that are interesting not only for their artistic features or ethnographic value, but also for the amazing history of acquisition, very often connected with remarkable people. This article focuses on three *ihai* 位牌 mortuary tablets in the MAE collection. Since the Kamakura period, such tablets were used as an integral accessory of Buddhist funeral ritual. Conventionally, the *ihai* are made of wood and coated with black and/or gold lacquer; consist of a stand with several levels, decorated with carvings and topped with a “lotus pedestal,” and the tablet itself, installed on the pedestal. On its front side, a mortuary name (*kaimyō* 戒名) is carved. The *nengō* 年号 date of death (era, number of the year, month, day) and, sometimes, the age of the deceased are indicated, too. There is no “standard” form of memorial tablets because different schools of Japanese Buddhism offer their own special form of *ihai*, as well as a Buddhist name “formula”. With the development of photography in the Meiji period, ritual photographs of the deceased (*iei* 遺影) were also placed on the tablets. One of the tablets stored in the MAE was brought by a famous Russian scholar of Far-Eastern studies Professor A.I. Ivanov (1878–1937) from a trip to Japan in 1912 as part of his extensive collection. This tablet with a *kaimyō* and photograph of a deceased woman has a conventional shape and obviously participated in the funeral rituals. The other two items belong to the Japanese collection of ethnographer Professor L.Ya. Sternberg (1861–1927), who participated in the Third Pan-Pacific Congress in Tokyo in November 1926. These two tablets, despite their traditional form, materials, and ornamental techniques, cause a certain feeling of puzzle because, instead of a *kaimyō*, they present the “civil” surname of a famous Japanese anthropologist Tsuboi Shogoro 坪井博士, who died in 1913 in Saint Petersburg; and the surname of Professor V.V. Radlov (1837–1918), director of the MAE from 1894 to 1917, written in katakana alphabet. This article discusses the possible reasons and accompanying circumstances of the appearance of these tablets in the MAE collection.

Keywords: MAE RAS, *ihai* mortuary tablets, ethnography, scientific congress, A.I. Ivanov, L.Ya. Sternberg, N.A. Nevskiy, Tsuboi Shogoro, Yanagita Kunio.

Author: Sinitsyn, Alexander Yu., Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Department of East and South East Asia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (Russia, Saint Petersburg, 199034 Universitetskaya Emb., 3). ORCID: 0000-0001-7392-1837; E-mail: asin@kunstkamera.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Sinitsyn, A.Yu. (2024). Pominal'nye tablichki *ikhai* v sobranii MAE (Kunstkamera) RAN, ikh etnokul'turnyi kontekst i istoriya sobiraniya [The *ihai* mortuary tablets in the MAE (Kunstkamera) RAS collection: Ethno-cultural environment and history of acquisition]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 2, 56–69. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-56-69

Введение

Пространство любого музея состоит, прежде всего, из экспозиций, тематических или региональных; экспозиции – из выставочных шкафов и витрин; в шкафах расставлены экспонаты. Экспонатов много, от нескольких сотен до нескольких тысяч на каждой экспозиции. И за каждым экспонатом стоят особые обстоятельства его бытования, приобретения

и попадания в музей, личность собирателя, изъявшего этот предмет из его этнокультурной среды, а также личность мастера, этот предмет создавшего; порою эти обстоятельства сплетаются в драматическую историю.

Поводом для написания данной статьи послужила попытка изучения истории поступления в музей одного из экспонатов, установленного в шкафу «Буддизм» экспозиции «Япония» МАЭ РАН, а именно небольшой поминальной табличке *ихай* (位牌)¹, иллюстрирующей, по задумке создателей экспозиции, аксессуар буддийского похоронного ритуала². Экспонат этот на первый взгляд ничем особо не примечателен, вполне традиционен и весьма органично вписывается в тематическую подборку окружающих его других культовых предметов, представленных в упомянутой витрине.

Однако надпись, вырезанная на данной табличке, указывавшая имя упокоившегося, вызвала искренне удивление и недоумение наших японских коллег³, неоднократно посещавших музей: 坪井博士之霊 (Цубои хакасэ-но тама) – буквально, «Душа доктора Цубои». Японские гости были озадачены вопросом, связана ли эта табличка с именем профессора Цубои Сёгоро (Цубои Сё:горо: 坪井正五郎, 1863–1913), выдающегося японского ученого-антрополога, или подразумевается какой-то другой «доктор Цубои», однофамилец знаменитого ученого. Вопрос о том, каким образом эта поминальная табличка оказалась в собрании МАЭ и какое отношение она имеет к «тому самому» Цубои Сёгоро, является фокусом данного небольшого исследования.

Функционирование *ихай* в японском похоронном обряде

Поминальные таблички *ихай* (буквально, «ранговые таблички», 位 *и* – «ранг», 牌 *хай* – «табличка») уже много веков используются в Японии как один из важных аксессуаров буддийского похоронного церемониала. Считается, что они восходят к китайским поминальным табличкам предков *ра́иуэ́й* (牌位). Появление *ихай* в Японии связывается с развитием ритуалов школ дзэн-буддизма в период Камакура (1185–1333), а широкое распространение практики использования *ихай* в похоронных ритуалах относится к периоду Эдо (1600–1868).

Существует несколько видов *ихай* с различным функционалом.

Сразу после смерти человека создается *ути-ихай*⁴ (内位牌), временная табличка, в которой в течение сорока девяти дней пребывает *тама*⁵, «душа» покойного. Такая табличка устанавливается на временном поминальном алтаре *тю:индан* (中陰壇), вокруг которого происходит панихида (*цуйто:кай* 追悼会) и другие поминальные обряды вплоть до ритуала 49-дня. После этого временный алтарь разбирают, таблички сжигают, а душа «переселяется» в табличку *хон-ихай* (本位牌 «основной *ихай*). Подобные таблички устанавливаются на домашнем алтаре *буцудан* на 49-й день со дня кончины человека, заменяя временные таблички *ути-ихай*, и находятся там на постоянной основе. Эти же таблички выставляются на праздник О-Бон на специальном алтаре (*сэйрэй-дана* 精霊棚 или *бон-дана* 盆棚) в память об умерших родственниках. Через посредство этих табличек родственники общаются с душами своих

¹ Музейный номер МАЭ № 3448-15/1.

² Создателями экспозиции 1969 г. были Г.А. Гловацкий и Р.А. Ксенофонтова. К сожалению, в посвященной открытию этой экспозиции статье ее автор (Г.А. Гловацкий) никак не комментирует данный предмет, отнеся его к локусу «и другие предметы религиозного обихода» [Гловацкий 1970, с. 181].

³ МАЭ РАН участвовал в ряде совместных проектов в Национальном музеем этнологии, г. Осака (МИНПАКУ), и японские коллеги из МИНПАКУ неоднократно посещали МАЭ и осматривали его японские коллекции.

⁴ Называемые также *но-ихай* (野位牌) и *сираки-ихай* (白木位牌).

⁵ Может записываться как 霊 или 魂.

почивших предков, почитают и поклоняются им, приносят им соответствующие подношения, как установленные обычаем, так и отражающие их «прижизненные» индивидуальные предпочтения.

Отдельной разновидностью поминальных табличек выступают т.н. храмовые таблички *тэра-ихай* (寺位牌), которые устанавливаются (иногда еще при жизни заказчика) в поминальном зале *ихай-до*: (位牌堂) того или иного буддийском храма. Многие японские семьи на протяжении нескольких поколений бывают связаны с определенным храмом, в жизни которого активно участвуют и которому приносят регулярные пожертвования, поэтому могут рассчитывать на то, что получают достойные посмертные имена как убежденные буддисты, и монахи этого храма будут регулярно упоминать их имена в своих молитвенных ритуалах.

Таким образом, сакральный символизм японских поминальных табличек отражает типичный для японского религиозного сознания концептуальный синкретизм: под буддийским «куполом» сочетаются элементы культа предков, религиозного конфуцианства, синто и рудиментов архаичного шаманизма⁶. При этом очевидно противоречие буддийской философии представлений о существовании «души» *тама* и ее способности к «переселению» в сакральные объекты *ёрисиро* (憑代 притягивающие к себе синтоистские божества) и *синтай* (神体 вместилище божества). Поминальные таблички *ихай* представляют собой разновидность таких культовых предметов, в которых может находиться душа человека.

Конструкция и материалы поминальных табличек

Обычно все поминальные таблички изготавливаются из дерева, они состоят из пьедестала-подставки и собственно таблички (*фуда* 札⁷). Упомянутые выше временные таблички *ути-ихай* – более простые в изготовлении и не покрываются лаком, сохраняя естественный «белый» цвет дерева, поэтому их также называют *сираки-ихай* (白木位牌), буквально, «табличка из неокрашенного дерева».

На лицевой стороне подобных «временных табличек» буддийские монахи наносят черной тушью светское имя покойного (*дзокумэй* 俗名) и присвоенное ему после смерти заупокойное «буддийское» имя (*каймё*: 戒名), составленное из иероглифов, имеющих благопожелательный смысл (в буддистском понимании), соответствующий достоинствам скончавшегося человека. Рядом указывается дата смерти по системе *нэнго*: (年号). Иногда также указывается и возраст покойного.

Таблички *хон-ихай*, предназначенные для более длительного бытования, также изготавливаются из дерева, но при этом покрываются черным или золотым лаком в изысканной технике *макиэ*⁸; с наличной ее стороны (обычно, золотым лаком по черному фону) пишется «буддийское» имя упокоившегося, а также дата смерти. С появлением и развитием в период Мэйдзи фотографического дела на табличках также довольно часто помещаются ритуальные фотографии покойного (*иэи* 遺影, буквально – «оставленная тень»).

⁶ Так, идею о связи синтоистских ритуалов с рудиментами японского шаманизма неоднократно высказывали Янагита Кунио и Н. А. Невский, а вслед за ними – крупнейший отечественный исследователь шаманизма народов Сибири, Дальнего Востока и Сахалина Л.Я. Штернберг. Об этом см. далее.

⁷ Формой такие таблички напоминают миниатюрный вариант деревянных ритуальных жезлов *сяку* (笏), использовавшихся представителями придворной аристократии во время дворцовых ритуалов, а также одноименные жезлы синтоистских жрецов.

⁸ Поэтому такие таблички также называют *нури-ихай* (塗位牌) – «лаковые таблички». Лаковое покрытие, с одной стороны, защищает *ихай* от неблагоприятного воздействия влажного климата; с другой стороны, применение довольно сложных лаковых техник превращает табличку в произведение декоративно-прикладного искусства.

Не существует единой «стандартной» формы поминальной таблички, ибо разные школы японского буддизма⁹ предлагают свою особую форму *ихай*, а также характерную для традиции данной школы «формулу» буддийского имени. Кроме того, во многом выбор формы и размера таблички зависит от воли усопшего или его наследника¹⁰, обычно выступающего в роли организатора и главного распорядителя заупокойных служб в память его родителей. Так, можно встретить *ихай*, украшенные декоративным навершием *гибо:си* (擬宝珠) в форме луковицы; иногда таблички могут иметь вид киота (*дзуси* 厨子) с распашными дверцами и декоративными металлическими накладками. В настоящее время популярны таблички нестандартной формы, выполненные по индивидуальному заказу.

Табличка *ихай* из собрания А.И. Иванова

Хранящиеся в МАЭ три таблички имеют самую распространенную форму: состоят из нескольких декорированных резьбой ступеней цоколя на четырех фигурных ножках, завершающегося «лотосовым пьедесталом», на который и устанавливается сама табличка¹¹. Покрыты черным и золотым лаком.

Наиболее типичным можно считать *хон-ихай* МАЭ № 2072-304, что был привезена известным отечественным востоковедом и этнографом профессором Алексеем Ивановичем Ивановым (1878–1937) из поездки в Японию в 1912 г.¹² в составе обширной коллекции, им же и описанной. На с. 13 описи этой коллекции (МАЭ № 2072) он дает краткую характеристику этого предмета: «Фотография гейши в деревянном лакированном киоте – надгробный памятник»¹³. Действительно, табличка имеет погрудный фотографический портрет довольно молодой женщины¹⁴ в официальном облачении, с официальной прической; портрет круглой

⁹ Некоторые школы, например, *Дзё:до: синсю:*, вместо табличек используют свитки *какэдзюку* с именем упокоившегося. О функционировании *ихай* в японском похоронном ритуале см.: [Irizartу 2014, p. 60–86].

¹⁰ На просторах интернета можно найти информацию, как современные японцы выбирают *ихай* для своих почивших родственников. Например, женщина-блогер, ведущая блог *Kimagure Naochan Kitchen* в посте от 05.06.2016 рассказывает, какими идеями она руководствовалась, когда подбирала поминальные таблички для отца и бабушки. См.: ИНАИ: Japanese Memorial Tablet // *Kimagure Naochan Kitchen*. <https://naochankitchen.blogspot.com/2016/06/ihai-japanese-memorial-tablet-english.html> (Дата обращения: 18.12.2023).

¹¹ Примечательно, что «классическая» форма пьедестала *хон-ихай* близка к пьедесталам буддийских статуй. Действительно, сакральность образа упокоившегося подчеркивается использованием в его адрес обращения *хотокэ* (仏) – буквально, «Будда». Этим же термином обозначаются и статуи будд.

¹² Профессор Санкт-Петербургского императорского университета А.И. Иванов специализировался в области китаеведения, японоведения, тангутологии, лингвистики и этнографии; много и плодотворно сотрудничал с этнографом Л. Я. Штернбергом; с 1908 г. по приглашению последнего работал в качестве штатного сотрудника МАЭ, где возглавлял Отдел культурных стран Азии; занимался в том числе научной систематизацией и регистрацией музейных коллекций по Восточной Азии. Также был собирателем ряда коллекций по Китаю и Японии для МАЭ. О научной деятельности А.И. Иванова см.: [Решетов 1996, с. 366–384; Рыбин 2008, с. 16].

¹³ Сейчас мы можем сказать, что такая характеристика не вполне корректна, ибо, как было отмечено выше, поминальные таблички *хон-ихай* не являются надгробными памятниками. Данный *ихай* также не имеет форму киота *дзуси*. Понятие «гейша», по-видимому, следует трактовать в самом широком смысле. К сожалению, А.И. Иванов не сообщил обстоятельства приобретения им этой таблички, и остается только строить предположения, каким образом предмет поминального культа оказался в руках иностранца. Возможно, у изображенной на фотографии женщины не осталось близких родственников; по прошествии нескольких лет с момента ее смерти табличка была убрана владельцами дома и попала в антикварную лавку или к старьевщику. Действительно, в Токио и в настоящее время функционирует несколько антикварных «барахолок», где попадаются разнообразные и довольно любопытные вещи.

¹⁴ Собственно, фотопортрет мог быть выполнен задолго до смерти персонажа и выбран в качестве *изи* как наиболее удачный и доступный. Фотография покрыта сверху несколькими слоями прозрачного лака, поэтому можно только предположить, что она выполнена на альбуминовой бумаге.

Иллюстрация 1. Поминальная табличка из коллекции А. И. Иванова (МАЭ № 2072-34)
(©МАЭ РАН)

Illustration 1. Mortuary tablet in the collection by A. I. Ivanov (MAE № 2072-34)
(©MAE RAS)

формы, обведен тонким золотым ободком. Табличка покрыта с обеих сторон черным лаком, пьедестал с фронтальной стороны – золотым лаком. Ниже фотопортрета золотым лаком по центру таблички написано буддийское имя упокоившейся: 郎持院妙身信女 *ро:дзин мё:син синдзё*¹⁵; справа от имени указан год смерти: 明治四十年 *Мэйдзи ён дзю:нэн* – «эра Мэйдзи, 40-й год»; слева – месяц и день: 七月四日 «7-й месяц, 4-й день», что означает, что женщина скончалась 4-го июля 1907 г., возраст не указан. На неокрашенном донце основания пьедестала имеется пропечатанный трафаретным образом адрес мастерской в Токио¹⁶, где был изготовлен *ихай*.

И сама табличка *ихай*, и надпись *каймё*: выполнены в полном соответствии с традицией. Не остается сомнений, что данный предмет непосредственно участвовал в соответствующих похоронных ритуалах по прямому назначению, чего нельзя сказать о двух табличках из коллекции Л.Я. Штернберга.

¹⁵ По этому имени сложно определить, к какой школе японского буддизма относилась его обладательница; при этом можно высказать предположение, что в имени «зашифрован» намек на область ее занятий: первый и последний иероглифы, соответственно, *ро:* (郎) и *дзё* (女), в обратном порядке читаются как *дзёро:* (女郎) – так называли красавиц из «веселых кварталов».

¹⁶ 東京赤坂區青山 *То:кё: Акасака-ку Аояма* (г. Токио, район Акасака, Аояма).
南町三丁目一番地 *Минами-мати сан тё:мэ ити банти* (Минами-мати, 3-й квартал, дом № 1).
積善社 *Сэкидзэнся* (общество «Сэкидзэн»)
新案特許第九四五三第 *син'ан току дайкуёнгосанго:* (согласно новому плану номер 9453).

Две таблички, восходящие к материалам Л. Я. Штернберга

В ноябре 1926 г. Лев Яковлевич Штернберг (1861–1927), один из ведущих советских этнографов, стоявший у истоков становления отечественной этнографии, посетил Японию, где участвовал в III Всетихоокеанском конгрессе в Токио, а затем имел возможность побывать в разных районах Японии и лично ознакомиться с разными аспектами культуры давно интересовавшей его страны. Из этой поездки ученый привез большую подборку предметов, которые передал в МАЭ и которые составили коллекции МАЭ № 3448 («Предметы быта и культа», 86 номеров, 122 единицы хранения; собиратель – Л.Я. Штернберг, регистратор А.Е. Глушкина, 1927 г.) и МАЭ № 4083 («Каменные орудия, керамика, кости животных, раковины», 109 номеров, 151 предмет)¹⁷.

Целый ряд предметов из коллекции МАЭ № 3448 экспонируется на постоянной экспозиции «Япония», в т. ч. и та самая поминальная табличка, что вызвала недоумение японских ученых. Вторая табличка из этой коллекции хранится в запасниках музея.

Форма деревянной основы обеих табличек, резной орнамент и лаковое покрытие (золотой лак с лицевой стороны, черный – с обратной) идентичны; отличаются только надписи. На той табличке, что находится на экспозиции (МАЭ № 3448-15/1) на лицевой стороне вырезана надпись из 6 иероглифов, заполненная черным лаком: 坪井博士之霊 Цубои хакасэ-но тама – «Душа доктора Цубои». На обратной стороне надписи нет.

На второй табличке (МАЭ № 3448-15/2) на лицевой стороне в такой же технике выполнена надпись: ラヅローフ博士之霊 Радзуро:фу хакасэ-но тама – «Душа доктора Радлова». На обратной стороне краской светло-охристого цвета по черному лаку написано: 西丁壺 阡九百十八年五月死亡 Сэйтэй итисэн кю:хяку дзю:хатинэн гогацу сибо: – «Господин с Запада скончался в мае 1918 года»¹⁸.

Эта надпись вызывает еще большее недоумение, т. к. Василий Васильевич Радлов (1837–1918), востоковед-тюрколог и этнограф, академик Императорской Академии наук, директор Азиатского музея с 1884 по 1890 г., директор МАЭ с 1894 по 1917 г., скончался в Петрограде, по вероисповеданию был лютеранином и похоронен в лютеранской части Смоленского кладбища.

Очевидно, что несмотря на традиционные формы и материалы этих двух табличек, надписи на них выполнены в противоречии с ритуальной практикой: отсутствует основной элемент – *каймё:*, буддийское посмертное имя покойного. Вот именно это обстоятельство и вызывало недоумение японских коллег.

Опись коллекции (МАЭ № 3448), составленная А.Е. Глушкиной в 1927 г., также не проливает свет на происхождение табличек. На с. 13 описи приводится краткое их описание:

«МАЭ № 3448-15/2. *Ihai* – 2 черные лакированные с позолотой таблицы, на которых обычно пишут имена умерших и которые хранятся в домашнем алтаре. Одна таблица – с именем академика В.В. Радлова. Другая – профессора японца *Tsuboi*, умершего в Ленинграде».

Таким образом, возникает целый ряд вопросов:

- Каким образом Л.Я. Штернберг приобрел эти таблички?
- Понимается ли под «профессором Цубои, умершим в Ленинграде» антрополог Цубои Сёгоро, и как он был связан с Л.Я. Штернбергом?
- Почему на табличке с фамилией Цубои вместо посмертного имени *каймё:* присутствует не соответствующая буддийской практике надпись?
- Каким образом японская буддийская поминальная табличка связана с академиком В.В. Радловым, и кто помог собирателю, не владевшему японским языком, сделать транскрипцию фамилии «Радлов» азбукой *катакана*?

¹⁷ О японских коллекциях Л.Я. Штернберга в собрании МАЭ РАН см.: [Кисляков 2012. с. 83–90].

¹⁸ Дата кончины указана не в соответствии с *нэнго*, а по григорианском календарю, хотя и японскими цифрами. Это противоречит традиции датировок на японских поминальных табличках.

Иллюстрация 2. Поминальные таблички из коллекции Л.Я. Штернберга (МАЭ № 3448-15/1, 2) с фамилиями Цубои Сёгоро (слева) и В.В. Радлова (справа), вид спереди и сзади (©МАЭ РАН)

Illustration 2. Mortuary tablets in the collection by L.Y. Sternberg (MAE № 3448-15/1, 2) with the family names of Tsuboi Shogoro (left) and V.V. Radlov (right), front and back views (©MAE RAS)

При этом можно утверждать, что идентичность формы, размеров и декоративного оформления табличек свидетельствует, что они были изготовлены одновременно в одной мастерской; отсутствие *каймё*: указывает, что они не использовались по прямому назначению в официальных буддийских похоронных ритуалах.

Цубои Сёгоро в Санкт-Петербурге

Можно со всей определенностью утверждать, что в городе на Неве за всю его историю скончался только один японский профессор по фамилии Цубои – Цубои Сёгоро (1863–1913), профессор Токийского императорского университета, почитаемый в Японии как первый японский физический антрополог, а также как этнограф и археолог, основатель Японского Антропологического общества (*Нихон дзинруй гаккай* 日本人類学会).

Известно, что Цубои Сёгоро в мае 1913 г. прибыл в Санкт-Петербург для участия в крупном международном научном форуме – «V Конференция Международной ассоциации академий»¹⁹, однако неожиданно для всех скоропостижно скончался 26 мая 1913 г. от приступа

¹⁹ Международная ассоциация академий (International Association of Academies) была учреждена в 1899 г. как координационный совет крупнейших академических организаций мира, включая Императорскую Санкт-Петербургскую академию наук, стоявшую у истоков Ассоциации, и Императорскую академию наук Японии (Тэйкоку гакусинин 帝国学士院), присоединившуюся к Ассоциации в 1906 г. Первый съезд (Конференция) Ассоциации имел место в 1901 г. в Париже. Всего было проведено пять съездов, в которых принимали участие самые известные ученые мира. Последний, пятый съезд, был проведен с большой помпезностью в Санкт-Петербурге под председательством Е.И.В. Великого князя Константина Константиновича. В связи с началом I Мировой войны Ассоциация прекратила своего существование. Подробнее о деятельности Ассоциации см.: [Горохов 2022, с. 5–27; Вернадский 2002, с. 17–22].

перфоративного аппендицита (перитонита). Похоронен в Токио, на кладбище Сомэй рэйэн (染井霊園), где находятся могилы ряда известных ученых, литераторов и политических деятелей, на фамильном участке, где также захоронены его супруга Наоко и его отец, Цубои Синрё (*Цубои Синрё*: 坪井信良, 1823–1904), известный врач-голландовед (*рангакуся*).

Изучение конкретных обстоятельств кончины Цубои Сёгоро не входит в задачу данной статьи, однако совершенно очевидно, что ни соответствующие буддийские заупокойные ритуалы, ни церемония кремации тела скончавшегося в Санкт-Петербурге японца в 1913 г. не могли быть осуществлены в виду полного отсутствия в городе соответствующих служб²⁰. Поэтому и поминальная табличка с его именем также не могла быть ни изготовлена, ни использована по прямому назначению в Санкт-Петербурге. Доставлять *ихай* из Японии после кончины ученого для проведения похоронного ритуала вдали от его родины также не было ни времени, ни смысла. Поэтому вполне очевидно, что табличка с фамилией Цубои из собрания МАЭ РАН не имеет прямого отношения к похоронам и поминальным ритуалам в его память. Тем не менее, сам факт ее наличия в коллекции Л.Я. Штернберга свидетельствует о несомненном интересе последнего к личности, научным взглядам и наследию японского ученого.

Действительно, и Л.Я. Штернберг, и Цубои Сёгоро к 1913 г. были признанными авторитетами мирового уровня в области «культурной антропологии» (в широком понимании этого термина) и научного айноведения, авторами новаторских концепций и основателями научных школ. Их научные интересы пересекались не только в теоретическом плане, но и в географическом аспекте: и Штернберг, и Цубои Сёгоро изучали населявшие о. Сахалин народности²¹, проводили на его территории археологические исследования; развивали теории о специфике культуры айнского этноса, истории его происхождения и становления. Оба ученых по крайней мере должны были знать о научных интересах друг друга, и при личной встрече им было бы что обсудить, обменяться мнениями, поdiskутировать на тему происхождения и религиозных верованиях японского и айнского этносов. Прямой контакт двух ведущих ученых в смежной области позволил бы обоим значительно расширить свой научный кругозор и наметить новые направления научных изысканий. Казалось бы, что их встреча в Санкт-Петербурге в мае 1913 г. «на полях» Конференции (Съезда) Международной Ассоциации Академий была предопределена. Однако, ввиду отсутствия документальных подтверждений их непосредственного личного контакта, приходится констатировать, что их встречи в Санкт-Петербурге в 1913 г. так и не произошло, в т.ч. ввиду внезапной кончины Цубои Сёгоро.

Тем не менее, Штернбергу все-таки удалось впоследствии, 13 лет спустя, весьма продуктивно пообщаться с коллегой Цубои Сёгоро, ведущим японским этнографом Янагита Кунио.

Л.Я. Штернберг и III Всетихоокеанский научный конгресс 1926 г.

В ноябре 1926 г. в Токио проходил III Всетихоокеанский научный конгресс, крупный международный научный форум, посвященный широкому спектру проблем Тихоокеанского региона. В нем участвовало около 600 ученых из 14 стран, включая СССР. Советская

²⁰ Первый крематорий был открыт в Ленинграде в 1927 г. В дореволюционной России погребальный обряд по японскому буддийскому ритуалу с последующей кремацией осуществлялся только во Владивостоке, где в 1886 г. японской диаспорой был открыт буддийский храм школы Ниси Хонгандзи и организована соответствующая похоронная служба. Поэтому логично предположить, что тело Цубои Сёгоро было доставлено в Японию, где и было кремировано и захоронено в полном соответствии с японской традицией.

²¹ Л.Я. Штернберг провел в ссылке на Сахалине восемь лет, с 1889 по 1897 г.; Цубои Сёгоро посетил Южный Сахалин (после русско-японской войны губернаторство Карафута) в 1907 г., где возглавлял археологический отряд Токийского государственного университета, проводившего раскопки стоянок в дер. Кайдзука и в устье р. Суся. О деятельности Цубои Сёгоро на Сахалине, его научных концепциях и вкладе в науку см.: [Прокофьев 2006, с. 23–26; Василевский 2008, с. 184–185; Щепкин, 2023, с. 749–751].

делегация, возглавляемая академиком В.Л. Комаровым, была представлена 10 учеными разных направлений, включая Л.Я. Штернберга,²² [Груздева 2021, с. 300–301], выступившего с докладом по «айнской проблеме» [Штернберг 1926, с. 330–331]. Ввиду столь значительного числа участников конгресса, собственно на доклады выделялось довольно мало времени – от 5 до 15 минут. Однако целью форума было не только заслушивание научных докладов, но и живое общение и обмен мнениями между учеными из разных стран, представлявших разные научные школы и направления, «в кулуарах» конгресса. Участники отмечали прекрасную организацию этого форума, несмотря на огромный ущерб, нанесенный Японии за три года до этого разрушительным землетрясением²³. В их честь был организован ряд приемов на самом высоком уровне и ознакомительная поездка по стране с посещением разных регионов и их значимых культурно-исторических центров (Токио, Хаккодате, Никко, Хаконэ, Миядзима, Киото, Нара, Осака, Кобэ, Симоносэки, Кагосима)²⁴.

Л.Я. Штернберг использовал пребывание в Японии как для целенаправленного сбора этнографических материалов для МАЭ, так и для общения с коллегами. В своей статье «Этнография на III Всетихоокеанском научном конгрессе в Токио в ноябре 1926 г.» он оставил следующие весьма примечательные комментарии: *«И я лично с чрезвычайной признательностью вспоминаю свои беседы с упомянутым профессором Янагида и русским японистом, давно живущим в стране, профессором Невским, специально занимающимися шаманством, первый в северной Японии, второй – кроме того еще на островах Лиу-Киу. Для меня сообщенное ими было настоящим откровением. В литературе, в том числе и японской, их материалы еще не опубликованы.*

Японцы более склонны к наукам точным, поэтому много занимаются физической антропологией и археологией; этнография пока в некотором пренебрежении. Из гуманитарных наук, правда, в большем почете история Японии, да еще буддизм, но народная религия мало кого интересует. А между тем, кто мог думать, что Япония – типичная страна шаманства, и притом совершенно своеобразного шаманства. Оно до настоящего дня настолько распространено, что правительство содержит целый ряд духовных семинарий, выпускающих квалифицированных шаманов (так называемых мико), третируемых в духе шинтоизма, который, несмотря на все старания правительства сублимировать его, недалеко ушел от шаманства. У одной из представительниц шаманства, молодой женщины, окончившей такую школу, я в Хакодате даже попробовал «лечиться» и, конечно, с большим успехом... для своего этнографического просвещения» [Штернберг 1926, с. 330–331].

Таким образом, Л. Я. Штернберг прямо отмечает:

– что он видит прямые параллели между традициями японского Синто и сибирским и дальневосточным шаманизмом;

– установил непосредственные контакты в Японии с Янагита Кунио и Н.А. Невским (1892–1937), что весьма способствовало как более глубокому «погружению» в этнографические реалии Страны восходящего солнца, так и успешному сбору материалов и предметов для коллекции. Кроме того, контакт с Янагита Кунио во многом определил успех научной командировки в Японию в 1928 г. А.Е. Глускиной, младшей коллеги

²² Естественные науки представляли В.Л. Комаров (ботаника), П.М. Никифоров (сейсмология), П.Ю. Шмидт (зоология), Л.С. Берг (география, ихтиология), Б.П. Пентегов (химия), П.И. Полевой, Э.Э. Анерт (геология); гуманитарные – Л.Я. Штернберг (этнография), Е.М. Чепурковский (антропология), В.Д. Виленский-Сибиряков (история).

²³ Имеется в виду Великое землетрясение в Канто (*Канто: дайсинсай 關東大震災*), случившееся 1 сентября 1923 г.

²⁴ Отзывы участников советской делегации на Конгрессе см.: [Берг 1927, с. 386–392; Пентегов 1927, с. 382–386].

Л.Я. Штернберга по МАЭ²⁵. Что касается Н.А. Невского, блестяще проявившего себя также и в области японской и айнской этнографии и мифологии, с ним Штернберг завязал переписку и научный обмен. Именно Н.А. Невский выступил в роли «проводника» для Л.Я. Штернберга в реалии японской этнографии, в т. ч. обратил внимание на рудименты японского шаманизма²⁶, сохранившегося в Синто, а также обеспечивал знакомство с японскими этнографами, тем же Янагита Кунио, и их трудами²⁷.

Наличие в собранной Штернбергом коллекции таблички *ихай* с фамилией Цубои позволяет сделать вывод, что во время упомянутых бесед с Янагита и Невским речь заходила о Цубои Сёгоро и о его кончине в 1913 г., и о здравствующем тогда профессоре А.И. Иванове (чьим прямым учеником был Н.А. Невский), а также о скончавшемся в 1918 г. В.В. Радлове.

Действительно, Штернберга с В.В. Радловым связывали долгие годы научного сотрудничества и совместной работы в стенах музея. Именно благодаря покровительству Радлова бывший народоволец, политзаключенный и ссыльный получил возможность реализовать свой научный потенциал на штатной должности в официальном учреждении Императорской академии наук²⁸.

Исходя из научных интересов самого Штернберга, можно предположить, что он в принципе рассматривал *ихай* как наглядный образец присутствия в буддийских похоронных практиках элементов синтоизма и шаманизма, в т.ч. пережитков культа предков (манизма), анимизма (присутствия «души» в материальных объектах) и метемпсихоза («переселения» души из одного объекта в другой) и хотел приобрести образцы для МАЭ. Однако у него не было возможности (в отличие от А.И. Иванова) приобрести таблички, уже использовавшиеся в ритуале; поэтому, увидев в соответствующей мастерской «пустые» таблички (без *каймё*:), заказал выполнить на них надписи в память Цубои и Радлова, чтобы таким своеобразным способом отдать дань уважения памяти обоих ученых²⁹.

И, как представляется, именно Н.А. Невский мог предложить текст надписей на обеих табличках, транскрибировал азбукой *катакана* фамилию «Радлов», а также помог выбрать мастерскую и сделать заказ. Не владеющему японским языком Штернбергу без помощи Невского было бы крайне сложно справиться с этой задачей, в т.ч. адекватно объяснить японским мастерам – изготовителям табличек свой замысел³⁰.

Как представляется, Штернберг не считал уместным объяснять коллегам по музею обстоятельства приобретения этих табличек, и потому составлявшая опись этой коллекции А.Е. Глускина (вероятно, испытывая определенное замешательство в виду очевидного противоречия между традиционностью самих *ихай* и необычностью нанесенных на них надписей) ограничилась лишь самым лапидарным комментарием³¹.

²⁵ О собранных А.Е. Глускиной японских коллекциях для МАЭ см.: [Синицын 2022, с. 63–73].

²⁶ О взглядах Янагита Кунио и Н.А. Невского на японский шаманизм более подробно см.: [Янагита 2023, с. 14–93; Невский 2023, с. 119–133].

²⁷ О контактах и переписке Л.Я. Штернберга и Н.А. Невского см.: [Решетов 1996, с. 366–384]. О философско-этнологических концепциях Янагита Кунио и его пути становления как ученого см. [Мещеряков 2017, с. 223–245; Мещеряков 2020, 352 с.].

²⁸ О покровительстве В.В. Радлова при устройстве Л.Я. Штернберга на официальную службу в МАЭ см.: [Михайлова 2012, с. 9–21].

²⁹ Не последнюю роль в возникновении замысла изготовления этих табличек должно было сыграть также весьма специфическим чувством юмора, которым обладал Л.Я. Штернберг и которое отмечали многие его коллеги. Об этом см.: [Березницкий 2012, с. 324–332].

³⁰ Можно предположить, что даже самому Н.А. Невскому, несмотря на великолепное владение японским языком, было весьма непросто объяснить смысл такого экстравагантного заказа японским мастерам.

³¹ Многие описи, составленные А.Е. Глускиной, содержат гораздо более развернутые и подробные описания коллекционных предметов, нередко с изложением обстоятельств их приобретения.

Выводы:

– Кремация останков Цубои Сёгоро, скончавшегося 26 мая 1913 г., как и похоронные ритуалы по японскому буддийскому церемониалу, не могли быть осуществлены в Санкт-Петербурге ввиду отсутствия в городе соответствующих возможностей.

– Поминальная табличка с фамилией Цубои была выполнена значительно позже, причем в противоречии с традицией, поэтому не могла использоваться в ритуале.

– Л.Я. Штернберг преднамеренно заказал похоронные таблички с фамилиями Цубои и Радлова в Токио, что подчеркивает, с одной стороны, его интерес к японским погребальным культам, в которых он видел пережитки архаичного шаманизма, с другой стороны, его глубокое уважение к личностям японского антрополога Цубои Сёгоро, с которым так и не смог наладить контакт при его жизни, и В.В. Радлова, который был его прямым руководителем в течении долгих лет совместной работы в МАЭ.

– Обе таблички, как с фамилией Цубои, так и с фамилией Радлова, можно рассматривать как специфический «этнографический курьёз», преднамеренно созданный Л.Я. Штернбергом, предположительно при участии Н.А. Невского и Янагита Кунио.

– Все три японские поминальные таблички из собрания МАЭ РАН отражают специфику научных контактов таких выдающихся ученых России и Японии первой четверти XX в., как Цубои Сёгоро, Янагита Кунио, А.И. Иванова, Н.А. Невского и Л.Я. Штернберга, и потому являются значимыми мемориальными артефактами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Берг Л.С.* Впечатления от Японии. *Природа*. 1927. № 5. С. 386–392.
- Березницкий С.В.* Юмор в жизни и творчестве Л.Я. Штернберга // *Лев Штернберг – гражданин, ученый, педагог. К 150-летию со дня рождения*. Санкт-Петербург: МАЭ РАН. 2012. С. 324–332.
- Василевский А.А.* История Сахалина и Курильских о-в с древнейших времен до начала XXI столетия. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство. 2008.
- Вернадский В.И.* Международная ассоциация академий. *Вернадский В.И. О науке. Т. II. Научная деятельность. Научное образование*. Санкт-Петербург: Изд-во РХГИ. 2002. С. 17–22.
- Гловацкий Г.А.* Новая экспозиция «Культура и быт населения Японии» в МАЭ // *Советская этнография*. 1970. № 3. С. 175–182.
- Горохов А., Виторович З., Макоева Д.* Истоки научной дипломатии: Международная ассоциация академий, Пагуошские и Дартмутские конференции. *Русская политология – Russian Political Science*. 2022. № 1 (22). С. 5–27
- Груздева Е.Н.* Неформальный дневник III Тихоокеанского научного конгресса или прием на высшем уровне по-японски. *Архивный поиск. Сборник научных статей и публикаций. Выпуск 4*. Москва: Архив РАН. 2021. С. 297–320.
- Кисляков В.Н.* Японские коллекции Л.Я. Штернберга, хранящиеся в МАЭ РАН // *Лев Штернберг – гражданин, ученый, педагог. К 150-летию со дня рождения*. Санкт-Петербург: МАЭ РАН. 2012. С. 83–90.
- Мещеряков А.Н.* Остаться японцем: Янагита Кунио и его команда. Этнология как форма существования японского народа. Москва: «Лингвистика». 2020.
- Мещеряков А.Н.* Этнолог Янагита Кунио: долгий путь к признанию // *Ежегодник Японии*. 2017. Т. 47. С. 223–245.
- Михайлова Е.А.* Л.Я. Штернберг в Музее антропологии и этнографии АН: успехи и разочарования // *Лев Штернберг – гражданин, ученый, педагог. К 150-летию со дня рождения*. СПб.: МАЭ РАН. 2012. С. 9–21.

- Невский Н.А. Краткий отчет о занятиях в Японии. *Янагита Кунио. Японский шаманизм (фудзё ко) / пер. с яп. Н.А. Невского*. Москва: «Альма Матер». 2023. С. 119–133.
- Пентегов Б.П. Третий Тихоокеанский конгресс в Токио в 1926 г. // *Природа*. 1927. №. 5. С. 382–386.
- Прокофьев М.М. Японские ученые – исследователи Южного Сахалина и Курильских островов (конец XIX – первая половина XX вв.). Библиографические очерки. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство. 2006.
- Решетов А.М. Н.А. Невский как этнограф. К столетию со дня рождения ученого. *На стеклах вечности... Николай Невский. Переводы, исследования, материалы к биографии*. Петербургское Востоковедение. Выпуск 8. 1996. С. 366–384.
- Рыбин В.В. Кафедре японской филологии 110 лет. *Вопросы японоведения № 2*. Санкт-Петербург. 2008. С. 3–95.
- Синицын А.Ю. Японские коллекции А.Е. Глускиной в собрании Музея антропологии и этнографии. *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2022. Т. 21. № 10: Востоковедение. С. 63–73.
- Штернберг Л.Я. Этнография на III Тихоокеанском научном конгрессе в Токио в ноябре 1926 г. *Этнография*. 1927. № 2. С. 330.
- Щепкин В. В. Цубои Сёгоро и идеи об общем происхождении японцев и айнов. *XXII Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Россия и Восток. К 300-летию Санкт-Петербурга. Материалы конгресса / под ред.: Н.Н. Дьякова, А.О. Победоносцевой-Кая, П. И. Рысаковой*. Санкт-Петербург: Изд-во РХГА. 2023. С. 749–751.
- Янагита Кунио. Японский шаманизм (фудзё ко) / пер. с яп. Н.А. Невского*. Москва: «Альма Матер». 2023.

REFERENCES

- Bereznitskiy, S. (2012). Yumor v zhizni i tvorchestve L.Ya. Sternberga [Humor in the Life and Creative Heritage of L.Ya. Sternberg]. In: *Lev Sternberg – grazhdanin, uchenyi, pedagog* [Lev Sternberg – Citizen, Researcher, Educator] (pp. 324–332). Saint Petersburg: MAE RAS. (In Russian).
- Berg, L.S. (1927). Vпечатleniya ot Yaponii [Impressions After Visiting Japan]. *Priroda*, 5, 386–392. (In Russian).
- Glovatskiy, G.A. (1970). Novaya expozitsiya “Kul’tura i byt naseleniya Yaponii” v MAE [A New Exposition “Culture an Everyday Life of the Japanese” in the MAE]. *Sovetskaya Etnografiya*, 3, 175–182. (In Russian).
- Gorokhov, A., Vitorovich, Z., Eleeva, D. (2022). Istoki nauchnoi diplomatii: Mezhdunarodnaya assotsiatsiya akademii, Paguoshskie i Dartmutskie konferentsii [Origins of Scientific Diplomacy: International Association of Academies, Pugwash and Dartmouth Conferences]. *Russkaya Politologiya* [Russian Political Science], 1 (22). (In Russian).
- Gruzdeva, E. (2021). Neformal’nyi dnevnik III Tikhookeanskogo nauchnogo kongressa ili priem na vysshem urovne po-yaponski [The Informal Diary of the Third Pan-Pacific Scientific Congress, or Japanese-Style Reception at the Top Level] (pp. 297–320). In: *Arkhivnyi poisk. Sbornik nauchnykh statei i publikatsii* [The Archive Research. Collection of Articles and Publications]. Moscow: Archive RAG. (In Russian).
- Kislyakov, V. Yaponskaya kolleksiya L.Ya. Sternberga, khanyashchayasya v MAE RAN [Japanese Collection by L.Ya Sternberg in the MAE RAS]. In: *Lev Sternberg – grazhdanin, uchenyi, pedagog* [Lev Sternberg – Citizen, Researcher, Educator] (pp. 83–90). Saint Petersburg: MAE RAS. (In Russian).
- Meshcheryakov, A.N. (2017). *Etnolog Yanagita Kunio: dolgii put’ k priznaniyu* [Ethnologist Yanagita Kunio: A Long Way to Recognition]. *Yearbook Japan*, 46, 223–245. (In Russian).
- Meshcheryakov, A.N. (2020). *Ostat’sya yaponsem: Yanagita Kunio i ego komanda. Etnologiya kak forma sushchestvovaniya yaponskogo naroda* [Staying Japanese: Yanagita Kunio and His Team. Ethnology as a Form of the Existence of the Japanese People]. Moscow: Lingvistika. (In Russian).

- Mikhailova, E.A. (2012). L.Ya. Sternberg v Muzee antropologii i etnografii AN: uspekhi i razocharovaniya [L. Ya. Sternberg in the Museum of Anthropology and Ethnography: Achievements and Disappointments]. In: *Lev Sternberg – grazhdanin, uchenyi, pedagog* [Lev Sternberg – Citizen, Researcher, Educator] (pp. 9–21). Saint Petersburg: MAE RAS. (In Russian).
- Nevskiy, N.A. (2023). Kratkii otchet o zanyatiyakh v Yaponii [A Short Report About Studies in Japan]. In Yanagita Kunio. *Yaponskiy shamanism (fujo ko). Perevod s yaponskogo N.A. Nevskogo* [Japanese Shamanism (Fujo-ko). Translated from Japanese by N.A. Nevskiy] (p. 119–133). Moscow: Alma Mater. (In Russian).
- Pentegov, B.P. (1927). Tretii Tikhookeanskii congress v Tokio [The Third Pan-Pacific Congress in Tokyo]. *Priroda*, 5, 382–386. (In Russian).
- Prokofyev, M.M. (2006). *Yaponskie uchenye – issledovateli Yuzhnogo Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov (konets XIX – pervaya polovina XX vv.). Bibliograficheskiye ocherki.* [Japanese Researchers – the Explorers of Southern Sakhalin and the Kuril Islands (late 19th – early 20th cc.). A Bibliographical Essay]. Yuzhnosakhalinsk: Sakhalin Book Publishing. (In Russian).
- Reshetov, A. (1996). N.A. Nevskiy kak etnograf. K stoletiyu so dnya rozhdeniya. [N.A. Nevskiy as an Ethnographer. On the Centenary of his Birth]. In: *Nickolay Nevskiy. Perevody, issledovaniya, biograficheskie materialy* [Nickolay Nevskiy. Translations, Research Essays, Biographic Materials]. Peterburgskoye Vostokovedenie, Issue 8 (pp. 366–384). (In Russian).
- Rybin, V.V. (2008). Kafedre yaponskoi filologii 110 let. [110 Years of the Department of Japanese Philology]. *Issues of Japanology*, 2, 3–95. (In Russian).
- Shchepkin, V. (2023) Tsuboi Shogoro i ideii ob obshchem proiskhozhdenii yapontsev i ainov [Tsuboi Shogoro and His Ideas About Common Origins of the Japanese and the Ainu]. In N. Dyakov et al (ed.), *XXXII International Congress on Source Studies and Historiography of Asia and Africa: Russia and the East. Commemorating 300th anniversary of Saint-Petersburg State University. Proceedings* (pp. 749–751). Saint Petersburg: RCAH Publishing House. (In Russian).
- Sinitsyn, A. (2022). Yaponskiye kolleksii A.E. Gluskinoi v sobranii Muzeya antropologii i etnografii. [Japanese Collections by Anna E. Gluskina in the Museum of Anthropology and Ethnography]. *Vestnik NGU. Series: History and Philology, Oriental Studies*, 21 (10), 63–73. (In Russian).
- Sternberg, L. (1927). Etnografiya na III Tikhookeanskom nauchnom kongresse v Tokio v noyabre 1926 g. [Ethnography at the III Pan-Pacific Scientific Congress in November 1926]. *Etnografiya*, 1927, 2, 327–336. (In Russian).
- Vasilevskiy, A.A. (2008). *Istoriya Sakhalina i Kuril'skikh o-v s drevneyshikh vremen do nachala XXI stoletiya* [History of Sakhalin and the Kuril Islands since the Ancient Times Until the Early 21st c.]. Yuzhno-Sakhalinsk: The Sakhalin Book Publishing House. (In Russian).
- Vernadskiy, V.I. (2002). Mezhdunarodnaya assotsiatsiya akademii [International Association of Academies]. In Vernadskiy, V.I. *O nauke. Nauchnaya deyatel'nost'. Nauchnoe obrazovanie.* [About Science. Scientific Activities. Scientific Education] (pp. 17–22). Saint Petersburg: RHGI Publishing. (In Russian).
- Yanagita, Kunio (2023). *Yaponskii shamanism (fujo ko). Perevod s yaponskogo N.A. Nevskogo* [Japanese Shamanism (Fujo-ko). Translated from Japanese by N.A. Nevskiy] (pp.14–93). Moscow: Alma Mater. (In Russian).

* * *

Irizarry, J.A. (2014). Signs of Life: Grounding the Transcendent in Japanese Memorial Objects. *Signs and Society*, 2 (S1), 160–186.

Поступила в редакцию: 16.01.2024

Received: 16 January 2024

Принята к публикации: 23.04.2024

Accepted: 23 April 2024

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-70-82

Археологическое направление в отечественной японистике: развитие, особенности, личный опыт

А.В. Табарев

Аннотация. Археологическая составляющая в отечественном японоведении зарождается в конце XIX в. на основе первых поездок и знакомства с древностями Японии (М.И. Венюков, А.В. Григорьев, И.С. Поляков, Д.М. Позднеев) и оформляется в самостоятельное направление уже в рамках советского периода. Плодотворный диалог российских и японских археологов во многом обусловлен как территориальным соседством и общими корнями древних культур, начиная с эпохи камня, так и взаимным интересом к археологии тихоокеанского бассейна в целом. Одну из лидирующих ролей в этом сотрудничестве с начала 1960-х гг. начинает играть Новосибирский научный центр (Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, гуманитарный факультет НГУ) в лице таких специалистов как А.П. Окладников, А.П. Деревянко, Р.С. Васильевский и В.Е. Ларичев. В первое постсоветское десятилетие происходит переход к новым форматам – многолетним совместным проектам и археологическим экспедициям, которые осуществляются на базе двусторонних соглашений между научными организациями Японии и российскими институтами (университетами, музеями) из целого ряда городов Сибири и Дальнего Востока. Сотрудничество достигает своего пика в 2007/8–2019 гг., пользуется поддержкой отечественных (РГНФ, РФФИ, РФФ) и японских научных фондов, реализуется в самых разных форматах (проекты, обмены, стажировки, симпозиумы, выставки, публикации и т.д.), и на самых разных географических площадках, как на территории России и Японии, так и третьих стран – в Центральной Азии (Монголия), и Южной Америки (Эквадор). Один из ярких примеров такого взаимодействия – плодотворное сотрудничество сектора зарубежной археологии (Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск) и Лаборатории археологии (Университет Тохоку, г. Сендай), результатами которого является большое количество публикаций в ведущих научных журналах и несколько диссертационных исследований по периодам дзёмон и кофун.

Ключевые слова: археология, Японский архипелаг, коллекции, экспедиции, проекты, сотрудничество.

Автор: Табарев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором зарубежной археологии Института археологии и этнографии СО РАН (адрес: 630090, Новосибирск, пр-т Лаврентьева, 17). ORCID: 0000-0002-6249-8057; E-mail: olmes@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Табарев А.В. Археологическое направление в отечественной японистике: Развитие, особенности, личный опыт // Японские исследования. 2024. № 2. С. 70–82. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-70-82

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00003).

The archaeological direction in Japanese studies in Russia: Development, peculiarities, personal experience

A.V. Tabarev

Abstract. The archaeological direction in the Japanese studies in Russia originated at the end of the 19th century on the basis of the first trips and acquaintance with the antiquities of Japan (M.I. Venyukov, A.V. Grigoriev, I.S. Polyakov, D.M. Pozdneev), and transformed into an original direction in the Soviet period. The fruitful dialogue between Russian and Japanese archaeologists is largely due to both the territorial proximity and common roots of ancient cultures, starting from the Stone Age, as well as mutual interest in the archaeology of the Pacific basin as a whole. Since the early 1960s, one of the leading roles in this collaboration is played by the Novosibirsk Scientific Center (Institute of History, Philology and Philosophy, Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, Faculty of Humanities of NSU) and such specialists as A.P. Okladnikov, A.P. Derevyanko, R.S. Vasilevsky, and V.E. Larichev. In the first post-Soviet decade, there was a transition to new formats – long-term joint projects and archaeological expeditions, which are carried out on the basis of bilateral agreements between research organizations in Japan and Russian institutes (universities, museums) from a number of cities in Siberia and the Russian Far East. Cooperation reached its peak in 2007/8–2019, enjoying the support of Russian (RSFH, RFBR, RSF) and Japanese scientific foundations, and was implemented in a variety of formats (projects, exchanges, internships, symposiums, exhibitions, publications, etc.) and in a variety of geographical areas, both in Russia and Japan, as well as third countries – in Central Asia (Mongolia) and South America (Ecuador). One of the striking examples of such interaction is the fruitful cooperation of the Division of Foreign Archaeology (Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk) and the Laboratory of Archaeology (Tohoku University, Sendai), resulting in a large number of publications in leading scientific journals and several dissertation studies on the Jomon and Kofun periods.

Keywords: archaeology, Japanese Archipelago, collections, expeditions, projects, collaboration.

Author: *Tabarev Andrei V.*, Doctor of Sciences (History), Docent, Leading Research Fellow, Head of the Division of Foreign Archaeology, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (address: 630090, Novosibirsk, Lavrentieva Ave., 17). ORCID: 0000-0002-6249-8057; E-mail: olmec@yandex.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Tabarev, A.V. (2024). Arkheologicheskoe napravlenie v otechestvennoi yaponistike: razvitie, osobennosti, lichnyi opyt [The archaeological direction in Japanese studies in Russia: Development, peculiarities, personal experience]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 2, 70–82. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-70-82

Acknowledgements. The research was supported by Russian Science Foundation (project No. 24-28-00003).

Введение

В обширной литературе, посвященной самым разным аспектам истории, развития, персоналиям и научным центрам отечественного японоведения [Стрельцов 2015; Филиппов 2021] и др., до сих пор нет отдельной работы, в которой рассматривалось бы такое направление, как «археологическая японистика» и, в первую очередь, опыт практического сотрудничества специалистов двух стран в формате совместных проектов и экспедиций, который насчитывает уже не одно десятилетие.

Непосредственное знакомство с археологическими материалами и посещение памятников на территории Японии начинается с поездок и публикаций М.И. Венюкова (1869 г.), А.В. Григорьева (1879 г.), И.С. Полякова (1882–1883 гг.) и Д.М. Позднеева (1907–1910 гг.) [Табарев, Иванова 2020]. В советский период происходит постепенная активизация контактов и их видов (поездки, конференции, стажировки, обмен выставками и др.), в 1990-х – начале 2000-х гг. организуются и реализуются первые многолетние проекты совместных раскопок, возникают партнерские отношения между отдельными вузами и научными центрами, и, наконец, наиболее плодотворный период приходится на 2007/08 – 2019 гг. – в это время сотрудничество российских и японских археологов не ограничивается территориями только двух стран, речь идет о реализации интересов к изучению древних культур крупных регионов: Северо-Восточной Азии и тихоокеанского бассейна.

Материала по этим сюжетам хватит на солидную монографию, поэтому целью настоящей статьи является лишь общий обзор развития сотрудничества российских и японских археологов в рамках трех периодов с акцентом на опыт новосибирского научного центра (Института археологии и этнографии СО РАН). Кроме того, у автора есть и достаточно богатый личный опыт – 30 лет назад (1994 г.) он впервые побывал на раскопках в Японии и за прошедшее время принимал участие в самых разных проектах при поддержке российских (РГНФ, РФФИ, РНФ) и японских научных фондов.

В качестве источников привлекается литература на русском и иностранных языках, периодика, информация из СМИ, а также личных архивов автора и других участников совместных с японскими коллегами проектов. Статья подготовлена в рамках работы по гранту РНФ «История тихоокеанской археологии» и приурочена к 300-летию юбилею Российской Академии наук.

Советский период (до 1990 г.): Обзорные публикации и налаживание контактов

В числе наиболее ранних и значимых эпизодов этого периода – участие этнографа Л.Я. Штернберга в работе III Тихоокеанского научного конгресса, состоявшегося 30 октября – 11 ноября 1926 г. в Токио. Его доклад был посвящен айнской проблеме и сходству в орнаментике у народов Восточной Азии и Америки [Штернберг 1929]¹.

В 1930-х – 1940-х гг. среди отечественных археологов наибольший интерес к древним культурам Японии проявляет А.П. Окладников, работавший тогда в Ленинграде. Он ссылается на сходства в материалах двух соседних территорий уже после своей экспедиции по Нижнему Амуру в 1935 г., развивает эти идеи в специальном докладе об амурской неолитической культуре на «Совещании по этногенезу народов Севера» в 1940 г., собирает большую подборку зарубежной литературы (более 100 наименований), на основе которой в 1946 г. публикует в журнале «Советская этнография» обзор «К вопросу о древнейшем населении Японских островов и его культуре» [Окладников 1946]. Эта статья имеет рубежный характер, определивший направление дальнейших исследований российских специалистов.

Существенное повышение интереса к археологии соседних стран отмечается с началом работ Дальневосточной археологической экспедиции² под руководством А.П. Окладникова.

¹ Выступление состоялось 3 ноября на секции антропологии и этнологии. Судя по программе, на секции были представлены доклады и по японской археологии, в частности, об изделиях из бронзы (К. Такахаси). Примечательна также и информация, содержащаяся в кратком отчете о проведении конгресса в журнале *Nature* – до и после форума у участников была обширная экскурсионная программа с посещением музеев и исторических достопримечательностей Японии от Хоккайдо до Кюсю [J.P., p.178].

² Образована 18 июня 1953 г. на базе Ленинградского отделения Института Истории Материальной Культуры СССР.

В 1953 г. аспирант А.П. Окладникова М.В. Воробьев защищает кандидатскую диссертацию на тему «Каменный век стран Японского моря», а уже в 1958 г. публикует фундаментальную монографию «Древняя Япония. Историко-археологический очерк» [Воробьев 1953; Воробьев 1958].

Годом ранее в журнале «Советская археология» была в сокращенном варианте помещена статья профессора Токийского университета Эгами Номиио «Прошлое и настоящее японской археологии» [Эгами 1957], в которой рассматривались все основные достижения этой науки в Японии и современная проблематика – от палеолита до средневековья.

В том же, 1957 г., состоялась и первая поездка А.П. Окладникова в Японию на Международный симпозиум об исторических и культурных связях между странами Востока и Запада (под эгидой ЮНЕСКО). Позднее он писал: «За три недели пребывания в стране островов мы ознакомились с ее культурными ценностями, в частности с памятниками древней культуры. В Токийском университете нам показали богатейшую выставку археологических коллекций...» [Окладников 1958, с.217]³.

В 1958 г. А.П. Окладников в соавторстве с молодым востоковедом В.Н. Гореглядом публикует еще одну знаковую статью – «Новые данные о древнейшей культуре каменного века на севере Японии» – в которой анализирует новые материалы по палеолиту Японии (в первую очередь, сведения по памятнику Ивадзюку на Хонсю) [Окладников, Горегляд 1958].

Переезд А.П. Окладникова в Новосибирск в начале 1960-х гг. и появление в структуре Сибирского отделения АН СССР специализированного гуманитарного подразделения знаменуют новый этап в развитии археологической японистики и новые формы контактов, включая встречи и дискуссии на представительных научных форумах.

Так, в 1968 г. делегация сибирских археологов во главе с А.П. Окладниковым принимает участие в работе VIII Международного конгресса антропологических и этнографических наук в Токио и Киото, а в 1973 г. ученик А.П. Окладникова Р.С. Васильевский на IX Конгрессе антропологических и этнографических наук в Чикаго знакомится с японским археологом Ёсидзаки Масакадзу, который проявляет самый живой интерес к результатам работ советских коллег в Приморье и на Сахалине и активно приглашает приехать на раскопки в Японию.

В целом с 1970-х гг. ведущую роль в развитии археологической японистики начинают играть именно ученики А.П. Окладникова – так, В.Е. Ларичев⁴ публикует очередной тематический обзор новой информации в виде статьи «Палеолит и мезолит Японии» [Ларичев 1970], а А.П. Деревянко посвящает целую главу материалам Японского архипелага в учебном пособии «Каменный век Северной, Восточной и Центральной Азии» [Деревянко 1975].

Поездка Р.С. Васильевского состоялась в августе-сентябре 1977 г. и была полностью организована и оплачена Институтом изучения северных культур Евразии Хоккайдского университета (г. Саппоро) при поддержке Японского комитета содействия науке. Программа 30-дневного визита включала экскурсии по музеям и научным центрам на Хонсю и Хоккайдо, работу с коллекциями, осмотр памятников, участие в раскопках, серию симпозиумов по проблемам археологии Дальнего Востока и Тихоокеанского Севера, а также лекции для японских коллег и интервью. Японские средства массовой информации широко освещали поездку, называя ее «первым японо-советским археологическим исследованием»⁵.

³ К сожалению, подробного отчета об этой, безусловно, уникальной поездке на момент написания статьи у нас нет, как нет и сведений о контактах с японскими коллегами, которые непременно появились в результате трехнедельного путешествия. Есть лишь заметка А.П. Окладникова в журнале «Нева» без каких-либо фотографий археологических материалов.

⁴ С 1966 по 2006 г. В.Е. Ларичев возглавлял сектор истории и археологии стран зарубежного Востока в ИИФиФ СО АН СССР (с 1990 г. – Институте археологии и этнографии СО РАН).

⁵ Отметим, что ранее, в 1960 г., по приглашению между Токийским университетом и Институтом этнографии (г. Москва) в Японии почти два месяца провел этнограф С.А. Арутюнов. Ему удалось посетить многие

В интервью газете «Хоккайдо Симбун» один из организаторов поездки подчеркивал: «... нынешние японо-советские исследования являются отправным пунктом дальнейшего развития научных контактов, которые должны приобрести постоянную форму...» [Васильевский 1981, с. 168–169].

О результатах научной командировки в Японию Р.С. Васильевский докладывал на заседании Ученого совета ИИФиФ СО АН СССР⁶ в ноябре 1977 г., опубликовал несколько статей, научно-популярную книгу «По следам древних культур Хоккайдо» и коллективную монографию «Культуры каменного века Северной Японии» [Васильевский, Лавров, Чан Су Бу 1982], которая стала фактически первой, после более чем двадцатилетнего периода, обобщающей работой по археологии Японии.

Помимо научного значения поездка 1977 г. придала новый импульс расширению сотрудничества сибирских и японских археологов. Это в полной мере проявилось на площадке XIV Тихоокеанского конгресса в Хабаровске (20 августа – 1 сентября 1979 г.). Большую группу японских специалистов возглавлял один из лидеров японской археологии Сэридзава Тёсуке (Университет Тохоку). После конгресса А.П. Окладников пригласил японских коллег в Новосибирск, чтобы показать коллекции и продолжить диалог, наметить конкретные планы, обмен визитами.

Начинают развиваться новые формы сотрудничества – например, в 1982 г. А.П. Деревянко по приглашению Национального этнологического музея (г. Осака) знакомится с коллекциями и памятниками каменного века на Хонсю и Хоккайдо, в 1984 и 1986 г. группы японских археологов принимают участие в раскопках памятников палеолита и бронзового века на Алтае и в Прибайкалье, а в 1987 г. делегация из шести советских археологов по приглашению Университета Цукуба посетила Японию с обширной научной программой – полевые работы на стоянках палеолита, изучение коллекций археологических материалов (от эпохи камня до периода кофун) в гг. Саппоро, Сэндай, Токио, Осака, Нара, Киото, Фукуока и др. [Лавров 1988].

Большой интерес вызвала в Японии выставка «Культура Сибири» (более 700 археологических и этнографических экспонатов)⁷, которая была организована ИИФиФ СО АН СССР и работала с августа 1987 по май 1988 г. в гг. Токио, Осака, Сендае и Саппоро [Медведев 1988].

После почти тридцатилетнего перерыва появляются новые диссертационные исследования, основанные на анализе археологических материалов и публикаций [Лавров 1984; Чан Су Бу 1977], а также обобщающие монографические исследования, например, «Палеолит Японии» [Деревянко 1984].

Особенностями советского периода являются незначительное число поездок, отсутствие долговременных соглашений и проектов, доступ к ограниченной выборке (выставки) артефактов и объектов. Возможность работать с массовыми коллекциями и участвовать в раскопках в Японии появляется лишь с конца 1970-х гг., публикации отечественных специалистов носят обзорный характер и основаны на японской и англоязычной литературе⁸, при этом большинство археологов японским не владеют, пользуются услугами переводчиков или профессиональных

университеты и научные центры (Саппоро, Токио, Сендай, Киото, Осака, Нара), встречаться с коллегами, работать с этнографическими и археологическими коллекциями [Арутюнов 1961]. Опубликованные по результатам поездки статьи и книги во многом сформировали религиозно-этнографическое направление в отечественном японоведении.

⁶ Институт истории, философии и филологии Сибирского отделения АН СССР с 1990 г. разделен на четыре института, включая Институт археологии и этнографии СО РАН.

⁷ Выставку посетило более 2,5 млн человек.

⁸ Наблюдается также интересный эффект использования японской археологической терминологии (особенно по эпохе палеолита) – специалисты начинают искать в сибирских и дальневосточных коллекциях нуклеусы «юбецу», резцы «арайя», ножи «киридаси» и т.д.

востоковедов, но, несмотря на это, археологическая японистика оформляется как полноценное направление. При этом научная проблематика сотрудничества и для отечественных, и для японских археологов является частью более широкого, тихоокеанского, контекста.

1990–2007 гг.: первые экспедиционные проекты

Второй период – сложное и противоречивое время в истории отечественной археологии и археологической японистики в частности. С одной стороны, рухнувшие планы и ожидания, с другой – более широкие и разнообразные возможности для международных контактов и поиска зарубежных партнеров для ведения археологических исследований, в том числе и в совершенно новом формате – многолетних совместных проектов. Тем более, что опыт организации проектов за пределами архипелага у японской стороны уже имелся.

Масштаб, финансовая составляющая и круг участников этих проектов были разными, у каждого своя предыстория, история, результаты и разная степень документированности. В отличие от советского периода, когда все зарубежные поездки и конференции своевременно и подробно освещались в научной хронике, в 1990-е гг. наблюдается существенная фрагментация и неполнота сведений, многое остается на уровне журналистских репортажей или уходит в набирающий популярность Интернет. Отсюда и невозможность детально проанализировать все проекты, поэтому отметим, в первую очередь, их тематическое разнообразие.

В 1990 г. Институт археологии и этнографии СО РАН возобновил исследование уникальной группы курганов эпохи раннего железа с мерзлотой на плато Укок в Горно-Алтайской республике. Уже первые раскопки (курган Ак-Алаха) дали удивительный по богатству и сохранности органический материал, который требовал современных методов консервации и реставрации. Во время визита М.С. Горбачева в Японию в 1991 г. среди прочих документов был подписан и меморандум о двустороннем сотрудничестве в области культурного наследия, на его основе по инициативе японской стороны был организован совместный проект «Пазырык» [Дервянко, Молодин 1992].

В течение пяти лет (1991–1995 гг.) был проведен большой объем работ, связанных с археологическими исследованиями, реставрацией материалов, а также их музеефикации. Японская сторона предоставила оборудование для реставрации изделий из органических материалов и металлов (на сумму 100 млн иен), подключила к работам более 70 специалистов из ряда университетов и научных центров, привлекла информационные агентства (Киодо Цусин) и телевидение (NHK), а также коммерческие компании⁹.

Со второй половины 1980-х гг. в японской археологии начинается настоящий «палеолитический бум», вызванный серией находок с сенсационным возрастом (от 100 до 600 тыс. л.) на стоянках в префектуре Мияги (Камитакомори, Такомери, Содэхара и др.). Ведущую роль в раскопках этих объектов играют археологи из Университета Тохоку Фукуси (г. Сэндай) Благодаря щедрому финансированию они не только расширяют зону исследований в северо-восточной части архипелага, но и в поисках аналогий обращают свое внимание на сопредельные территории России (Приморье, Приамурье).

Так возникает идея совместного проекта между Университетом Тохоку Фукуси и Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток), который был реализован в 1992–1998 гг. Объектами исследований стали палеолитические стоянки в бассейне р. Зеркальная (Кавалеровский район Приморского края)¹⁰. Каждый год большая группа японских археологов в течение месяца работала в Приморье,

⁹ В проекте также участвовали реставраторы из Государственного Эрмитажа, из Института реставрации (Республика Беларусь), а также специалисты из США, Англии, Бельгии, Франции и Южной Кореи.

¹⁰ Руководителями проекта стали – с японской стороны профессор Кадзивара Хириси, с российской – к.и.н. Н.А. Кононенко.

российские специалисты приглашались в Японию для участия в раскопках памятников в префектуре Мияги¹¹, проект широко освещался в СМИ, японское телевидение сняло серию репортажей, было проведено несколько совместных конференций в России и в Японии, а также опубликовано значительное количество работ на русском, японском и английском языках [Деревянко, Кононенко 2003; Кононенко, Табарев 1994].

Добавим, что Институт истории ДВО РАН также плодотворно сотрудничал с японской стороной и в музейной сфере – в 1994–1997 гг. передвижная выставка «История и культура народов Дальнего Востока России» экспонировалась в Саппоро, Хакодате, Сакаиминато и в рамках «ЭКСПО-97» [Старцев 2001].

Гораздо меньший по резонансу, но не менее продуктивный проект начал реализовываться с 1997 г. в рамках соглашения между Университетом Цукуба и Хабаровским краевым музеем. Проект получил название «Амур» и был посвящен поиску и изучению памятников финального палеолита и неолита на территории Нижнего Амура – [Kato, Shevkomud 1998]¹². XXI в. начинается для японской археологии с чудовищного скандала – растиражированные на весь мир сенсационные материалы с раннепалеолитическим возрастом в префектуре Мияги оказываются подделкой, результатом многолетних махинаций археолога-любителя Фудзимура Синъити. После того, как газета «Майнити Симбун» в ноябре 2000 г. опубликовала фотографии, обличающие подлог, Японская археологическая ассоциация создала специальную комиссию по расследованию, принявшую целый пакет принципиальных решений. Эти события детально описаны как в японской, так и в англоязычной литературе (напр., [Hudson, 2005]).

Помимо официальных выводов¹³ у этой истории есть и другая сторона – обструкции подверглось большое количество профессиональных археологов, так или иначе связанных с этим проектом, а также их аспиранты и студенты, многие потеряли работу и были отлучены от археологии¹⁴. И здесь важно подчеркнуть позицию российского археологического сообщества – за время «палеолитического бума» на раскопках в Японии побывало немало отечественных специалистов, часть из них соглашалась с необычной древностью памятников, другая вела себя скептически сдержано. Автор констатирует, что, к чести большинства коллег, они не опустились до шельмования, считая, что японские археологи стали жертвой отдельного авантюриста, старались сохранять контакты и поддерживать их. Не исключаем, что такая позиция сыграла свою негласную роль в уровне доверия между археологами двух стран и создании благоприятного фона для дальнейшего сотрудничества.

В качестве проекта, завершающего данный период, можно считать соглашение между Дальневосточным федеральным университетом (г. Владивосток) и Университетом Кокугакуин (г. Токио)¹⁵. Проект был расписан на пять лет (2003–2007 гг.) и предполагал изучение памятников с наиболее ранними свидетельствами периода неолита в Приморском крае. В 2003 г. основными объектами исследований были стоянки Горбатка 3 и Осиновка, а в 2004 г. – стоянка Устиновка 8. К сожалению, в силу целого ряда обстоятельств дальнейшая программа

¹¹ Автор статьи принимал участие в работах по проекту в Приморье в 1992–1994 гг., а также в раскопках на стоянке Содэхара 3 в Японии в апреле 1994 г.

¹² Финансовую поддержку оказывал японский Фонд Сантори (Suntory Foundation). Сотрудничество, с несколькими паузами, продолжалось до 2015 г. Руководителями выступали профессор Като Хирофуми и к.и.н. И.Я. Шевкомуд.

¹³ В их числе – проведение тотальной ревизии палеолитических местонахождений на территории архипелага, существенная хронологическая коррекция времени первоначального заселения – не древнее 35–33 тыс. л.н.

¹⁴ По понятным этическим соображениям мы не приводим конкретных имен.

¹⁵ Руководителем проекта с японской стороны был самый авторитетный специалист по периоду дзёмон профессор Кобаяси Тацуо (Университет Кокугакуин), а с российской – д.и.н., профессор А.М. Кузнецов (ДВФУ). В 2003 г. в полевых исследованиях также участвовал специалист по ГИС-технологиям из Университета Южной Каролины (США) К. Гиллам.

проекта была редуцирована и сведена лишь к участию российских археологов в конференциях в Японии в 2004–2006 гг. [Кузнецов, Крупяно, Табарев 2005].

Таким образом, формат и содержание сотрудничества российских и японских археологов в постсоветский период существенно меняются – наблюдается кратное увеличение числа двусторонних соглашений, договоров и поездок, реализуется целая серия крупных и локальных многолетних проектов, на принципиально иной уровень выходит работа с археологическими материалами (от раскопок и реставрации до совместных публикаций). Однако важно отметить, что основную финансовую нагрузку в этом сотрудничестве (за счет грантов, специальных программ и даже частных спонсоров) берет на себя японская сторона.

2007–2019 гг.: на пике сотрудничества

Начало третьего периода в истории археологической японистики связано с несколькими важными событиями 2007–2008 гг.

В 2007 г. в Институте исследования человека и природы (г. Киото) был утвержден пятилетний международный проект под названием «Неолитизация и модернизация»¹⁶. В структуре проекта работали восемь групп специалистов из Японии, Южной Кореи, Европы и Америки – пять по различным районам Японского архипелага и три по сопредельным территориям Корейского полуострова, Китая и Российского Дальнего Востока. В российскую группу вошли два археолога, историк, специалист по ГИС-технологиям, а также два японских коллеги из Осаки и Токио. Организационно группа была привязана к ДВФУ (г. Владивосток). Исследования производились по двум ключевым периодам – неолита и исторической модернизации (XIX – начало XX в.), по ходу проекта производился анализ археологического материала и архивных документов, проводились международные симпозиумы, публиковались тематические сборники и статьи в ведущих научных журналах. Кроме того, проект предполагал длительные (от трех месяцев до года) стажировки в Институте, покупку оргтехники и программного обеспечения [Uchiyama et al. 2014].

С 2008 г. начинается активное взаимодействие и обмен официальными делегациями между Сибирским отделением РАН (г. Новосибирск) и Университетом Тохоку (г. Сендай) – в диалог о сотрудничестве вовлекаются более 10 институтов и Новосибирский госуниверситет¹⁷, создается Лаборатория междисциплинарных исследований, а затем подписывается большое соглашение по большому спектру научных направлений, включая и археологию.

С российской стороны исполнителем выступает Институт археологии и этнографии СО РАН в лице сектора зарубежной археологии¹⁸, а с японской – Лаборатория археологии. В свою очередь, Гуманитарный факультет НГУ начинает сотрудничество с Центром исследований северо-восточной Азии (ЦИСВА) Университета Тохоку.

Знакомство с коллегами из Лаборатории археологии происходит уже осенью 2008 г. на международной конференции в Токийском университете¹⁹, а первый визит группы сибирских археологов в Сендай – в ноябре 2009 г. Эти визиты становятся регулярными и продолжаются вплоть до 2019 г., включают работу с археологическими материалами в Университете Тохоку,

¹⁶ Research Institute for Humanity and Nature (RIHN). Полное название проекта: Neolithisation and Modernisation: Landscape History on East Asian Inland Seas (NEOMAP). Руководителем являлся японский специалист Утияма Юндзо.

¹⁷ Первый договор о сотрудничестве в научно-образовательной сфере был заключен между НГУ и Университетом Тохоку еще в 2003 г.

¹⁸ Создан в 2006 г. на базе сектора истории и археологии стран зарубежного Востока.

¹⁹ Human Ecosystem Changes in the Northern Circum Japan Sea Area (NCJSA) in the Late Pleistocene, 22–23 ноября, 2008 г.

совместные симпозиумы и публичные лекции, обмен студентами и аспирантами для участия в раскопках, а также поездки по другим научным центрам и музеям от Хоккайдо до Окинавы. Важно отметить, что финансовое обеспечение этих поездок теперь осуществляется в основном из российских источников (гранты РГНФ, РФФИ и РНФ)²⁰.

Сотрудничество с японскими коллегами заметно стимулирует и работу сектора зарубежной археологии – сотрудниками были подготовлены три кандидатские диссертации – две по периоду дзёмон [Соловьева 2005; Иванова 2018] и одна – по периоду кофун [Гнездилова 2020], в Новосибирском госуниверситете успешно защищена серия квалификационных работ, разработаны учебные программы, включающие подробные разделы по археологии Японии [Комиссаров 2018].

В 2007 г. Институт археологии и этнографии СО РАН выступил инициатором создания «Азиатской палеолитической ассоциации» – международной организации, объединяющих специалистов из России, Японии, Китая, Кореи и Монголии с проведением до 2014 г. ежегодных симпозиумов и затем в формате биенале в одной из стран-участниц²¹.

Одной из совершенно новых форм сотрудничества становится совместная работа сибирских и японских археологов на территории третьих стран – начиная с 2009 г. в Монголии, а с 2013 г. – в Южной Америке. Силами ДВФУ, Института археологии и этнографии СО РАН, Университета Тохоку и Приморского политехнического университета (г. Гуаякиль) была организована не имевшая ранее аналогов экспедиция в Эквадоре – ее целью была проверка резонансной гипотезы о возможных транстихоокеанских плаваниях носителей культуры дзёмон к берегам Южной Америки, одним из результатов которых стало привнесение гончарства (гипотеза «Дзёмон – Вальдивия») [Табарев, Маркос, Попов 2013]. За четыре полевых сезона (2014–2015 гг., 2017–2018 гг.) были произведены масштабные раскопки на памятниках архаического (10–6,5 тыс.л.н.) и формативного (5, 5–3, 5 тыс.л.н.) периодов, опубликована серия работ на русском, японском, испанском и английском языках, сделаны доклады на международных форумах в России, Японии, на Филиппинах, в Индонезии и в Польше [Kanomata et al. 2019; Tabarev et al. 2021].

Российско-японское сотрудничество в этот период, безусловно, находилось на пике, развивалось динамично и продуктивно, реализовывалось в самых разных форматах, сопровождалось достойным финансированием из российских и японских источников, позволяло планировать научные исследования на перспективу.

Заключение

Итак, общий обзор истории развития и особенностей археологического тренда в отечественном японоведении позволяет сделать несколько важных выводов.

1. Археологическая японистика зарождается в России еще в конце XIX в. и формируется как вполне самостоятельное направление уже в рамках советского периода. Это происходит на фоне развития археологических исследований на Дальнем Востоке и интереса к древним культурам сопредельных территорий. Несмотря на то, что наиболее активными участниками этого процесса являются специалисты, не владеющие японским языком, это не отражается на уровне научных публикаций и успешном диалоге археологов двух стран.

²⁰ Грантовую поддержку со стороны РГНФ и РФФИ в 2009–2016 гг. получали проекты, посвященные антропоморфной пластике в древних культурах Сибири и Японии, особенностям поселенческих комплексов, ритуальной посуде в культуре дзёмон, а также аналогиям в индустриях эпохи палеолита. Поддержку РНФ получил на 2019–2021 гг. проект «Неолитические цивилизации Евразии: Дзёмон, Японский архипелаг – происхождение, ранний этап, локальные особенности» (рук. А.В. Табарев).

²¹ 8-й симпозиум состоялся в июне 2016 г. в Токио.

2. Именно в первое постсоветское десятилетие, несмотря на организационные и финансовые сложности, отечественная археологическая японистика приобретает бесценный опыт нового формата сотрудничества – программ и проектов, рассчитанных на несколько лет, возможностей прямого партнерства между отдельными организациями, полноценного доступа к археологическим коллекциям в научных центрах Японии.

3. Начиная с 1960-х гг. одним из лидеров археологической японистики становится новосибирский научный центр (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский госуниверситет) – именно здесь функционирует специализированное подразделение, в состав которого входят специалисты с японским языком, именно здесь защищены практически все диссертации по археологии Японии, именно здесь реализуется серия проектов по тематике различных периодов (палеолит, дзёмон, яёй, кофун) при поддержке российских научных фондов (РГНФ, РФФИ, РНФ), именно здесь успешно практикуется специализация студентов по тематике археологии Японии как части тихоокеанской археологии.

Сказанное ни в коей мере не умаляет результатов сотрудничества, которое развивается с конца 1980-х до начала 1990-х между японскими археологами и археологами из Санкт-Петербурга, Владивостока, Южно-Сахалинска, Иркутска, Красноярска, Магадана и других городов. Никто лучше них самих не сможет представить полноценный рассказ об истории и деталях реализованных проектов.

Ковидные ограничения и последовавшие за ними судьбоносные политические процессы начала 2020-х гг. объективно поставили развитие археологической японистики на паузу, но не парализовали ее. Находясь на пороге и в ожидании нового этапа, мы выражаем уверенность, что весь предшествующий опыт, сохраняющиеся контакты и общие интересы в изучении древних культур дальневосточного региона и тихоокеанского бассейна в целом позволят достаточно быстро восстановить и перезагрузить российско-японское сотрудничество.

Благодарности:

Автор выражает сердечную благодарность своим японским коллегам – профессорам Кадзивара Хироси, Акосима Каору, Каномата Ёситака, Цуцуми Такаси и Ито Синдзи за многолетнее сотрудничество, обмен информацией, консультации при подготовке данной работы и за удивительное чувство максимально открытого научного партнерства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арутюнов С.А.* Этнографическая поездка в Японию // Советская этнография. 1961. № 3. С. 77–89.
- Васильевский Р.С.* По следам древних культур Хоккайдо. Новосибирск: Наука. 1981.
- Васильевский Р.С., Лавров Е.Л., Чан Су Бу.* Культуры каменного века Северной Японии. Новосибирск: Наука. 1982.
- Воробьев М. В.* Каменный век стран Японского моря. Автореф. канд. дисс. Ленинград. 1953.
- Воробьев М. В.* Древняя Япония. Историко-археологический очерк. Москва: Издательство восточной литературы. 1958.
- Гнездилова И.С.* Погребальные комплексы периода Кофун (III-VII века нашей эры) на территории равнины Нара, остров Хонсю, Японский Архипелаг (по данным археологии). Автореф. канд. дисс. Новосибирск. 2020.
- Деревянко А.П.* Каменный век Северной, Восточной и Центральной Азии: курс лекций. Новосибирск: Новосибирский государственный университет. 1975.
- Деревянко А.П.* Палеолит Японии. Новосибирск: Наука. 1984.
- Охотники-собиратели бассейна Японского моря на рубеже плейстоцена – голоцена // под ред. А.П. Деревянко, Н.А. Кононенко.* Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН. 2003.

- Деревянко А.П., Молодин В.И. Российско-японская программа «Пазырык» – первый год совместных исследований // Вестник древней истории. 1992. №3. С. 227–229.
- Иванова Д.А. Средний дзёмон острова Хонсю (5–4 тыс. л.н.): общие характеристики и локальные особенности. Автореф. канд. дисс. Новосибирск. 2018.
- Комиссаров С.А., Соловьева Е.А., Табарев А.В., Соловьев А.И. Основные этапы древней истории Японии (материалы к учебному курсу «Археология зарубежной Азии») // Вестник НГУ. Археология и этнография. 2018. Т.17. Вып.5. С. 9–20.
- Конonenко Н.А., Табарев А.В. Российско-японская археологическая экспедиция в Приморье // Вестник ДВО РАН. 1994. №1. С. 125–126.
- Кузнецов А.М., Крупяно А.А., Табарев А.В. Новые материалы по археологическому изучению долины реки Зеркальной (Приморье). *Comparative Study on the Neolithic Culture between East Asia and Japan 1. 21 COE Program Archaeology Series*. 2005. V. 4. P. 1431 – y 50.
- Лавров Е.Л. Докерамический период Хоккайдо и сопредельных территорий. Автореф. канд. дисс. Новосибирск. 1984.
- Лавров Е.Л. Археологические исследования в Японии в 1987 г. // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия истории, филологии и философии. 1988. Вып.16. С. 62–63.
- Ларичев В.Е. Палеолит и мезолит Японии. *Сибирь и её соседи в древности* / под ред. В.Е. Ларичева. Новосибирск: Наука. С. 66–108. 1970.
- Медведев В.Е. Выставка «Культура Сибири» в Японии // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия истории, филологии и философии. 1988. Вып.16. С. 64–65.
- Окладников А. П. К вопросу о древнейшем населении Японских островов и его культуре // Советская этнография. 1946. №4. С. 11–33.
- Окладников А. П. Памятники древней Японии // Нева. 1958. №3. С. 217–218.
- Окладников А. П., Горегляд В. Н. Новые данные о древнейшей культуре каменного века на севере Японии // Советская археология. 1958. №3. С. 246–250.
- Соловьева Е.А. Догу: классификация и интерпретация. Автореф. канд. дисс. Новосибирск. 2005.
- Старцев А.Ф. Музей археологии и этнографии Института истории ДВО РАН // Россия и АТР. 2001. № 4. С. 149–155.
- Современное российское японоведение: оглядываясь на путь длиною в четверть века / под ред. Д.В. Стрельцова Москва: АИРО-XXI. 2015.
- Табарев А.В., Иванова Д.А. Вначале было слово: из истории термина «дзёмон» в российской археологической литературе // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2020. №2. С. 62–76.
- Табарев А.В., Маркос Х.Г., Попов А.Н. Эквадор: по следам одной необычной археологической гипотезы // Наука из первых рук. 2013. №5-6. С. 124–141
- Филиппов А.В. Японоведение в России: традиции классики и тренды перемен // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021.Т.14. №6. С. 92–116.
- Чан Су Бу. Поздний дзёмон Хоккайдо. Автореф. канд. дисс. Новосибирск. 1977.
- Штернберг Л. Я. Айнская проблема // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1929. Т.8. С. 334–380.
- Эгами Н. Прошлое и настоящее японской археологии // Советская археология. 1957. №2. С. 305–307.

REFERENCES

- Arutjunov, S. (1961). *Etnograficheskaya poezdka v Yaponiyu* [Ethnographical Trip to Japan]. *Sovetskaya etnografiya*, 3, 77–89. (In Russian).
- Chan Su Bu. (1977). *Pozdnii dzemon Hokkaido* [Late Jomon of Hokkaido]. Candidate of Sciences Dissertation Summary. Novosibirsk. (In Russian).

- Derevyanko, A. & Kononenko, N. (Eds.). (2003). *Okhotniki-sobirateli basseina Japonskogo morya na rubezhe pleistotsena – golotsena* [Hunter-gatherers of the Japanese Sea Basin on the Pleistocene-Holocene Border]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN. (In Russian).
- Derevyanko, A. & Molodin, V. (1992). Rossiisko-yaponskaya programma «Pazyryk» – pervyi god sovместnykh issledovaniy [Russian-Japanese Program “Pazyryk” – The First Year of Joint Research]. *Vestnik drevnei istorii*, 3, 227–229. (In Russian).
- Derevyanko, A. (1975). *Kamennyi vek Severnoi, Vostochnoi i Central'noi Azii: kurs lektsii* [Stone Age of North, East, and Central Asia: Lecture Course]. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian).
- Derevyanko, A. (1984). *Paleolit Japonii* [The Paleolithic of Japan]. Novosibirsk: Nauka. (In Russian).
- Egami, N. (1957). Proshloe i nastoyashchee yaponskoi arkheologii [Past and Present of the Japanese Archaeology]. *Sovetskaya arkheologiya*, 2, 305–307. (In Russian).
- Filippov, A. (2021). Yaponovedenie v Rossii: traditsii klassiki i trendy peremen [Japanese Studies in Russia: Classic Traditions and Trends of Changes]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*, 14(6), 92–116. (In Russian).
- Gnezdilova, I. (2020). *Pogrebal'nye komplekсы perioda Kofun (III–VII veka nashei ery) na territorii ravniny Nara, ostrov Khonsyu, Japonskii Arkhipelag (po dannym arkheologii)* [Kofun Period, 3rd–7th Centuries AD, burial complexes in the territory of the Nara Valley, Honshu, Japanese Archipelago (Based on Archaeological Data)]. Candidate of Sciences dissertation summary. Novosibirsk. (In Russian).
- Ivanova, D. (2018). *Srednii dze:mon ostrova Honsyu (5–4 tys. l.n.): obshchie kharakteristiki i lokal'nye osobennosti* [Middle Jomon on Honshu (5 – 4,000 BP): common traits and local peculiarities]. Candidate of Sciences dissertation summary. Novosibirsk. (In Russian).
- Komissarov, S., Solov'eva, E., Tabarev, A., & Solov'ev, A. (2018). Osnovnye etapy drevnei istorii Yaponii (materialy k uchebnomu kursu «Arkheologiya zarubezhnoi Azii») [Main Stages of the Ancient History of Japan (Materials for the Lecture Course “Archaeology of Foreign Asia”)]. *Vestnik NGU. Archeologiya i etnografiya*, 17(5), 9–20. (In Russian).
- Kononenko, N. & Tabarev, A. (1994). Rossiisko-yaponskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya v Primor'e [Russian-Japanese Archaeological Expedition in the Maritime Region]. *Vestnik DVO RAN*, 1, 125–126. (In Russian).
- Kuznetsov, A., Krupyanko, A., & Tabarev, A. (2005). Novye materialy po arkheologicheskomu izucheniyu doliny reki Zerkal'noi (Primor'e) [New Data on the Archaeological Exploration of the Zerkal'naya River Valley, Maritime Region]. *Comparative Study on the Neolithic Culture Between East Asia and Japan 1. 21 COE Program Archaeology Series*, 4, 143–150. (In Russian).
- Larichev, V. (1970). Paleolit i mezolit Yaponii [The Paleolithic and Mesolithic of Japan]. In V. Larichev (ed.), *Sibir'i ee sosedi v drevnosti* [Siberia and Its Neighbors in Antiquity] (pp. 66–108). Novosibirsk: Nauka. (In Russian).
- Lavrov, E. (1984) *Dokeramicheskiy period Hokkaido i sopredel'nykh territorii* [Pre-ceramic Period of Hokkaido and Adjacent Territories]. Candidate of Sciences dissertation summary. Novosibirsk. (In Russian).
- Lavrov, E. (1988). Arkheologicheskie issledovaniya v Japonii v 1987 g. [Archaeological Studies in Japan in 1987]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR. Seriya istorii, filologii i filosofii*, 16, 62–63. (In Russian).
- Medvedev, V. (1988). Vystavka «Kul'tura Sibiri» v Yaponii [Exhibition «Culture of Siberia» in Japan]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR. Seriya istorii, filologii i filosofii*, 16, 64–65. (In Russian).
- Okladnikov, A. & Goreglyad, V. (1958). Novye dannye o drevneishei kul'ture kamennogo veka na severe Yaponii [New Data on the Most Ancient Stone Age Culture in Northern Japan]. *Sovetskaya arkheologiya*, 3, 246–250. (In Russian).
- Okladnikov, A. (1946). K voprosu o drevneishem naselenii Yaponskikh ostrovov i ego kul'ture [On the Question of the Most Ancient Population of the Japanese Archipelago and Its Culture]. *Sovetskaya etnografiya*, 4, 11–33. (In Russian).

- Okladnikov, A. (1958). Pamyatniki drevnei Yaponii [Sites of Ancient Japan]. *Neva*, 3, 217–218. (In Russian).
- Shternberg, L. (1929). Ainskaya problema [The Ainu Problem]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*, 8, 334–380. (In Russian).
- Solov'eva, E. (2005). *Dogu: klassifikatsiya i interpretatsiya* [Dogu: Classification and Interpretation]. Candidate of Sciences dissertation summary. Novosibirsk. (In Russian).
- Startsev, A. (2001). Muzei arkheologii i etnografii Instituta istorii DVO RAN [Museum of Archaeology and Ethnography, Institute of History, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences]. *Rossiya i ATR*, 4, 149–155. (In Russian).
- Streltsov, D. (Ed.). (2015). *Sovremennoe rossiiskoe yaponovedenie: oglyadyvayas' na put' dlinoyu v chetvert' veka* [Modern Russian Japanese Studies: Looking Back at the Path of a Quarter of a Century]. Moskva: AIRO-XXI. (In Russian).
- Tabarev, A. & Ivanova, D. (2020). Vnachale bylo slovo: iz istorii termina «dzemon» v rossiiskoi arkheologicheskoi literature [In the Beginning Was the Word: From the History of the Term «Jomon» in Russian Archaeological Literature]. *Pervobytnaya arkheologiya. Zhurnal mezhdistsiplinarnykh issledovaniy*, 2, 62–76. (In Russian).
- Tabarev, A., Markos, H., & Popov, A. (2013). Ekvador: po sledam odnoi neobychnoi arkheologicheskoi gipotezy [Ecuador: Following the Traces of One Unusual Archaeological Hypothesis]. *Nauka iz pervykh ruk*, 5–6, 124–141. (In Russian).
- Vasil'evskij, R. (1981). *Po sledam drevnikh kul'tur Hokkaido* [Following the Traces of the Ancient Cultures of Hokkaido]. Novosibirsk: Nauka. (In Russian).
- Vasil'evskij, R., Lavrov, E., & Chan Su Bu. (1982). *Kul'tury kamennogo veka Severnoi Yaponii* [Stone Age Cultures of Northern Japan]. Novosibirsk: Nauka. (In Russian).
- Vorob'ev, M. (1953). *Kamennyi vek stran Japonskogo morya* [Stone Age of the Countries of the Japanese Sea]. Candidate of Sciences dissertation summary. Leningrad. (In Russian).
- Vorob'ev, M. (1958). *Drevnyaya Yaponiya. Istoriko-arheologicheskii ocherk* [Ancient Japan. Historical-archaeological Sketch]. Moskva: Izdatel'stvo vostochnoi literatury. (In Russian).

* * *

- Hudson, M. (2005). For the people, by the people: postwar Japanese archaeology and the Early Palaeolithic hoax. *Anthropological Science*, 113 (2), 131–139.
- J.P. (1927). The Third Pan-Pacific Science Congress. *Nature*, 119 (2987), 178.
- Kanomata, Y., Marcos, J., Popov, A., Lazin, B., Tabarev, A. (2019). New Data on Early Pottery Traditions in South America: The San Pedro Complex, Ecuador. *Antiquity*, 3 (369), 1-6. <https://doi.org/10.15184/aqu.2019.56>
- Kato, H., Yamada, M., Shevkomud, I. (Eds.). (1998). *Project Amur*. University of Tsukuba.
- Tabarev, A., Kanomata, Y., Popov, A., Poshekhonova, O., Zubova, A. (2021). Towards the Characteristics of Early Formative, Coastal Ecuador: Joint Russian-Japanese-Ecuadorian Excavations at Real Alto site in 2014–2017. In: M. Jadan (ed.), *Valdivia, una Sociedad Neolítica: Nuevos aportes a su conocimiento*. (pp. 64–97). Portoviejo: Ediciones UTM. Universidad Técnica de Manabí.
- Uchiyama, J., Gillam, J.C., Hosoya, L.A., Lindström, K., Jordan, P. (2014). Investigating Neolithization of Cultural Landscapes in East Asia: The NEOMAP Project. *Journal of World Prehistory*, 27, 197–223. <https://doi.org/10.1007/s10963-014-9079-8>

Поступила в редакцию: 25.01.2024

Received: 25 January 2024

Принята к публикации: 23.04.2024

Accepted: 23 April 2024

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-83-99

Проблема инвестиционной привлекательности Японии: современные подходы (на примере полупроводниковой индустрии)

И.Л. Тимонина

Аннотация. Япония – одна из крупнейших экономик мира – занимает весьма своеобразное положение на мировом рынке прямых инвестиций. Являясь крупнейшим кредитором, одним из лидеров по экспорту прямых инвестиций, страна остается – судя по количественным показателям – относительно малопривлекательной для иностранного бизнеса. Однако в последние годы ситуация на мировом рынке прямых инвестиций существенно меняется, и место Японии в формирующейся структуре цепочек добавленной стоимости международных компаний также может измениться.

Исследование реальной деятельности иностранных компаний полупроводниковой индустрии в Японии позволяет сделать вывод о том, что проблема привлечения ПИИ в страну в современных условиях обретает новые смыслы и рассматривается под углом зрения экономической безопасности и устойчивости цепочек поставок, особенно в части поставок критически важных электронных компонентов. Это и предопределило выбор автором полупроводниковой промышленности в качестве объекта исследования.

В условиях распространения парадигмы френдшоринга (friend-shoring), когда глобальные цепочки поставок демонстрируют признаки переориентации на «дружественные» страны, у Японии появляется шанс использовать свои реальные конкурентные преимущества для привлечения высококачественных и высокотехнологичных инвестиций. И этот шанс страна, по-видимому, намерена использовать, делая ставку на обеспечение «предсказуемости» в глазах иностранных инвесторов, наряду с такими преимуществами как наличие квалифицированной рабочей силы и сети высококачественных поставщиков, сильных потенциальных партнеров для реализации совместных проектов, развитой инфраструктуры и системы защиты прав интеллектуальной собственности, лояльности местных властей и населения, мощной поддержки, в том числе и финансовой, инвестиционных проектов со стороны японского правительства. К этому следует добавить высокий и растущий спрос на электронные компоненты со стороны национальной промышленности, что делает Японию и привлекательным рынком сбыта. Успех мировых лидеров микроэлектроники на японском рынке может иметь демонстрационный и мультипликационный эффект и способствовать тому, чтобы международные компании других отраслей по-новому и непредвзято взглянули на Японию.

Ключевые слова: Япония, прямые иностранные инвестиции (ПИИ), френдшоринг, полупроводниковая индустрия.

Автор: Тимонина Ирина Львовна, доктор экономических наук, профессор, Институт стран Азии и Африки МГУ (125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1); Институт бизнеса и делового администрирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ИБДА РАНХ и ГС) (адрес: 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82). Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д.12). ORCID: 0000-0002-3726-9164; E-mail: timonina2000@yahoo.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Тимонина И.Л. Проблема инвестиционной привлекательности Японии: современные подходы (на примере полупроводниковой индустрии) // Японские исследования. 2024. № 2. С. 83–99. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-83-99

The problem of Japan’s investment attractiveness: Modern approaches (on the example of the semiconductor industry)

I.L. Timonina

Abstract. Japan, one of the largest economies in the world, occupies a very peculiar position in the global direct investment market. Being the largest creditor and one of the leaders in the export of direct investments, the country remains – judging by quantitative indicators – relatively unattractive for foreign business. However, in recent years, the situation in the global direct investment market has changed significantly, and Japan’s place in the emerging structure of value chains of international companies may also change.

The study of the activities of foreign companies in the semiconductor industry in Japan allows us to conclude that the problem of attracting FDI to the country in modern conditions acquires new meanings and is considered from the point of view of economic security and sustainability of supply chains, especially in terms of supplies of critically important electronic components. This predetermined the author’s choice of the semiconductor industry as the object of research.

In the context of the spread of the friend-shoring paradigm, when global supply chains show signs of reorientation towards “friendly” countries, Japan has a chance to use its real competitive advantages to attract high-quality and high-tech investments. And the country apparently intends to use this chance, betting on ensuring “predictability” in the eyes of foreign investors, along with such advantages as the availability of qualified labor and a network of high-quality suppliers, strong potential partners for joint projects, developed infrastructure and system for protecting intellectual property rights, loyalty of local authorities and the population, strong support, including financial support, for investment projects from the Japanese government. To this one should add the high and growing demand for electronic components from the national industry, which makes Japan an attractive market. The success of the world’s microelectronics leaders in the Japanese market may have demonstration and animation effects and help international companies in other industries to take a new and unbiased look at Japan.

Keywords: Japan, foreign direct investment (FDI), friendshoring, semiconductor industry.

Author: *Timonina Irina L.*, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Institute of Asian and African Studies of Moscow State University (address: 11/1, Mokhovaya Str., Moscow, 125009, Russian Federation); Institute of Business Studies of Russian Presidential Academy of national economy and public administration (IBS RANEPА) (address: 84, Vernadskogo Av., Moscow, 119571, Russian Federation); Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Rozhdestvenka st., 12, Moscow, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-3726-9164; E-mail: timonina2000@yahoo.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Timonina, I.L. (2024). Problema investitsionnoi privlekatel’nosti Yaponii: sovremennye podkhody (na primere poluprovodnikovoi industrii) [The problem of Japan’s investment attractiveness: Modern approaches (on the example of the semiconductor industry)]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 2, 83–99. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-83-99

Введение

Главной отличительной особенностью положения Японии на мировом рынке капитала остается диспропорция в оттоке и притоке прямых инвестиций (ПИИ): импорт инвестиций в Японию относительно невелик как по сравнению с экспортом, так и с масштабами рынка страны.

Как правительство и деловые круги страны относятся к этой ситуации? Имеют ли успех программы привлечения в страну иностранного капитала? Как формируется инвестиционный климат страны в наше время – в условиях возрастания рисков ведения международного бизнеса и перехода ряда глобальных компаний к стратегии «дружественных инвестиций»? Каково будет место Японии в новой системе разделения труда и какие отрасли японской экономики реально нуждаются в иностранных инвестициях и партнерстве с иностранными компаниями? Все эти вопросы и являются предметом исследования в данной статье.

Проблема привлечения ПИИ в страну в последние годы обретает новые смыслы и рассматривается в Японии в первую очередь под углом зрения экономической безопасности и обеспечения устойчивости международных цепочек поставок материалов и компонентов (особенно критически важных – электронных)¹.

Кроме того, обеспечение притока ПИИ в страну все более тесно связывают с целями в области развития технологий и передовых высокотехнологичных производств, в первую очередь производства электронных компонентов, где Япония занимает достойные, но не самые передовые позиции. Эти обстоятельства послужили отправной точкой данной работы.

Проблему привлечения ПИИ в Японию в ее современном преломлении автор анализирует в широком контексте – как проблему присутствия иностранного бизнеса в стране, в отдельных отраслях и регионах, т.к., во-первых, вхождение компании на зарубежные рынки не всегда опосредовано значительными инвестициями, часто более важно перемещение других ресурсов (технологических, человеческих, организационных) и, во-вторых, финансовая составляющая проектов иностранных компаний для Японии далеко не всегда стоит на первом плане.

Кроме того, для достижения цели данного исследования, которая состоит в оценке реальной инвестиционной привлекательности Японии в современных условиях, автор анализирует ситуацию не только на макроуровне, т.е. с точки зрения создания общих условий для иностранного капитала в стране (заявления и действия японского правительства), но и на основе анализа конкретных решений и действий международных корпораций и японских компаний, которые взаимодействуют с иностранными инвесторами на территории страны.

Позиции Японии на мировом рынке капитала

Япония играет заметную роль на мировом рынке капитала. Страна является крупнейшим в мире кредитором с чистой инвестиционной позицией в 419 трлн иен (2022 г.), обладает огромными золотовалютными резервами (1,228 трлн долл. в 2022 г., 2 место в мире после КНР)², находится в числе мировых лидеров по экспорту прямых инвестиций (ПИИ).

В 2019 г. Япония даже занимала позицию крупнейшего мирового экспортера ПИИ (227 млрд долл.). Накопленные за рубежом прямые инвестиции Японии составили в 2023 г.

¹ В данной статье понятия «цепочки поставок», «цепочки добавленной стоимости», «производственные цепочки» используются как синонимы, если не указано иное. Первое из названных понятий наиболее часто используется в японских официальных документах и научной литературе.

² Statistical Handbook of Japan 2023. <https://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2022all.pdf#page=123> (дата обращения: 22.08.2023).

2132,6 трлн долл., увеличившись с 2010 г. более чем в 2,5 раза³. Однако объемы импорта инвестиций чрезвычайно малы, как по сравнению с их экспортом, так и по отношению к масштабам экономики страны (таб. 1).

Таблица 1. Соотношение экспорта и импорта прямых инвестиций и масштабов экономики Японии

Потоки ПИИ	% по отношению к валовым инвестициям				
	2017	2018	2019	2020	2023
Япония					
Импорт	0,8	0,8	1,0	0,8	2,0
Экспорт	13,3	11,4	17,8	7,5	16,8
<i>Справочно</i>					
Китай					
Импорт	2,6	2,3	2,3	2,4	2,2
Экспорт	3,1	2,4	2,2	2,5	2,0
Развитые страны					
Импорт	8,7	6,5	6,4	2,8	3,3
Экспорт	10,7	4,9	6,2	3,5	7,4
Накопленные	% по отношению к ВВП				
Япония					
Импорт	4,1	4,4	4,4	4,4	5,9
Экспорт	30,4	31,1	34,7	36,4	50,6
<i>Справочно</i>					
Китай					
Импорт	12,1	11,8	12,3	12,9	20,7
Экспорт	14,7	14,3	15,3	17,4	16,6
Развитые страны					
Импорт	45,6	42,0	47,0	57,4	52,7
Экспорт	52,2	45,7	50,1	59,6	54,2

Составлено по: World Investment Report 2023. Country Fact Sheet: Japan. https://unctad.org/system/files/non-official-document/wir_fs_jp_en.pdf (дата обращения: 01.07.2024).

Подобная ситуация обусловлена особенностями инвестиционного климата Японии. Несмотря на то, что страна занимает довольно высокие позиции в международных рейтингах (Doing Business и др.), оценивающих условия ведения бизнеса, и при отсутствии формальных ограничений для иностранных инвесторов, она по-прежнему имеет имидж закрытой и «трудной» для иностранного бизнеса. Это объясняется главным образом сохранением неформальных барьеров для предпринимателей – закрытостью предпринимательской структуры и рынка труда, высокой стоимостью производственных ресурсов, относительно высоким уровнем ставки налога на доход корпораций.

³ World Investment Report 2023. Country Fact Sheet: Japan. https://unctad.org/system/files/non-official-document/wir_fs_jp_en.pdf (дата обращения: 01.07.2024).

На протяжении уже нескольких десятилетий японское правительство проводит политику по привлечению инвестиций в страну, которая приносит определенные плоды. Цель удвоения объема накопленных ПИИ (до 35 трлн иен), к концу 2020 г. была достигнута (39,7 трлн иен). В «Стратегии содействия прямым иностранным инвестициям в Японии» 2021 г. была поставлена цель нового удвоения объема накопленных ПИИ – до 80 трлн иен (эквивалентно 12% прогнозируемого размера ВВП) к 2030 г. с возможностью увеличения до 100 трлн иен⁴. В 2023 г. в плане действий Совета по привлечению прямых инвестиций было подтверждено, что активизация притока прямых инвестиций в Японию остается приоритетной задачей и «является основным ключом к оживлению внутренней экономики»⁵.

В правительственном Плане действий по привлечению ПИИ (далее – План действий) прямо говорится:

«...для содействия технологическому прогрессу, который... является наиболее эффективным средством достижения устойчивого роста, необходимо активное взаимодействие людей, товаров, денег и идей между Японией и другими странами... Ожидается, что привлечение иностранных инвестиций и человеческих ресурсов приведет к созданию новой модели управления, реагирующей на изменения времени, и реформированию традиционной экономической структуры Японии, включая стиль работы и реформы рынка труда, в дополнение к стимулированию инноваций посредством внедрения новых идей и ноу-хау»⁶.

И, наконец, размещение иностранных предприятий в тех или иных регионах страны рассматривается в качестве стимула для инновационного развития местной экономики. В Плане подчеркивается, что в дополнение к созданию новых рабочих мест, в том числе высокооплачиваемых, иностранные инвестиции должны способствовать повышению привлекательности местной экономики и созданию новых отраслей⁷. Попутно заметим, что данный подход к привлечению иностранного бизнеса в регионы во многом созвучен идее технополисов, принятой в качестве основной в концепции регионального развития еще в 1980-е гг.: один из важнейших смыслов стратегии технополисов состоял в стимулировании в регионах самых передовых отраслей, а не тех, которые уже прошли период зрелости в наиболее развитых районах страны⁸.

Разумеется, названные подходы и цели привлечения иностранного бизнеса в страну определились и были сформулированы не сегодня и даже не вчера, а, по крайней мере, четверть века назад, однако актуальность их многократно возросла в период пандемии COVID19 и в связи с нарастанием неопределенности в мире в последние годы.

В упомянутом выше Плане действий отмечалось:

«...в последние годы, когда традиционный международный порядок трансформируется и мир переживает поворотный момент в своей истории, важность экономической безопасности возросла из-за хрупких цепочек поставок и нестабильного энергоснабжения... В этих условиях требуется разработка экономической модели,

⁴ Action Plan for Attracting Human and Financial Resources from Overseas. http://www.invest-japan.go.jp/documents/pdf/action_plan_gaiyou_en.pdf (дата обращения: 21.01.2024).

⁵ Action Plan for Attracting Human and Financial Resources from Overseas. http://www.invest-japan.go.jp/documents/pdf/action_plan_en.pdf (дата обращения: 21.01.2024).

⁶ Action Plan for Attracting Human and Financial Resources from Overseas, p.1 Decision by the Council for Promotion of Foreign Direct Investment in Japan on April 26, 2023. http://www.invest-japan.go.jp/documents/pdf/action_plan_en.pdf (дата обращения: 30.01.2024).

⁷ Action Plan for Attracting Human and Financial Resources from Overseas, p.1 Decision by the Council for Promotion of Foreign Direct Investment in Japan on April 26, 2023. http://www.invest-japan.go.jp/documents/pdf/action_plan_en.pdf (дата обращения: 30.01.2024).

⁸ Подробнее о технополисах см.: [Тимонина И.Л. 1989; Тимонина 1992].

которая позволит стране успешно конкурировать с другими странами, не только для снижения затрат, но и для укрепления позиций страны как базы для производства и исследований ...»⁹.

Система приоритетов политики привлечения ПИИ находит отражение и в практических мерах, в том числе и финансовых. Так, в стране создан целый ряд финансовых организаций для содействия инвестициям, в том числе и иностранных компаний, в стратегически важные секторы (полупроводники, биотехнологии, GX, цифровая трансформация и др.): Фонд развития передовой инфраструктуры производства полупроводников, Фонд для проектов, поддерживающих устойчивость цепочек поставок критически важных товаров в ответ на изменения в экономической среде и др.¹⁰

Если попытаться посмотреть на проблему привлечения иностранного бизнеса в Японию с позиций самого иностранного бизнеса, то необходимо констатировать, что в условиях существенного изменения глобальной политической и экономической ситуации происходит трансформация всей системы приоритетов и факторов, влияющих на принятие решений о конфигурации международных цепочек добавленной стоимости (или цепочек поставок). На первый план все более выходят проблемы безопасности поставок и самих зарубежных бизнес-площадок, даже в ущерб экономической эффективности, что и определяет отраслевую структуру и направление трансграничных потоков прямых инвестиций.

Глобальные цепочки поставок и парадигма френдшоринга (friend-shoring)

В условиях нарастания глобальной неопределенности и повышения уровня рисков ведения международного бизнеса в правительственных кругах стран, которые по международным классификациям относятся к группе развитых, получила распространение концепция «дружественных инвестиций», так называемого френдшоринга, означающая направление экономической деятельности в страны, которые разделяют ценности и принципы развитого мира. Понятие и само явление френдшоринга, которое на уровне государственной политики означает новую парадигму в вопросе создания экономических альянсов, для международных компаний обозначает переориентацию своих цепочек поставок (или цепочек создания стоимости) и стремление ограничивать сети поставок до союзников и дружественных стран¹¹.

В материале, опубликованном на сайте Японской организации содействия внешней торговле (ДЖЭТРО), ситуация характеризуется следующим образом;

«Современные глобальные цепочки поставок охватывают страны и континенты, что делает компании более конкурентоспособными и снижает цены для потребителей.

Но у разветвленных цепочек поставок есть и обратная сторона: они подвержены сбоям. Это никогда не было так очевидно, как сегодня...

На карту поставлено нечто большее, чем просто краткосрочные экономические цели. Доступ к жизненно важным материалам и компонентам важен для отраслей, имеющих решающее значение для благополучия человека, включая «зеленые» технологии, медицину, искусственный интеллект и полупроводники.

⁹ Авторизированный перевод. Action Plan for Attracting Human and Financial Resources from Overseas, p. 1. http://www.invest-japan.go.jp/documents/pdf/action_plan_en.pdf (дата обращения: 30.01.2024).

¹⁰ Interim Report Direction of Initiatives. December 23, 2022 Cabinet Office. Working Group for Addressing Main Policy Agenda for «Strategy for Promoting Foreign Direct Investment in Japan». http://www.invest-japan.go.jp/documents/pdf/chukanseili_working_group_en.pdf (дата обращения: 30.01.2024).

¹¹ Лисоволик Я. Новая парадигма: френдшоринг. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-paradigma-frendshoring/> (дата обращения: 30.01.2024).

Баланс между эффективностью и устойчивостью означает взгляд на инвестиции в цепочку поставок через обновленную призму, которая позволяет более четко сфокусироваться на таких вещах, как политическая стабильность, верховенство закона и приверженность согласованным правилам торговли.

Одной из стран, привлекающих новое внимание в результате этого сдвига, является Япония. Политически и экономически стабильная, известная своей талантливой и высокообразованной рабочей силой, а также мощью своих научно-исследовательских центров и качеством своей продукции, Япония привлекает новую волну инвестиций по мере того, как глобальные компании внедряют ее в свои цепочки поставок критически важных компонентов»¹².

Таким образом, у Японии может появиться шанс использовать свои реальные конкурентные преимущества в виде стабильности и «предсказуемости» в глазах иностранных инвесторов¹³. При этом иностранным компаниям, в том числе стартапам, предлагается финансовая поддержка со стороны правительства Японии, что может служить косвенным подтверждением того, что в политике привлечения ПИИ важнейшим для Японии элементом является не финансовая составляющая, а доступ к технологиям и современным моделям организации производства.

В своем выступлении в Лондонском Сити в мае 2022 г. премьер-министр Ф. Кисида заявлял:

«Одной из особенностей японской экономики является стабильность. Поскольку мы живем в эпоху геополитической неопределенности с перебоями в цепочках поставок и резкими изменениями в энергетике и других ресурсах, я рассматриваю это как преимущество для Японии. Устойчивый рост, стабильные рынки и безопасные, надежные компании, продукты и услуги. Вот почему Япония – это “покупка”»¹⁴.

Как реализуются конкурентные преимущества Японии в нынешних условиях рассмотрим на примере ситуации с привлечением инвестиций в производство полупроводников.

Ситуация в полупроводниковой промышленности Японии

Для того, чтобы понять, почему иностранные инвестиции в производство полупроводников¹⁵ и кооперация с иностранными компаниями так важны для Японии, кратко охарактеризуем ситуацию в этой высокотехнологичной отрасли.

¹² Материал пользовательского контента The Wall Street Journal. В данном случае важен и показателен факт его публикации на сайте ДЖЭТРО. Global supply chains are the backbone of the modern economy Japan is getting a fresh look as companies seek sourcing security. <https://www.jetro.go.jp/en/invest/insights/japan-insight/global-supply-chains-modern-economy.html> (дата обращения: 30.01.2024).

¹³ Action Plan for Attracting Human and Financial Resources from Overseas, p.1 Decision by the Council for Promotion of Foreign Direct Investment in Japan on April 26, 2023. http://www.invest-japan.go.jp/documents/pdf/action_plan_en.pdf (дата обращения: 30.01.2024).

¹⁴ Speech by Prime Minister KISHIDA Fumio at the Guildhall in London May 5, 2022. https://japan.kantei.go.jp/101_kishida/statement/202205/_00002.html (дата обращения: 30.01.2024).

¹⁵ В данной статье используются понятия «полупроводники», «чипы», «микросхемы», «интегральные схемы». Технически и технологически – это разные изделия и технологии. Чип – это компонент, часто часть более обширной интегральной схемы, тогда как интегральные схемы охватывают более широкий спектр функциональных возможностей электронных схем. Интегральные схемы могут быть изготовлены с использованием различных технологий, включая полупроводниковые, тонкопленочные и толстопленочные [<https://www.shunlongwei.com/ru/the-difference-between-chips-and-semiconductors-and-integrated-circuits/> (дата обращения: 30.01.2024)]. В отраслевой классификации, японских правительственных документах, различных исследованиях в качестве наиболее общего чаще (хотя и не всегда) используется определение «электронные детали, устройства и электронные схемы» как более широкое или «производство полупроводников», которое наиболее полно характеризует сферу деятельности компаний. Поэтому в данной статье мы будем в основном придерживаться определения «производство полупроводников» в качестве основного, если речь не идет о конкретной специализации той или иной компании и не указано иное.

1970-е – 1980-е гг. были периодом расцвета японских компаний, производящих полупроводники и другие электронные компоненты, их доля на мировом рынке постепенно росла, составив в 1988 г. 51% мировых продаж.

В 1990-х гг. Япония начинает постепенно утрачивать свои позиции, большую часть мирового рынка полупроводников удается завоевать компаниям США, Южной Кореи, Тайваня (Intel, Samsung Electronics, TSMC и др.)¹⁶.

В 2000-х гг., несмотря на то, что японское правительство активизировало свои усилия по стимулированию отрасли и повышению ее международной конкурентоспособности, доля японских компаний на мировом рынке к 2019 г. упала до 10%, хотя Япония занимает около 50% рынка материалов и 30% рынка оборудования для производства полупроводников¹⁷.

Во втором десятилетии XXI в. «возрождение» полупроводниковой промышленности стало в ряд главных приоритетов социально-экономического развития страны, что было провозглашено в Стратегии построения «нового капитализма»¹⁸.

В Стратегии развития полупроводниковой индустрии и цифровизации (The Strategy for Semiconductors and the Digital Industry), принятой в 2021 г., прямо признается относительное отставание Японии и необходимость привлечения иностранных компаний и кооперации с ними:

«Передовые полупроводники являются фундаментальными устройствами, которые управляют всеми электронными системами общества и поддерживают экономику, основанную на данных. Они важны как «мозги промышленности», но в Японии их не хватает. Чтобы укрепить стратегическую независимость... необходимо укрепить основы отечественного производства, например, путем создания совместных предприятий с зарубежными производителями»¹⁹.

В обновленный в 2023 г. вариант Стратегии был включен и ряд новых элементов – поддержка разработки полупроводников с пониженным энергопотреблением для искусственного интеллекта, укрепление инфраструктуры производства, а также *привлечение иностранных компаний (выделено мною. – И.Т.)*²⁰.

Привлечению иностранного бизнеса в отрасль должны способствовать и политические инициативы правительства, в частности, договоренность о сотрудничестве Японии и США в области экономической безопасности, включая разработку передовых полупроводников, которая была достигнута в ходе встречи премьер-министра Японии Кисида Ф. и президента США Дж. Байдена в мае 2022 г.²¹

¹⁶ Детальное исследование ситуации в полупроводниковой промышленности Японии выходит за рамки данного исследования, но все же отметим, что, по мнению экспертов, ослабление позиций Японии на данном рынке было связано в том числе и с условиями подписанного в 1986 г. американо-японского соглашения по полупроводникам, которое давало правительству США полномочия устанавливать минимальные «справедливые» рыночные цены на чипы в США, а также облегчало доступ на японский рынок иностранных производителей (с квотой от 10 до 20%).

¹⁷ How Japan's semiconductor industry is leaping into the future. <https://www.weforum.org/agenda/2023/11/how-japan-s-semiconductor-industry-is-leaping-into-the-future/> <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/semiconductor-manufacturing-by-country> (дата обращения: 30.01.2024).

¹⁸ Grand Design and Action Plan for a New Form of Capitalism ~Investing in People, Technology, and Startups~, p.18. https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/atarashii_sihonsyugi/pdf/ap2022en.pdf (дата обращения: 30.01.2024).

¹⁹ Авторизированный перевод. The Strategy for Semiconductors and the Digital Industry (Summary). https://www.meti.go.jp/english/press/2021/pdf/0604_005a.pdf (дата обращения: 30.01.2024).

²⁰ How Japan's semiconductor industry is leaping into the future. <https://www.weforum.org/agenda/2023/11/how-japan-s-semiconductor-industry-is-leaping-into-the-future/> (дата обращения: 30.01.2024).

²¹ Japan, U.S. to deepen economic security ties amid supply disruptions. <https://english.kyodonews.net/news/2022/05/cc4325b3a20e-japan-us-to-deepen-semiconductor-alliance-amid-supply-crunch.html> (дата обращения: 30.01.2024).

В мае 2023 г. премьер-министр Кисида лично встретился с руководителями ведущих мировых полупроводниковых компаний – тайванской TSMC, американских Intel и Micron Technology, Inc., IBM Research, Applied Materials, Inc., корейской Samsung Electronics Co., Ltd., бельгийской iMEC²² – и заверилих, что правительство Японии предпримет общегосударственные усилия по дальнейшему увеличению прямых инвестиций в Японию и оказанию поддержки полупроводниковой промышленности. Руководители глобальных компаний в свою очередь декларировали намерение предпринять активные усилия в Японии²³.

Каковы же реальные достижения Японии в привлечении иностранного бизнеса в полупроводниковую промышленность в условиях, когда правительства крупных стран конкурируют за привлечение производителей полупроводников, чтобы обеспечить их стабильные поставки, и расширяют поддержку глобальных компаний за счет инвестирования огромных средств?

Иностранный бизнес в полупроводниковой промышленности Японии

По данным международных отраслевых ассоциаций, только в период с января 2022 по май 2023 г. крупнейшими мировыми производителями планируется и/или запущено 97 зарубежных инвестиционных проектов в области производства полупроводников *front end*²⁴, включая 29 новых, на общую сумму 867 млрд долл., (таб. 2), из которых на Японию приходилось всего 4,3%, основная же масса инвестиций направляется в США (39,4%)²⁵.

Данные, приведенные в публикации ДЖЭТРО, весьма показательны, но все же не исчерпывающи для оценки активности ведущих мировых производителей полупроводников на японском рынке. Рассмотрим ситуацию на конкретных примерах, которые представляются вполне репрезентативными, поскольку речь пойдет о ведущих мировых компаниях, которых на глобальном рынке совсем немного, и их долговременных и весьма дорогостоящих проектах.

²² iMEC (Interuniversity Microelectronics Centre) – международный микро- и наноэлектронный научно-исследовательский центр в Лёвене (Бельгия) с филиалами в Нидерландах, на Тайване, в Китае, Индии, США и Японии. Интересно отметить, что принимавший участие во встрече с премьер-министром Кисида исполнительный вице-президент imec Макс Мирголи ранее был одним из топ-менеджеров компании Мацусита дэнки (Панасоник). <https://www.imec-int.com/en/about-imec/history>

<https://www.imec-int.com/en/imec-magazine/imec-magazine-january-2017/vision-helping-companies-small-and-big-translate-innovative-ideas-into-market-ready-solutions> <https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F:imec?ysclid=lrgevamfkd603454807> (дата обращения: 30.01.2024).

²³ METI Minister Nishimura Attends Meeting to Exchange Views with the Senior Executives of Global Semiconductor Companies. https://www.meti.go.jp/english/press/2023/0518_002.html Exchange of Views with the Senior Executives of the Global Semiconductor Companies. https://japan.kantei.go.jp/101_kishida/actions/202305/18ikenkoukan.html (дата обращения: 30.01.2024).

²⁴ Процесс производства полупроводников включает: 1). проектирование схемы, производство фотошаблонов, необходимых для изготовления схем, 2). интерфейсный процесс (front end): на кремниевой пластине, сотни полупроводников выстраиваются в линию для создания крупномасштабной интегральной схемы LSI и серверный процесс (back-end process); 3). разрезание пластины для отделения полупроводника и завершения полупроводниковой схемы. Вырезанные полупроводники фиксируются, а клеммы прикрепляются или покрываются смолой. Источник: сайт компании Matsusada Precision Inc. https://www.matsusada.com/column/sc_mfg_proces-front-end.html (дата обращения: 30.01.2024).

²⁵ Эксперты ДЖЭТРО связывают это с принятием в 2022 г. в США законом о чипах, который нацелен на «укрепление американского производства, цепочек поставок и национальной безопасности, а также будет способствовать инвестициям в исследования и разработки, науку и технологии» и предусматривает выделение крупных субсидий производителям чипов. JETRO Global Trade and Investment Report 2023, с. 20. https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/white_paper/trade_invest_2023_rev2.pdf ;

<https://www.rbc.ru/politics/09/08/2022/62f29bf89a794775ce7df3f8?ysclid=lrizflkxml47396833&from=copy> (дата обращения: 30.01.2024).

Таблица 2. Инвестиционные проекты в сфере производства полупроводников

(Billions USD)			
Company (headquarters location)	Date of publication	Investment destination	Amount invested
TSMC (Taiwan)	November 2022	US	280.0
Vedanta Resources (UK)	September 2022	India	195.0
Intel (US)	March 2022	Ireland	133.7
UMC (Taiwan)	February 2022	Singapore	50.0
Global Wafers (Taiwan)	February 2022	US	50.0
Micron Technology (US)	May 2023	Japan	37.0
IGSS Ventures (Singapore)	June 2022	India	32.2
ISMC (International Federation of Companies) (Israel)	May 2022	India	30.0
Infineon Technologies (Germany)	February 2022	Malaysia	22.0
STMicroelectronics (Switzerland)	July 2022	France	13.7
Merck (Germany)	April 2023	US	12.8
On Semi (US)	July 2022	Korea	10.0

Источник: JETRO Global Trade and Investment Report 2023, p. 20. https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/white_paper/trade_invest_2023_rev2.pdf (дата обращения: 30.01.2024).

Тайваньская компания в префектуре Кумамото

Крупнейший в мире производитель микросхем для широкого спектра отраслей промышленности и устройств (50% мирового рынка) TSMC²⁶ в 2021 г. выбрала Японию в качестве зарубежной площадки и создала дочернюю Japan Advanced Semiconductor Manufacturing, Inc. (JASM) в Кумамото с участием японской Sony Semiconductor Solutions Corporation (SSS) в качестве миноритарного акционера (20%)²⁷. В 2022 г. началось строительство предприятия по производству пластин в Кикүё²⁸, преф. Кумамото (стоимость проекта 8,6 млрд долл.), в которое помимо TSMC и SSS²⁹ инвестирует японский производитель автомобильных компонентов Denso Corp³⁰ и японское правительство.

TSMC планирует производить на этом заводе «зрелые» чипы 28 нм и 22 нм, технологии изготовления которых были разработаны уже более десяти лет назад, и пока речь не идет о производстве самых передовых чипов: 5 нм, 4 нм, 3 нм, 2 нм. По-видимому, политика тайваньской компании предполагает, что ультрасовременные микрочипы будут производиться на своем острове.

²⁶ Taiwan Semiconductor Manufacturing Co.

²⁷ TSMC to Build Specialty Technology Fab in Japan with Sony Semiconductor Solutions as Minority Shareholder. <https://www.sony-semicon.com/en/news/2021/2021110901.html> (дата обращения: 30.01.2024).

²⁸ Кикүё – небольшой городок (*мату*) в уезде Кикүти преф. Кумамото неподалеку от г. Кумамото.

²⁹ Корпорация Sony намерена в будущем использовать данную площадку для производства датчиков изображений для камер смартфонов и другой электроники.

³⁰ DENSO будет владеть миноритарной долей в Japan Advanced Semiconductor Manufacturing Inc (JASM) и инвестирует в JUST 350 миллионов долларов США, приобретая до 10% акций организации. – DENSO Holds Minority Stake in «pipeline» Japanese Semiconductor Manufacturing Company. <https://www.techgenyz.com/denso-holds-minority-stake-jasm/> (дата обращения: 30.01.2024).

Условия и ход строительства. Строительство завода TSMC в преф. Кумамото продвигалось быстрыми темпами, и в феврале 2024 г. раньше намеченного срока состоялась церемония открытия его первой очереди. В течение 2024 г. планируется начать массовое производство продукции³¹. По мнению аналитиков, этот прогресс резко контрастирует с проектом TSMC в американском штате Аризона, который отстает от графика примерно на год³². В Аризоне TSMC приходится с нуля формировать всю инфраструктуру, сталкиваясь с многочисленными бюрократическими препонами и ограничениями в отношении земли, электроэнергии, воды и рабочей силы³³. Корпоративные культуры Японии и Тайваня во многих отношениях ближе друг к другу, чем тайваньская и американская³⁴.

Японские власти оперативно адаптируют законодательство и быстрее предоставляют субсидии, чем американские. По крайней мере, из предполагаемых 8 млрд долл., которые TSMC и партнеры вложат в строительство предприятия в Кумамото, власти Японии готовы покрыть субсидиями 3,5 млрд (что составит около 40% от всей суммы инвестиций).

В США же власти пока не приступили к распределению субсидий (в соответствии с так называемым Законом о чипах), предоставление которых сопровождается разного рода обременительными условиями, в частности запретом на расширение производственных мощностей в КНР сроком на 10 лет с момента получения субсидий³⁵.

Кроме того, от себя напомним, что Япония остается мировым лидером по производству материалов и оборудования для полупроводникового производства, поэтому здесь у тайваньской компании, вероятно, не будет проблем с поставщиками. К тому же конкурентным преимуществом Японии является географическая близость к Тайваню.

Говоря об условиях деятельности TSMC в Японии нельзя обойти стороной и позицию местных властей префектуры Кумамото, города Кумамото и городка Кикию.

Выбор тайваньской компанией для строительства предприятия именно преф. Кумамото объясним. Соображения стабильности – это характеристика Японии в целом, выбор же Кумамото обусловлен совокупностью локальных характеристик. В Кумамото сконцентрировано множество компаний, связанных с полупроводниками, а также университетов и научно-исследовательских институтов, которые обеспечивают человеческие ресурсы и создают возможности для НИОКР. Остров Кюсю иногда называют «силиконовым островом», индустрия электронных компонентов здесь получила заметное ускорение в период реализации общенациональной программы «Технополис» – начиная с 1980-х гг. Поэтому

³¹ TSMC's Kumamoto plant opens as most advanced fab in Japan. <https://focustaiwan.tw/business/202402240008> (дата обращения: 01.07.2024).

³² Foster S. Outbound TSMC thriving in Japan, stalling in US. Taiwanese chipmaker's expansion in Kumamoto, Japan is right on course while fab plan for Arizona bogs down in labor issues. Asia Times. October 6, 2023. <https://asiatimes.com/2023/10/outbound-tsmc-thriving-in-japan-stalling-in-us/> (дата обращения: 30.01.2024).

³³ Sam Nussey S., Potkin F., Wu S. TSMC prizes Japan's chips skills after US stumbles, sources say. September 13, 2023. <https://www.reuters.com/technology/tsmc-prizes-japans-chips-skills-after-us-stumbles-sources-2023-09-12/> (дата обращения: 30.01.2024).

³⁴ Интересная информация: по данным представителей одной из компаний, которая занималась монтажом оборудования во всех трех регионах, если на Тайване можно при помощи подъемных механизмов и строительной техники установить несколько единиц оборудования буквально за несколько часов, то в Японии на это уйдет несколько дней, а в США и вовсе будет потрачено больше недели. – Строительство фабрики чипов TSMC в Японии опередило график (по материалам Nikkei Asian Review). <https://3dnews.ru/1093964/stroitelstvo-predpriyatiya-tsmc-v-yaponii-vedyotsya-s-operegeniem-grafika> (дата обращения: 30.01.2024).

³⁵ Строительство фабрики чипов TSMC в Японии опередило график (по материалам Nikkei Asian Review). <https://3dnews.ru/1093964/stroitelstvo-predpriyatiya-tsmc-v-yaponii-vedyotsya-s-operegeniem-grafika> (дата обращения: 30.01.2024). TSMC prizes Japan's chips skills after US stumbles, sources say. By Sam Nussey, Fanny Potkin and Sarah Wu. September 13, 2023. <https://www.reuters.com/technology/tsmc-prizes-japans-chips-skills-after-us-stumbles-sources-2023-09-12/> (дата обращения: 30.01.2024).

одним из несомненных достоинств префектуры может являться изобилие поставщиков многих необходимых компонентов.

Власти г. Кикуюэ связывают со строительством предприятия TSMC надежды на превращение своего города в «цифровой город-сад», как это было сформулировано в седьмом комплексном плане развития города, принятом в 2023 г. Поэтому город готов решать такие вопросы, как борьба с пробками на дорогах, улучшать спортивную и образовательную среду, «обеспечивать мультикультурное сосуществование»³⁶.

Префектура Кумамото и ее столица – г. Кумамото также стремятся создать благоприятные условия для компании TSMC. Акира Кудо, специалист по обзору инвестиций в бюро по экономическим вопросам г. Кумамото заявил, что префектура и город будут сотрудничать, чтобы улучшить транспортировку сотрудников TSMC и членов их семей и обеспечивать устойчивое водоснабжение компании. В префектуре и городе были созданы сервисные центры для предоставления консультаций тайваньцам, желающим начать там бизнес. Более того, некоторые японские финансовые учреждения и банки начали взаимодействовать с тайваньскими корпоративными клиентами в этих областях, включая предоставление кредитов и консультационных услуг по подбору подходящих мест расположения предприятий и жилья для сотрудников. А как только строительство нового завода будет полностью завершено, префектура предоставит ему максимальный грант в размере 5 млрд иен³⁷.

Рабочие места и обеспечение персоналом. Высокое качество рабочей силы – одно из несомненных конкурентных преимуществ Японии в глазах потенциальных иностранных инвесторов.

Источники в отрасли сообщили: в TSMC считают, что работники в Японии, которая известна долгим рабочим днем и сильной приверженностью работодателям, с большей готовностью работают по жесткому графику со сверхурочными, и это очень важно, поскольку оборудование для производства чипов работает круглосуточно, т.к. повторная калибровка при перезагрузке обходится дорого³⁸.

Однако дисциплиной и лояльностью требования к работникам в данной высокотехнологичной отрасли не ограничиваются. Эксперты отмечают, что нехватка квалифицированных кадров характерна для всего мирового производства полупроводниковых компонентов, и в Японии она усугубляется демографическим фактором. Возраст специалистов, привлекаемых к созданию совместного предприятия TSMC в этой стране, в большинстве своем перевалил за 50-летний рубеж³⁹. Стремясь обеспечить предприятие высококвалифицированными кадрами, тайваньская компания даже готова предлагать более высокую заработную плату местному персоналу, конкурируя за квалифицированных работников с другими предприятиями отрасли, например японским Rapidus⁴⁰.

³⁶ 【公募型プロポーザル】第7期菊陽町総合計画策定支援業務委託 [koubo kata purpozaru] dai 7 ki kikuyoumachi sougoukeikaku sakutei shien gyoumitaku [Public proposal] 7th Kikuyo Town Comprehensive Plan Formulation Support Outsourcing 11 January, 2024. https://www-town-kikuyo-ig-jp.translate.google/kiji0034098/index.html?_x_tr_sl=ja&_x_tr_tl=en&_x_tr_hl=ja (дата обращения: 30.01.2024).

³⁷ TSMC Kumamoto fab expected to spur Taiwanese investment in Japan. <https://focustaiwan.tw/business/202309070018> (дата обращения: 30.01.2024).

³⁸ Nussey S., Potkin F., and Wu S. TSMC prizes Japan's chips skills after US stumbles, sources say. September 13, 2023. <https://www.reuters.com/technology/tsmc-prizes-japans-chips-skills-after-us-stumbles-sources-2023-09-12/> (дата обращения: 30.01.2024).

³⁹ Строительство фабрики чипов TSMC в Японии опередило график (по материалам Nikkei Asian Review). <https://3dnews.ru/1093964/stroitelstvo-predpriyatiya-tsmc-v-yaponii-vedyotsya-s-operegeniem-grafika> (дата обращения: 30.01.2024).

⁴⁰ Nussey S., Potkin F., and Wu S. TSMC prizes Japan's chips skills after US stumbles, sources say. September 13, 2023. <https://www.reuters.com/technology/tsmc-prizes-japans-chips-skills-after-us-stumbles-sources-2023-09-12/> (дата обращения: 30.01.2024).

По сообщению TSMC, планируемая общая численность сотрудников совместной компании JASM составит 1700 человек⁴¹, но это будет не только японский персонал. Привлекаются и сотрудники из Тайваня в количестве примерно 400 человек (плюс 750 членов семей), что на 20% больше первоначально запланированного числа. При этом в Японии компания, по-видимому, не сталкивается с проблемой противодействия профсоюзов в случае привлечения работников из Тайваня, как это происходит в Аризоне.

TSMC заблаговременно обучает нанимаемых в Японии местных специалистов, чтобы они в дальнейшем смогли работать на предприятии. Около 200 японских инженеров из Sony, переведенных на работу в JASM, уже прошли обучение на Тайване, 125 выпускников, которые присоединились к JASM в апреле 2023 г., учатся там⁴².

Если оценивать эффект от строительства предприятия TSMC для префектуры с точки зрения создания рабочих мест, то следует учитывать и сотни сотрудников подрядных организаций, которые будут снабжать будущее производство всем необходимым, а также и качественный аспект вопроса – повышение квалификации персонала.

В целом, можно сделать вывод, что проект TSMC в преф. Кумамото реализуется успешно, и тайваньская компания чувствует себя в Японии вполне комфортно. Самым главным подтверждением этому может служить решение TSMC расширять свои инвестиции в Японии (3 млрд долл., или более 3,2 трлн иен) и строить второе предприятие, поскольку производственные мощности TSMC недостаточны для удовлетворения растущего спроса, в том числе со стороны японских автомобилестроителей, производителей смартфонов и других электронных устройств⁴³. В заявлении TSMC говорится, что ее зарубежная экспансия зависит от таких факторов, как потребности клиентов, уровень государственной поддержки и оценки затрат⁴⁴.

Місрон в Японии

Активное проникновение американской корпорации Micron началось с приобретения в 2013 г. в полную собственность японской компании Elpida, которая годом ранее объявила себя банкротом (в 2014 г. название Elpida было заменено на Micron Memory Japan)⁴⁵. Micron Memory Japan Llc. занимается разработкой, дизайном и производством устройств памяти и хранения данных. Еще одна организация, Micron Japan Co., Ltd., отвечает за маркетинг и продажи⁴⁶.

⁴¹ Chiang, Jen-Chieh. TSMC's Japan fab progresses smoothly as employees move in. DIGITIMES Asia, Taipei. Wednesday 6 September 2023. <https://www.digitimes.com/news/a20230905PD212/ic-manufacturing-japan-tsmc.html> (дата обращения: 30.01.2024).

⁴² Nussey S., Potkin F., Wu S. TSMC prizes Japan's chips skills after US stumbles, sources say. September 13, 2023. <https://www.reuters.com/technology/tsmc-prizes-japans-chips-skills-after-us-stumbles-sources-2023-09-12/> (дата обращения: 30.01.2024).

⁴³ TSMC considering second chip plant in Kumamoto. Japan Times, Jun 6, 2023. <https://www.japantimes.co.jp/news/2023/06/06/business/japan-taiwan-kumamoto-tsmc-chips/> (дата обращения: 30.01.2024). TSMC's Japanese factory will enter the mass production for chipsets next year. Oct. 31, 2023. <https://gsmchina.com/tsmcs-japan-will-enter-the-mass-production-5364/> (дата обращения: 30.01.2024)

⁴⁴ Nussey S., Potkin F., Wu S. TSMC prizes Japan's chips skills after US stumbles, sources say. September 13, 2023. <https://www.reuters.com/technology/tsmc-prizes-japans-chips-skills-after-us-stumbles-sources-2023-09-12/> (дата обращения: 30.01.2024).

⁴⁵ Micron Closes Elpida Acquisition. <https://www.eetimes.com/micron-closes-elpida-acquisition/> (дата обращения: 30.01.2024).

⁴⁶ Igai to shirarete inai? Kyodai handoutai kaisha maikuron no nihon to no tsunagari [Surprisingly not known? The connection between Micron and Japan, a giant semiconductor company] Интервью Харада Хиромаса, директора по продажам в Японии и Корею японского подразделения Micron Technology, Micron Japan. <https://ascii.jp/elem/000/004/050/4050158/> 8 April 2021. (дата обращения: 30.01.2024).

Micron имеет в Японии три бизнес-площадки – завод в Хиросиме (это бывший завод NEC, который ранее использовался Elpida для производства памяти на базе DRAM), инженерный центр в Хасимото (преф. Канагава) и главный офис в Токио⁴⁷. Что касается масштабов присутствия Micron в Японии, то они характеризуются следующими данными. С 2013 г. Micron инвестировала в Японию более 13 млрд долл. В организациях Micron в Японии работает более 4 тыс. человек и за последние 5 лет компания наняла около 1500 новых сотрудников. Предприятие в Хиросиме обеспечивает почти 10% мировых поставок чипов динамической оперативной памяти DRAM⁴⁸, поставляет примерно треть DRAM, используемой Японией в важнейших отраслях промышленности – от автомобилестроения до производства медицинского оборудования, а также в центрах обработки данных и инфраструктуре 5G. В инженерном центре Hashimoto ведутся самые передовые разработки DRAM⁴⁹.

Micron, по-видимому, рассматривает Японию в качестве одной из важнейших и перспективных производственных баз в условиях, когда приоритетом корпоративной стратегии становится обеспечение стабильных цепочек поставок полупроводников. Немаловажным преимуществом станет и предложенная правительством Японии субсидия в 46,5 млрд иен (332 млн долл.) для увеличения производственных мощностей предприятия Micron.

В ноябре 2022 г. Micron начала массовое производство самых современных высокопроизводительных чипов DRAM 1-бета-версии на заводе в Хиросиме. Показательно, что присутствовавшие на церемонии запуска производства в Хиросиме Посол США в Японии Рам Эмануэль и японские официальные лица в своих выступлениях подчеркивали растущее политическое значение сотрудничества в области производства полупроводников⁵⁰.

Micron также намерена инвестировать 3,6 млрд долл. для внедрения (в 2025 г.) на предприятии в Хиросиме технологии EUV-литографии для производства чипов DRAM 1-гамма-версии, и компания снова рассчитывает на поддержку со стороны японского правительства⁵¹. Представители компании заявили, что Министерство экономики, торговли и промышленности Японии в последние годы оказывало существенную инвестиционную поддержку, которая позволила заложить прочную основу для создания мощностей по выпуску новейших чипов в стране, устойчивых каналов снабжения и развития цифровой экономики:

«Мы гордимся тем, что станем первой использующей технологии жесткого ультрафиолета (EUV) компанией в Японии, которая разработает и будет производить чипы «1-гамма» в Хиросиме. Наши планы отражают последовательную приверженность Японии, крепким отношениям с японским правительством и невероятному таланту нашей хиросимской команды»⁵².

⁴⁷ <https://jp.micron.com/in-japan> (дата обращения: 30.01.2024).

⁴⁸ Micron and Partners Drive Semiconductor Progress with US-Japan Initiative to Strengthen Workforce and R&D May 22, 2023. <https://www.enterpriseai.news/2023/05/22/micron-and-partners-drive-semiconductor-progress-with-us-japan-initiative-to-strengthen-workforce-and-rd/#:~:text=Hiroshima%2C%20Japan%2C%20May%2022%2C%202023,students%20studying%20a%20semiconductor%20curriculum>. (дата обращения: 30.01.2024).

⁴⁹ Micron to Bring EUV Technology to Japan, Advancing Next-Generation Memory Manufacturing <https://www.globenewswire.com/news-release/2023/05/18/2671578/0/en/Micron-to-Bring-EUV-Technology-to-Japan-Advancing-Next-Generation-Memory-Manufacturing.html> (дата обращения: 30.01.2024).

⁵⁰ Micron launches mass output of advanced chip in Japan. <https://www.reuters.com/technology/micron-launches-mass-output-advanced-chip-japan-2022-11-16/> (дата обращения: 30.01.2024).

⁵¹ Micron, Kyocera and Samsung инвестируют миллиарды в производство чипов в Японии 18.05.2023. (по материалам The Register) <https://3dnews.ru/1086969/publikatsiya-1086969> (дата обращения: 30.01.2024).

⁵² Micron вложит \$3,7 млрд в EUV-производство новейшей памяти в Японии. 18.05.2023. <https://russianelectronics.ru/2023-05-18-micron/> (дата обращения: 30.01.2024).

По мнению аналитиков, для Micron развитие производства на территории Японии может стать своего рода «компенсацией» угрозы запрета на продажу карт памяти в Китае (рынок КНР обеспечивает 11% выручки компании): в 2023 г. власти КНР начали расследование в отношении продукции Micron, которую подозревают в наличии угроз для информационной безопасности⁵³. Таким образом, можно предположить, что Япония рассматривается не только как надежная производственная площадка, но и как перспективный рынок сбыта.

Стоит отметить, что пример ведущих мировых компаний может иметь демонстрационный и мультипликационный эффект с точки зрения привлечения на рынок и других компаний, «популяризации» национального рынка. Так, вслед за тайваньскими и американскими корпорациями *Samsung Electronics* объявила о намерении построить новый полупроводниковый исследовательский центр по усовершенствованной «упаковке» чипов⁵⁴ в Йокогаме (где у нее уже есть центр исследований и разработок) с целью углубления связей с японскими производителями оборудования и материалов для производства микросхем. Планируемые инвестиции составят около 40 млрд иен (280 млн долл.) в течение пяти лет. МЭТП Японии готово предоставить Samsung субсидии на сумму до 20 млрд иен⁵⁵.

Rapidus: полупроводниковый кластер на Хоккайдо

Еще одним привлекательным местом для иностранных полупроводниковых компаний, по-видимому, может стать остров Хоккайдо, где японская корпорация Rapidus⁵⁶ в сентябре 2023 г. начала строительство своего завода (пилотное производство должно начаться в 2025 г., а в 2027 г. завод должен выйти на проектную мощность). Принципиально важным является то, что на предприятии планируется производить 2-нм микрочипы, т.е. японская компания намерена начинать сразу с самой передовой продукции. По мнению экспертов, такой подход отличается от стратегии мировых лидеров (Intel, Samsung, TSMC), которые постепенно продвигались по пути технологического прогресса отрасли.

Rapidus намерена вести исследования и разработки в партнерстве с американской IBM, а также бельгийским исследовательским институтом imec⁵⁷.

Амбициозные планы правительства Японии и корпорации Rapidus, по заявлению генерального директора корпорации Коикэ Ацуёси, состоят в том, чтобы «создать “Долину

⁵³ Micron вложит \$3,7 млрд в EUV-производство новейшей памяти в Японии. 18.05.2023. <https://russianelectronics.ru/2023-05-18-micron/> (дата обращения: 30.01.2024).

⁵⁴ Упаковка интегральной схемы (chip packaging) или корпусирование ИС – это заключительный этап изготовления полупроводникового устройства, когда матрица помещается в поддерживающий корпус, предотвращающий физическое повреждение и коррозию. Корпус, известный как «упаковка», поддерживает электрические контакты, которые соединяют устройство с печатной платой.

⁵⁵ По информации Nikkei, стоимость объекта составит более 30 млрд иен (221 млн долл.), правительство Японии предоставит субсидии на сумму более 10 млрд иен. Операции планируется начать в 2025 г. Samsung plans chip development facility in Japan: report. <https://www.japantimes.co.jp/news/2023/05/14/business/corporate-business/samsung-japan-chip-factory/> (дата обращения: 30.01.2024).

⁵⁶ Rapidus – созданная при поддержке крупными японскими промышленными, телекоммуникационными и финансовыми корпорациями (Toyota Motor Corp, Sony Group Corp, NEC Corp, SoftBank Corp, Nippon Telegraph and Telephone Corp, Kioxia Corp, Denso Corp и MUFG Bank Ltd.) и при поддержке правительства корпорация для разработки и производства полупроводников нового поколения. Инвестиции каждого из участников составляют примерно 7 млн долл., MUFG Bank Ltd. – 2,2 млн долл. Власти Японии вложат в производство полупроводников два миллиарда долларов. <https://1prime.ru/world/20230425/840464157.html?ysclid=lruob0tq341368862> (дата обращения: 30.01.2024).

⁵⁷ Rapidus joins imec's Core Partner Program. <https://siliconsemiconductor.net/article-gen/116464> (дата обращения: 30.01.2024).

Хоккайдо», простирающуюся от Томакомай до Исикари, которая сможет конкурировать по размерам с Силиконовой долиной». При этом руководство корпорации рассчитывает на привлечение иностранных исследовательских и производственных компаний в регион: «калифорнийская Lam Research Corp и бельгийский исследовательский центр микроэлектроники imes – не единственные, кто открывает подразделения на Хоккайдо...»⁵⁸.

Заключение

Исследование реальных примеров работы иностранного бизнеса в Японии позволяет сделать ряд выводов и предположений относительно современных подходов к оценке инвестиционного климата в Японии, значимости для Японии иностранных инвестиций и в более широком плане – присутствия иностранных компаний в Японии.

Проблема привлечения ПИИ в страну в современных условиях обретает особую значимость и тесно увязывается с обеспечением экономической безопасности, в том числе в части поставок критически важных электронных компонентов.

Использование глобальными компаниями стратегий френдшоринга создает для Японии уникальный шанс для привлечения высококачественных и высокотехнологичных инвестиций. И этот шанс страна, по-видимому, намерена использовать, делая ставку на обеспечение «предсказуемости» в глазах иностранных инвесторов, наряду с такими преимуществами как наличие квалифицированной рабочей силы, развитой инфраструктуры, сети высококачественных поставщиков. К этому следует добавить высокий и растущий спрос на электронные компоненты со стороны национальной промышленности.

Конечно, важнейшим фактором, делающим японский рынок привлекательным для ведущих компаний полупроводниковой отрасли, становится довольно значительная и, как показывает практика, легко доступная финансовая помощь со стороны японского правительства. А это, в свою очередь, определяется тем, что политика привлечения ПИИ тесно координируется с политикой страны по возрождению полупроводниковой промышленности. При этом правительство делает ставку на привлечение самых передовых компаний, о чем свидетельствует, в частности, состав участников встречи премьер-министра Японии с представителями бизнеса по производству электронных компонентов, а также действия правительства в рамках экономической дипломатии.

Вместе с тем показательно, что привлечение передовых иностранных производителей в отрасль рассматривается правительством и японскими компаниями как один инструментов развития отрасли – для приобретения нового опыта в организации производства, подготовки кадров и обеспечения текущих потребностей промышленности в электронных компонентах для производства электроники и автомобилей. Но одновременно Япония работает и на опережение, о чем свидетельствует организация консорциума японских компаний Rapidus, предприятие которого в составе будущего кластера будет производить самые передовые виды чипов, в отличие от предприятий иностранных компаний, которые в Японии ограничиваются «зрелой» продукцией.

⁵⁸ Start-up spending billions to create Japan's own TSMC. <https://www.taipeitimes.com/News/biz/archives/2023/09/13/2003806139> (дата обращения: 30.01.2024).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Тимонина И.Л. Япония. Опыт регионального развития – Москва: Наука. 1992;

Тимонина И.Л. «Технополис» – программа регионального и научно-технического развития Японии. Япония. Ежегодник. Москва.1989.

REFERENCES

Timonina, I.L. (1989). «Tekhnopolis» – programma regional'nogo i nauchno-tekhnicheskogo razvitiya Yaponii [“Technopolis” – Japan’s Regional and Scientific and Technical Development Program]. *Yearbook Japan*, 109–123. (In Russian).

Timonina, I.L. (1992) Yaponiya. *Opyt regional'nogo razvitiya* [Japan. Regional Development Experience]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Поступила в редакцию: 05.02.2024

Received: 05 February 2024

Принята к публикации: 23.04.2024

Accepted: 23 April 2024

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-100-112

Образ дракона в японской культуре: генезис и семантика

Н.Н. Изотова

Аннотация. В статье рассматриваются генезис, семантика и функции образа дракона в японской культуре. Актуальность работы обусловлена повышенным вниманием современных исследователей к базовым ценностям локальных культур, вопросам символики, неразрывно связанной с проблемами национальной самоидентификации. Методологическую базу статьи составил структурно-семиотический подход, на основе которого анализировалось ценностное содержание образа дракона, описательно-аналитический метод и метод когнитивной интерпретации семантики языковых средств, вербализирующих образ дракона в японском языке. В отличие от западной традиции, в культуре народов Восточной Азии дракон – почитаемый и значимый символ могущества, силы и власти. В мифотворчестве разных народов наблюдаются похожие сюжеты, истории о драконах встречаются в древних текстах как индуизма, так и буддизма. Установлено, что на становление и эволюцию культа дракона в Японии оказали влияние представления о мифических китайских драконах, индийских змеях нага, а также вера в драконов как божеств водной стихии. Автор рассматривает эволюцию образа дракона в различные исторические эпохи, влияние культурно-исторических, природных и религиозных факторов на его трансформацию. Показано, что в средневековой Японии дракон считался защитником буддизма, олицетворял силу, мудрость, процветание, удачу, образы драконов стали органичным элементом буддийской культуры. Особое внимание уделено особенностям дракона как знака китайского зодиакального календаря, анализу его образа в японской мифологии, сказках и легендах, в древних литературных памятниках «Хитати-Фудоки», «Кодзики», «Нихон сёки». В мифологической картине мира японцев дракон амбивалентен и имеет как положительные, так и отрицательные черты. Выявлено, что образ дракона занимает важное место в японской традиционной культуре, живописи, архитектуре, декоративно-прикладном искусстве, календарных праздниках, широко представлен в пословицах и поговорках, устойчивых словосочетаниях и идиомах. Обращение к японской фразеологии позволило расширить базу исследования и выявить совокупность представлений о драконе в мировоззрении носителей японского языка. Автор приходит к выводу, что в настоящее время образ дракона в Японии утратил сакральное значение и используется преимущественно как дань традиции.

Ключевые слова: Япония, культура, семантика, образ дракона, легенды, мифы, зодиак, повелитель водной стихии.

Автор: Изотова Надежда Николаевна, доктор культурологии, профессор кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, МГИМО МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76). ORCID: 0000-0002-2817-004X; E-mail: n.izotova@my.mgimo.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Изотова Н.Н. Образ дракона в японской культуре: генезис и семантика // Японские исследования. 2024. № 2. С. 100–112. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-100-112

Dragon images in Japanese culture: Genesis and semantics

N.N. Izotova

Abstract. The article deals with the genesis, semantics, and functions of the dragon image in Japanese culture. The relevance of the study is due to the increased attention of researchers to the basic values of local cultures, issues of symbolism, inextricably linked to the problems of national self-identification. The methodological basis of the study is the structural-semiotic approach, which was used to analyze the value content of the dragon image, the descriptive-analytical method, and the method of cognitive interpretation of the semantics of linguistic means verbalizing the dragon image in the Japanese language. In contrast to the Western tradition, in the culture of the peoples of East Asia, a dragon is a revered and significant symbol of power, strength, and authority. Stories about dragons are found in ancient texts of both Hinduism and Buddhism. It is established that the formation and evolution of the dragon cult in Japan was influenced by the mythical Chinese dragons, Indian Naga snakes, and the belief in dragons as deities of the water element. The author examines the genesis and evolution of the dragon image in different historical epochs, the influence of cultural-historical, natural, and religious factors on its transformation. It is shown that, in medieval Japan, the dragon was considered the protector of Buddhism, personifying strength, wisdom, prosperity, good luck, and images of these mythical creatures became an organic element of Buddhist culture. Particular attention is paid to the analysis of the image of the dragon as a sign of the Chinese zodiacal calendar, the representations of dragons in Japanese mythology, fairy tales and legends, in *Hitachi-Fudoki*, *Kojiki*, *Nihon shoki*. In the mythological picture of the world of the Japanese, the dragon is ambivalent and has both positive and negative features. It is revealed that the image of the dragon occupies an important place in Japanese traditional culture, painting, architecture, arts and crafts, calendar holidays, is widely represented in proverbs and sayings, word combinations and idioms. The reference to Japanese phraseology allowed to expand the base of the study and to reveal the totality of ideas about the dragon in the worldview of native speakers of the Japanese language. The author concludes that, nowadays, the image of the dragon in Japan has lost its sacral significance and is mainly used as tribute to tradition.

Keywords: Japan, culture, semantics, dragon image, legends, myths, zodiac, water deities.

Author: *Izotova Nadezhda N.*, Doctor of Cultural Studies, Professor at the Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian Languages, Moscow State Institute of International Relations (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-2817-004X; E-mail: n.izotova@my.mgimo.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Izotova, N.N. (2024). *Образ дракона в японской культуре: генезис и семантика* [Dragon images in Japanese culture: Genesis and semantics]. *Японские исследования* [Japanese Studies in Russia], 2024, 2, 100–112. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-100-112

Введение

Драконы упоминаются в легендах, мифах, фольклоре всех времен и народов. «Образ дракона характерен для относительно поздней стадии развития мифологии: он представлен главным образом в мифологиях ранних государств (Шумера, Египта, Угарита, Индии, Греции, Китая, Японии, Мексики), в большинстве которых хозяйство было основано на искусственном орошении... предполагается, что в образе дракона соединяются образы животных, первоначально воплощавших два противоположных и отличных от земного мира – верхний (птицы) и нижний (змеи и другие пресмыкающиеся)» [Мифы народов

мира... 1994, с. 394]. В мифах о сотворении мира жестоких могущественных драконов одолевают боги. Распространенный мифологический сюжет – битва со змееподобным чудовищем: бой Ясона с драконом в сказании об аргонавтах, победа Геракла над лернейской гидрой, освобождение Персеем Андромеды, отданной на съедение морскому чудовищу, умерщвление дракона Фафнира Сигурдом, победа Святого Георгия Победоносца над драконом и спасение царской дочери. В христианской символике дракон ассоциируется с дьявольским началом. В Откровении Иоана Богослова повествуется о знамени, которое явилось на небе: «Большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадим» (Откр. 12:3). Победу над драконом одержал Архангел Михаил, вступивший с ним в битву: «И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним» (Откр. 12:9).

Как указывает Ганс Бидерман, «драконы часто ассоциируются со стихией огня и изображаются изрыгающими огонь, воспринимаются как исчадия первобытного хаоса, которых можно уничтожить лишь с помощью силы» [Бидерман 1996, с. 76]. Убийство дракона символизирует неизбежную победу добра над злом, света над тьмой, добродетели над грехом. В русской православной культуре образ дракона также является воплощением зла, нечистой силы. В русском фольклоре огнедышащего «лютого», «подлого» Змея Горыныча, похитителя красавиц, всегда побеждают богатыри.

В противоположность западной традиции в культуре народов Восточной Азии дракон – почитаемый символ могущества, силы и власти. «В древнекитайской картине мира он представляет первосущество ян, т.е. персонифицирует размножение, плодородие и активность, и благодаря этому часто становится мотивом декора с функцией защиты от демонов. Во многих легендах и сказках драконы играют доминирующую роль, а в изобразительном искусстве и художественных промыслах они становятся основным сюжетом» [Бидерман 1996, с. 76].

Цель статьи – рассмотреть образ дракона в японской культуре. Для достижения поставленной цели предполагается определить роль драконов в культуре народов Восточной Азии, обозначить истоки происхождения японского дракона и выявить его отличительные черты, проанализировать особенности дракона как знака китайского зодиакального календаря, изучить его образ в древних летописях и текстах *фудоки*, фольклоре, мифологии, описать роль в искусстве, календарных праздниках и повседневной жизни.

Драконы в восточных культурах. Отличительные особенности японского дракона

Как утверждают китайские исследователи, образ дракона со всеми его функциями существовал уже 8 тыс. лет назад на территории нынешней провинции Ляонин, откуда распространился в центральную часть современного Китая. Затем, когда этнические группы (числом более сорока), чьим тотемом был дракон, объединились и привели образ к общему знаменателю, устранив разночтения по поводу его внешнего облика, готовый «на экспорт» дракон отправился в Японию, в страны Юго-Восточной Азии [Сомкина 2010, с. 30–31].

Многие из легенд и мифов, связанных с драконами, являются универсальными для различных регионов. Это обусловлено действием общих законов в развитии традиционных укладов жизни древних людей, влиянием природного окружения. «Ни одно из мифических существ не является столь же обычным для дальневосточного искусства и литературы, как дракон. Интересно заметить, что в Японии три различных вида драконов – индийского, китайского и японского происхождения – обнаруживаются бок о бок. Для поверхностного наблюдателя все они относятся к одному классу божеств воды, насылающих дождь, гром

и бурю, но внимательное исследование показывает, что они отличаются друг от друга» [Фиссер 1913, с. 2].

На генезис и эволюцию культа дракона в Японии оказали представления о мифических китайских драконах и индийских змеях нага. У китайского дракона «...голова верблюда, рога оленя, глаза зайца, чешуя карпа, лапы тигра и когти орла. Кроме того, у него есть усы, ярко блестящий драгоценный камень под подбородком и гребень на макушке, позволяющий ему подниматься на Небо, когда он этого захочет» [Фиссер 1913, с. 200]. Драконы могут быть женского и мужского пола: «Рога дракона-мужчины волнистые, вогнутые, крутые; они сильные наверху, но становятся очень тонкими внизу. У дракона-женщины прямой нос, круглая грива, тонкие чешуйки и сильный хвост» [Фиссер 1913, с. 39].

Некоторые исследователи [Хэдленд 2008; Gould, 2002] пытались отличить японских драконов от китайских по количеству когтистых пальцев на лапах. Чарльз Гоулд писал, что в Японии дракон неизменно изображается с тремя пальцами, тогда как в Китае у него их четыре или пять, в зависимости от того, является ли он обычным или императорским. В Японии бытует мнение, будто трехпалый японский дракон наращивал когти по мере удаления от Японии: попав в Корею, он обзавелся четырьмя когтями, а попав в Китай – пятью. Однако драконы с тремя когтями также происходят из Китая: их изображения украшали одеяния эпохи Тан (618–907). В качестве символа китайской императорской власти дракон утвердился в эпоху Сун (960–1279); впоследствии пятипалых драконов стали изображать на одежде и предметах быта императора, четырехпалых – чиновников высокого ранга ¹.

В синтоизме дракон (龍 *рю*: или 竜 *тацу*) ассоциируется с дождем, водоемами, морем. В сельскохозяйственных культах драконам отводилась важная роль. По поверьям, в водоемах обитают водные духи-призраки Мидзути (蛟 или 虯), которые могут вызывать обильные дожди. Этимология термина восходит к старинному слову みつち *миццутти* (ми ми – вода, ццу – показатель родительного падежа, ち *ми* – змея). Обычно Мидзути описывают как змееподобное существо, которое живет в воде, имеет рога и конечности и вредит людям, извергая яд. Размеры Мидзути могут достигать 24 метров ².

Считается, что драконы могут вызывать штормы и тайфуны, наводнения, торнадо. Выражение «водяной смерч» 竜巻 *тацумаки* в дословном переводе означает «свиток дракона». Чтобы избежать засухи или добиться прекращения ливней, проводили ритуалы по умиротворению повелителей водной стихии, а в рыбацких деревнях, у водоемов, где, по поверьям, обитал бог-дракон, молились об обильном улове. «В древних японских анналах часто говорится об убийственных засухах, приводивших страну в состояние голода и нищеты. Их считали божественным наказанием, или, в любом случае, бедствием, которое можно было остановить исключительно искренними молитвами и подношениями тем же божествам. В особенности старые речные боги в форме драконов («речные дяди», 河伯 *кава-но ками*) с древних времен считались приносящими дождь, и их умоляли не устранять свое благословение с пересохшей и страдающей земли» [Фиссер 1913, с. 84]. «...существовало шестнадцать синтоистских святилищ, божествам которых поклонялись ради вызывания или прекращения дождей» [Фиссер 1913, с. 86]. До сих пор сохранился особый набор архаичных верований, который называется «вера в бога-дракона» (龍神信仰 *рю:дзин синко:*). Как правило, приверженцы этих верований практикуют молитвы о дожде или прекращении ливней, спокойном море или обильном улове ³.

¹ Dragons in Japanese Culture – Kaito Japan Design. <https://kaitojapandesign.com/blogs/japanese-dragon/dragon-in-japanese-culture> (дата обращения 10.01.2024).

² Mizuchi to wa? Imi to tsuikata [Что такое Мидзути? Значение и использование слова]. <https://kotobank.jp/word/蛟-637987> (дата обращения 15.01.2024).

³ Mukaeru 2024 nen wa tatsu (ryū) nen. Ryūjin-sama o matsuru Nihon no ryūjin shinkō, ryū jinja to wa? [2024 год – год Дракона. Что такое «вера в бога-дракона», «храмы дракона»?]. <https://prtimes.jp/main/html/rd/p/000000010.000116710.html#> (дата обращения 1.02.2024).

Как отмечает историк Курода Хидэо, образ дракона – неотъемлемая часть средневековой истории Японии. В эпоху Хэйан этот образ трактовался согласно «учению об инь и ян» (陰陽道 *аммё:до:*) и опять-таки связывался с водной стихией и с обрядами вызывания либо прекращения дождя. По поверьям, драконы могли также вызывать землетрясения. Кроме того, боги-драконы считались защитниками японцев. Во времена кризисов, например, в пору нашествия хана Хубилая на Японию в 1274 г., боги в облике драконов, как считалось, вели кровавую битву, чтобы защитить японскую землю [Kuroda 2003, p. 134].

В эпоху Муромати символ дракона приобрел особую популярность, особенно в буддийской живописи и архитектуре. Драконы – защитники буддизма олицетворяли силу, мудрость, процветание, удачу. Драконов можно видеть на потолках буддийских храмов, они появляются в качестве декоративных элементов в местах омовения рук, в виде резных или рисованных изображений для защиты построек от огня. В эпоху Эдо буддизм уступил место вновь набирающему силу синтоизму и неоконфуцианству [Горегляд 2006, с. 30–31]. В период Мэйдзи (1868–1912) под влиянием политики разделения буддизма и синтоизма (神仏分離 *симбуцу бунри*) образ дракона, тесно связанный с буддизмом, практически исчезает из синтоистских святилищ. Хотя изображения драконов встречались на монетах, в качестве символа императорской власти он уже не использовался. Как утверждает профессор Аракава Хироси, пятипалый дракон никогда не был символом власти императора в Японии, и дело заключалось не только в нежелании подражать Китаю, но и в том, чтобы заявить Китаю об уникальности японского императора [Arakawa 2021, p. 188–189].

Дракон как знак зодиака

Автор фундаментального исследования «Хронология стран Восточной и Центральной Азии» Л.Р. Концевич пишет: «Шестидесятилетний цикл – основа дальневосточного календаря. Это – наиболее древняя и распространенная во всех странах китайского “иероглифического” ареала в Восточной Азии система исчисления времени. Этот цикл используется для обозначения годов, лунных месяцев, дней и часов, а также сторон света, величин угла (в градусах) и т.д. Построение цикла связано с натурфилософским учением об *инь-ян* и “пяти первоэлементах и стихиях” (陰陽五行説)» [Концевич 2010, с. 31].

В Японии зодиакальный календарь, основанный на китайской астрономии, космологии и философии, был принят, по свидетельствам летописей, еще в VII в. О происхождении знаков зодиака повествуют легенды и мифы Китая. «В глубокой древности Желтый предок... захотел выбрать себе 12 охранников из всех известных ему животных. Он организовал соревнование среди животных, чтобы выбрать своих охранников, которые потом по очереди и стали 12 знаками зодиака... Все животные старались победить, и появилось много неожиданных ситуаций, в которых животные как-то проявили себя. В конце концов определились 12 победителей. Ими по очереди стали крыса, бык, тигр, заяц, дракон, змея, лошадь, коза, обезьяна, петух, собака, свинья» [Цзя Хуэйминь 2016, с. 196]. Дракон, несмотря на то что умел хорошо летать и плавать, оказался лишь на пятом месте, хотя все думали, что он победит соперников. Согласно легенде, дракон поведал Нефритовому императору, что ему пришлось пару раз остановиться, чтобы помочь жителям деревни и вызвать дождь. А по пути к финишу он увидел на бревне маленького зайца и решил немного поддать ветра, чтобы помочь ему добраться до берега⁴.

В 1872 г. Япония отказалась от лунного календаря в пользу григорианского, однако до сих пор во многих храмах во время важнейших праздников и торжественных мероприятий используют лунный календарь, там же продают амулеты и фигурки зодиакальных божеств

⁴ Chinese Zodiac | Mythology. <https://depts.washington.edu/triolive/quest/2007/TTQ07030/mythology.html> (дата обращения 5.02.2024).

[Изотова 2018, с. 106]. Особую популярность фигурки зодиакальных животных приобретают в период новогодних праздников. Их изображают на новогодних открытках, календарях, сувенирной продукции, используют в качестве талисманов.

Дракон в японской мифологии и литературных памятниках

Первые находки, связанные с драконами, в Японии относятся к эпохе Яёй. Кувшин с изображением змееподобного тела с треугольными плавниками, идентифицированным как «мотив дракона», был обнаружен при раскопках в городе Идзуми и датирован I в. н.э. По всей Японии было найдено более 30 подобных артефактов. Как отмечает профессор университета Тэнри Кувабара Хисао, существует теория, согласно которой изображения драконов на керамике Яёй восходят к изображениям на бронзовых зеркалах времен династии Поздняя Хань [Kuwabara 2020, p. 6].

В китайской и японской мифологии дракон является одним из четырех мифологических существ, охраняющих четыре стороны света: красная птица Судзаку (朱雀) охраняет юг, лазурный дракон Сэйрю: (青龍) – восток, черная черепаха Гэмбу (玄武) покровительствует северу, а белый тигр Бякко (白虎) – западу. Эти четыре существа, известные как Четыре Небесные Эмблемы, появились в Китае в период Воюющих царств (476–221 г. до н.э.), их часто изображали на стенах китайских и корейских гробниц. Дракон – страж востока, отождествляется с сезоном весны, зеленым/синим цветом, элементом дерева (иногда также воды), добродетелью, справедливостью, мужской энергией *ян*; поддерживает и сохраняет страну (управляет дождем, символизирует власть императора). Отметим двойственную трактовку взаимоотношений драконов и птиц. Красная птица, хранитель юга, иногда отождествляется с фениксом (鳳凰 *хо:о:*), драконы и фениксы нередко изображаются вместе и символизируют единство противоположностей *инь и ян*⁵. В буддийских преданиях птицы-люди гаруды (迦楼羅 *карура*) предстают как враги драконов-*нага* (那伽 *нага* или 龍 *рю:*)⁶, хотя и те и другие могут выступать в качестве защитников храма.

В Японии Лазурный дракон считается покровителем древней столицы города Киото, соотносится с рекой Камо и охраняет город от всевозможных несчастий и стихийных бедствий с восточной стороны. Согласно легенде, каждую ночь дракон пьет воду из источника Храма чистой воды, Киёмидзудэра (清水寺)⁷. Пока вода в источнике будет чистой, страж будет охранять город. Два раза в год, осенью и весной, в благодарность небесному покровителю, которого считают воплощением бодхисаттвы Каннон, в храме проводят Фестиваль лазурного дракона (青龍会 *сэйрю:э*)⁸. Восемнадцатиметровую фигуру дракона проносят по близлежащим улицам Киото, и жители города приветствуют своего заступника. Как гласит другое предание, в окрестностях Киото обитает белый дракон Огонтё (おごんちよ). Один раз в пятьдесят лет он превращается в золотую птицу, которая своим криком, похожим на волчий вой, возвещает о голоде, неурожае и стихийных бедствиях [Reese 2023].

Упоминания о драконах памятниках древней словесности Японии многочисленны, рассмотрим наиболее важные из них. В историко-географических хрониках первой половины VIII в. «Хитати фудоки» в описании уезда Намэката рассказывается о борьбе героя по имени Матати со злым божеством Яцуноками:

⁵ Shijin (Shishin) – Four legendary Chinese creatures protecting the four compass directions. <https://www.onmarkproductions.com/html/ssu-ling.shtml> (дата обращения 12.02.2024).

⁶ Нага – санскритский термин, объединяющий все виды змееподобных существ, включая змей и драконов.

⁷ В 1994 г. храм был внесен в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

⁸ 青龍会 [Фестиваль лазурного дракона]. https://www.kiyomizudera.or.jp/event/seiryu_e.php (дата обращения 25.01.2024).

«Это был Матати из рода Яхадзу. Он расчистил равнину Асихара, находившуюся западнее уездного управления, разработал и превратил ее в новые поливные поля. В это время [злой бог] змей Яцуноками со своими подручными змеями налетел на эти поля, окружил их со всех сторон и помешал их обработке.

(Местные жители рассказывают: змей [здесь] считается божеством Яцуноками. У него тело змеиное, а голова с рогами. Люди убегали, спасаясь от несчастья, и если кто-либо оглядывался, то [змеи] разрушали его жилище, и он не имел потомков. На горных полях нашего уезда живет много змей). И здесь Матати сильно разгневался, надел доспехи, в руки взял копье, поубивал и поразгонял змей» [Древние Фудоки 1969, с. 41].

Из описания уезда Нака можно узнать о Нукабимэ из села Убараки, которая родила летающего сына-змееныша от неизвестного человека. Мать и дядя считали змееныша сыном бога: «Когда светало, он ничего не говорил, а когда темнело, он разговаривал с матерью» [Там же, с. 53]. Змееныш очень быстро рос, перестал помещаться в сосуд, в котором поселила его Нукабимэ, и его решили отправить к отцу. «Когда наступило время расставаться, то от великой злобы змееныш ударом молнии убил [своего] дядю и намеревался подняться на небо, но в это время мать, испугавшись, схватила сосуд *хирака*, бросила [в сына], попала в него, и он, [потеряв божественную силу], не смог подняться [на небо]. Поэтому он остался на том холме Курэфуси» [Древние Фудоки 1969, с. 54].

В «Записях о деяниях древности» (古事記 «Кодзики») 712 г. и «Анналах Японии» (日本書紀 «Нихон сёки») 720 г., описана победа брата богини солнца Амаэрасу, бога ветра Сусаноо-но-микото над восьмиглавым змеем Яма-но ороги (八岐の大蛇). Земной бог Асинадзути и его жена Тэнадзути должны были каждый год приносить в жертву одну из своих восьми дочерей «змею-страшилищу, Восьмихвостому, Восьмиголовому змею из Коси». Последнюю дочь Кусинада-химэ спас бог Сусаноо, убив чудовище. Вот как изображается в «Кодзики» гигантский змей: «Глаза у него словно красные [плоды] кагати, а из тела восемь голов – восемь хвостов выходят. А еще на теле мох и кипарисы с криптомериями растут. А длиной оно долин – на восемь долин, вершин – на восемь вершин простирается. На брюхо его взглянешь – все кровью сочится» [Кодзики 2000, с. 99]. Сусаноо-но-микото приказал: «Вы восьмижды очищенное сакэ сварите, а еще кругом ограду возведете, в той ограде восемь ворот откройте, у каждого ворот помост сплетите, на каждый тот помост бочонок для сакэ поместите, в каждый бочонок того восьмижды очищенного сакэ полным-полно налейте и ждите». Змей напился сакэ и уснул, Сусаноо разрубил его на мелкие куски. Когда Сусаноо разрубил средний хвост, он нашел меч Кусанаги-но цуруги (草薙劍). Ранее имя меча трактовалось как «меч, косящий траву», в последнее время принято толкование «меч, [разящий] змея», где *наги* понимается как древнеяпонское слово со значением «змей» [Боги, святилища, обряды Японии 2010, с. 91]. Меч Кусанаги-но цуруги является символом власти императора, одной из трех божественных регалий⁹.

«Кодзики» и «Нихон сёки» повествуют о Вата-цуми-но ками – Боге-Духе Моря, который жил в подводном дворце, построенном «подобно рыбьей чешуе» [Кодзики 2000, с. 167]. Его дочь – Тоётама-бимэ-но микото, Дева Обильных жемчужин, стала женой Хоори-но микото, прожившего в подводном дворце три года и вернувшегося на землю на шее «крокодила в одно хиро»¹⁰. Когда Тоётама-бимэ-но микото пришло время рожать, муж построил на морском берегу хижину. «И вот, когда собралась родить, [она] своему супругу сказала: «Повсюду в чужих странах люди, когда приходит время рожать, приняв облик своей [родной] страны,

⁹ Три атрибута императорской власти – божественные регалии» (三種の神器 сансю-но дзинги): бронзовое зеркало Ята-но кагами (八咫鏡), яшмовые подвески Ясакани-но матагама (八尺瓊勾玉) и меч Кусанаги-но цуруги.

¹⁰ Хиро – 1,81 м.

рожают. Поэтому я сейчас в прежнем [своем] облике собираюсь родить. Просьба моя: не смотри на меня», – так она сказала. Тут, слова ее странными сочтя, [он] тайно подсмотрел, как она родить собиралась, а [она], обернувшись огромным крокодилем, ползала-извивалась» [Кодзики 2000, с. 175]. В «*Нихон сёки*» говорится, что «когда пришло время родить, Тоё-тама-пимэ превратилась в дракона» [Нихон сёки 1997, с.165]. По мнению М.В. де Фиссера, в данной легенде содержится много характерных китайских черт, а также прослеживаются индийские идеи относительно драконов-*нага* как повелителей моря; крокодил (鱷 *вани*) «является старым японским морским божеством в облике дракона, или змеи, а легенда – древнее японское сказание, облеченное в индийские одежды позднейшими поколениями» [Фиссер 1913, с. 77]. Отметим, что в префектуре Нагасаки сохранилось одно из древнейших святилищ Ватацуми дзиндзя (海神神社), включенное в государственный реестр синтоистских храмов. Храм посвящен божеству моря Ватацуми и богине Тоётама-химэ [Боги, святилища, обряды Японии 2010, с. 170].

Согласно «*Кодзики*», ребенок Тоётама-бимэ-но микото и Хоори-но микото Амацухико-хиконагисатакэ-угаяфукиаэдзу-но микото, сочетавшись со своей теткой, богиней Тамаёри-бимэ-но микото, родил четырех сыновей, один из них – Ваками-кэну-но микото – Бог-Правитель Священной Молодой пищи. Другое имя Тоёмикэну-но микото – Бог-Правитель Обильной Священной пищи. Другое имя Камуямато-иварэ-бико-но микото – Юноша-Бог Иварэ из божественного Ямато» [Кодзики 2000, с. 178]. В «*Нихон сёки*» приводится еще одно имя Бога Иварэ из божественного Ямато – Сано-но микото. «Имя Сано ему дали, когда он еще был мал годами. А потом он усмирил поднебесную и правил Восемью Островами-Землями» [Нихон сёки 1997, с. 167]. Бог Иварэ-но микото известен как первый император и основатель Японии – Дзимму. Таким образом, как повествуют летописи, первый легендарный император Японии Дзимму Тэнно: доводился правнуком и Ниниги, внуку богини солнца Аматэрасу, и Вата-цуми-но ками, Богу-Духу Моря, властителю Морского царства. Итак, бог-дракон Рю:дзин (龍神) – один из предков японских императоров; величание императора «драконоликим» (竜顏 *рю:ган*) получает обоснование в мифе. Словосочетание 龍顏を拝する (*рю:ган-о хай суру*, букв. «поклониться лику дракона») означает «получить аудиенцию у императора». Это выражение сочетает в себе как трепет перед могущественным правителем, так и честь встречи с ним [Кегами 2003, р.12–13].

Распространенный сюжет многих японских сказок и легенд – путешествие в подводное царство и встреча с повелителем морей и океанов, богом-драконом. Таковы сказки «Урасима Таро», «Медуза и обезьяна» и др.

Образ дракона ассоциируется с единственной богиней в пантеоне «Семи богов счастья» –покровительницей красноречия, музыки и другой искусств Бэндзайтэн (弁才天), имеющей прототипом индийскую богиню вод Сарасвати. «Как и Сарасвати, японская богиня счастья Бэнтэн считается покровительницей воды, так как она родилась из легенд о Драконе и является его женой. Именно поэтому ее нередко изображают сидящей на змее или драконе с японским традиционным струнным инструментом *бива* в руках» [Садокова 2020, с.72].

Обратимся к одной из легенд о Бэндзайтэн и Драконе. В 1047 г. монах школы Тэндай Кокэй (977–1049) написал текст «О происхождении острова Эносима» (江ノ島縁起 *Эносима энги*), в котором богиня Бэндзайтэн предстает спасительницей жителей острова. Жителей окрестных деревень в течение тысячи лет преследовал пятиглавый дракон Годзу:рю: (五頭龍). Ему даже приносили человеческие жертвы, но все было тщетно. Узнав о страданиях людей, Бэндзайтэн спустилась с небес, подняла со дна моря остров Эносима и поселилась на нем. Дракон влюбился в богиню и предложил ей стать его супругой. Бэндзайтэн отвергла предложение, но использовав присущий ей дар красноречия, убедила дракона оставить людей в покое. Присмиривший дракон устремился на юг острова и превратился в холм, который называли «пасть дракона» (龍の口 *тацу но кути*) [Hein 2014, р. 4–5].

Семантика и функции образа дракона в повседневной жизни японцев

Архетипический образ дракона восходит к тотемным образам и мифологическим представлениям. Он имеет сложную многомерную структуру, что объясняется тысячелетней историей его существования. Согласно К.Г. Юнгу, символ дракона – воплощение глубинного бессознательного: «Это место первичного бессознательного и одновременно место исцеления и спасения, так как в нем находится бриллиант целостности... Это пещера, в которой обитает дракон хаоса, и одновременно это неразрушимый город, магический круг или *temenos*, священный предел, в котором соединяются все разорванные части личности» [Юнг 1994, с. 26].

Образ дракона в повседневной жизни японцев представлен в праздничных обрядах народных поверьях, в литературе и поэзии, декоративно-прикладном искусстве, в массовой культуре, в японской фразеологии.

На обряды и праздники Японии большое влияние оказала китайская культура. Заимствованные из Китая японской аристократией, праздники органично вписались в японскую повседневную жизнь и воспринимаются как японские. Действующими лицами некоторых японских праздничных представлений являются древние китайские персонажи – львы и драконы.

Например, значимым событием в культурной жизни Японии считается «Танец золотого дракона» (金龍の舞 *кинрю:-но май*), который можно увидеть 18 марта и 18 октября в районе Асакуса в токийском храме Сэнсо:дзи (浅草寺), он же «Храм молодой травы на горе золотого дракона» (金龍山浅草寺 *кинрю:дзан сэнсо:дзи*). По преданию, на восемнадцатый день от основания храма, за одну ночь на этой горе выросла тысяча сосен, а через три дня с небес в сосновую рощу спустился дракон с золотой чешуей, длиной в 100 сяку (около 30 м). С тех пор его больше не видели. Впервые танец был исполнен 18 октября 1958 г. на церемонии открытия нового храмового зала. 70 юношей и девушек, исполнявших танец, были добровольцами из местных молодежных клубов, а не профессиональными танцорами. Считается, что «танец золотого дракона» помогает привлечь удачу и благополучие¹¹.

7–9 октября в Нагасаки в синтоистском святилище Сува (諏訪神社) проходит осенний фестиваль Кунти, во время которого исполняется танец дракона или змеи (龍(蛇)踊り *рю:(дзя) одори*). Фестиваль также называют Праздником урожая, так как по времени он совпадает с окончанием уборочных работ. Изначально танец исполнялся во время новогодних праздников жителями Китая, которые поселились в Нагасаки в эпоху Эдо. Фестиваль проводится с 1634 г., в 1970 г. «танец дракона» получил статус «важного нематериального культурного достояния народа»¹².

В районах богатых рыболовными хозяйствами в Японии в начале лета проводят гонки на гребных лодках, изготовленных в форме драконов, которые называются *ха:пу:* (ハーリイ). Особенно популярны такие соревнования на острове Окинава. Этот праздник на воде является выражением просьбы о ниспослании богатого улова и безопасности на море¹³.

5 мая в Японии отмечают традиционный праздник День детей (子どもの日 *кодомо-но хи*). Раньше он назывался Праздником первого дня лошади (端午の節句 *танго-но сэкку*). В этот день японцы вывешивают на шесте рядом с домом изображения карпов из материи или бумаги – 鯉幟 *коинобори* (鯉 *кои* «камп», 幟 *нобори* «флаг»). Карп считается символом

¹¹ Kinryū-no mai | Asakusa ōhyakka [Танец дракона. Большая энциклопедия Асакуса]. <https://asakusa.gr.jp/jp/?p=156> (дата обращения 24.01.2024).

¹² Nagasaki kunchi to wa [Фестиваль Нагасаки Кунти]. <https://nagasaki-kunchi.com/about/> (дата обращения 28.01.2024).

¹³ Nārī no kisetsu tōrai! (Okinawa no dentō gyōji) [Сезон гонок на гребных лодках *ха:пу:* наступил. (Традиционное событие на острове Окинава)]. <https://www.okinawastory.jp/news/notice/1678> (дата обращения 10.02.2024).

успеха и мужества благодаря древней китайской легенде о стойком и целеустремленном карпе, который превратился в дракона после того, как проплыл вверх по течению Желтой реки. Согласно легенде, в верховье реки Хуанхэ есть водопад, который называют «Драконьи Врата» (龍門 *рю:мон*). Карп, сумевший подняться по водопаду, становится драконом. Выражение «восхождение к Драконьим Вратам» (登龍門 *то:рю:мон*) символизирует смелость и упорство в преодолении препятствий на пути к успеху.

Образ дракона представлен в японской фразеологии: пословицах и поговорках, устойчивых словосочетаниях и идиомах, состоящих из четырех иероглифов – 四字熟語 *ёдзидзюкуго*, представляющих «построенные по нормам старого литературного китайского языка взъязынные изречения афористического характера, восходящие либо к высказыванию конкретной исторической личности, либо к старинному преданию или легенде» [Гуревич 2011, с. 3].

Идиома «голова дракона, хвост змеи» (龍頭蛇尾 *рю:то: дабу*) обозначает ситуацию, когда что-то хорошо началось, а потом сошло на нет – «громкое начало, бесславный конец», «начать за здравие, а кончить за упокой».

Сочетание четырех иероглифов «битва дракона с тигром» (竜虎相搏 *рю:ко со:хаку*) – яростная схватка двух равных по силе противников.

«Искусство убивать драконов» (屠龍の技 *торё:-но ги*) – обозначение навыка, который приобретается, но не имеет практического применения. Отсылка к китайской притче о человеке, который долго тренировался и научился убивать дракона, но умение оказалось бесполезным, так как он не нашел ни одного дракона.

Поговорка «нарисовать зрачок в глазу дракона» (画龍点睛を欠く *гарё: тэнсэй-о каку*) восходит к древней легенде о китайском художнике, который расписывал стены храма изображениями драконов. Когда он нарисовал двум драконам зрачки, они ожили и улетели. Так говорят о незавершенном деле, о необходимости добавить последний, решающий штрих.

Фразеологизм «погладить усы дракона» (龍のひげをなでる *рю:-но хигэ-о надэру*) – метафора безрассудных, опрометчивых поступков. Часто употребляется в сочетании с выражением «наступить тигру на хвост» (虎の尾を踏む *тора-но о-о фуму*).

Пословица «рисовать дракона похожим на собаку» (龍を画いて狗に類す *рю:-о эгайтэ ину-ни руису*) используется, когда говорят о чрезмерно амбициозном самоуверенном человеке, который пытается сделать то, что ему явно не под силу. Похожая поговорка «муравей целится в бороду дракона» (龍の鬚をアリが狙う *рю:-но хигэ ари га нэрау*) – метафора грандиозных планов, которым не суждено сбыться.

«Убежать из логова тигра и попасть в пещеру дракона» (虎口を逃れて竜穴に入る *коко:-о ногарэтэ рю:кэцу-ни иру*) означает попасть из одной неприятности в другую, еще большую, «из огня да в полымя».

Выражение 龍馬の躓き *рю:мэ-но цумадзуки* – «чудо-конь, летящий, как дракон, и тот спотыкается» используется, когда говорят, что опытный человек может ошибаться – «и на старуху бывает проруха», «конь о четырех ногах, да и тот спотыкается».

Поговорка «дракон готов подняться в небо, даже если он размером в один сун»¹⁴ (龍は一寸にして昇天の気あり *рю: ва иссун-ни ситэ сё:тэн-но ки ари*) говорит о человеке, который с детства проявляет недюжинные способности.

Фразеологизм «дракон взлетает из-под ног» (足元から竜が上がる *асимото кара тацу га агару*) означает внезапную перемену, появление неожиданного фактора, который может изменить ход событий.

Пословица «когда наступает подходящий момент, даже земляные черви становятся драконами» (時至れば蚯蚓 (ミミズ) も竜になる *токи итарэба мимидзу мо рю:-ни нару*)

¹⁴ Сун – 3,03 м.

подразумевает, что при удачном стечении обстоятельств даже при отсутствии врожденного таланта можно добиться успеха.

Смысл пословицы китайского происхождения «вслед за драконом летит облако, а ветер – за тигром» (雲は竜に従い風は虎に従う *кумо ва рю:- ни ситагаи, кадзэ ва тора-ни ситагау*) заключается в том, что драконы и тигры набирают силу там, где есть ветер и облака. Сила притягивает силу.

Фразеологизм «дракону – крылья» (竜に翼 *рю:-ни цубаса*) означает «двойную выгоду».

Образ дракона широко используется в современной массовой культуре, в анимэ и манга (манга «Жемчуг Дракона» (*ドラゴンボール дорагон бо:ру*) и ее многочисленные экранизации; белый дракон Хаку в фильме Хаяо Миядзаки «Унесенные призраками»; стальной дракон в сериале «Ультрамэн» и др.), в видеоиграх. Изображение дракона можно увидеть в узорах традиционных мужских и женских кимоно. Дракон – востребованный мотив и в искусстве японских татуировок [Мещеряков 2008, с.487].

Вместе с тем, по мнению профессора Миура Масаюки, в настоящее время многим японским молодым людям не нравится изображение дракона, так как они считают его старомодным. Дракон не является символом японской идентичности, поэтому молодое поколение не желает привносить его образ в будущее. В изобразительном искусстве японцы отдают предпочтение другим образам, таким как феникс, единорог, лев, журавль, а изображение дракона считают громоздким и сложным в исполнении. Кроме того, на протяжении многих исторических периодов дракон был тесно связан с китайской культурой, поэтому в процессе формирования современной японской культуры его образ тиражировался относительно мало [Nguyen 2015, p. 45].

Заключение

Образ дракона занимает важное место в японской традиционной культуре, литературе, живописи, архитектуре, декоративно-прикладном искусстве, легендах и мифах, календарных праздниках. История его возникновения и эволюции иллюстрирует процесс формирования и трансформации мифологического сознания, знаково-символических средств его актуализации. Хотя образ дракона был заимствован из Китая, культ этого мифического существа формировался в течение длительного времени, приобретая отличительные черты и национально-культурную семантику.

В мифологической картине мира японцев дракон амбивалентен и имеет как положительные, так и отрицательные черты. В древних литературных памятниках встречаются образы страшных кровожадных драконов; вместе с тем они повествуют о боге-драконе, повелителе морей и океанов, одном из мифологических предков японских императоров. Японский дракон соотносится с водной стихией, его наделяли функциями покровителя и защитника от природных бедствий: засух, проливных дождей, тайфунов.

Многогранность, богатое коннотативное содержание образа дракона свидетельствует о его высоком ассоциативном, метафорическом потенциале. В наши дни образ дракона в Японии, в отличие от Китая, где он является символом коллективной идентичности и единства нации, утратил сакральную значимость и в основном используется как дань традиции, в целях коммерческого тиражирования традиционных для восточноазиатской культуры образов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бидерман Г. Энциклопедия символов / пер. с нем., общая ред. и предисл. Свенцицкой И.С. Москва: Республика. 1996.

- Мифы народов мира: энциклопедия / под ред. С.А. Токарева. В 2 т. Т. 1. Москва: Российская энциклопедия. 1994.
- Кодзики / сост. и общ. ред. Грищенко Р.В. Санкт-Петербург: Издательский дом Кристалл. 2000.
- Гуревич Т. М. Японо-русский учебный словарь ёдзидзюкуго. Москва: Издательство Моногатари. 2011.
- Горегляд В.Н. Классическая культура Японии. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение. 2006.
- Изотова Н.Н. Год собаки в Японии: культурологический аспект // Концепт: философия, религия, культура. 2018. №2. С.105–113. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2018-2-6-105-113> (дата обращения 10.01.2024).
- Древние Фудоки (Хитати, Харима, Бунго, Хидзэн) / под ред. Н.И. Конрада. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы. 1969.
- Концевич Л. Р. Хронология стран Восточной и Центральной Азии. Москва: Восточная литература РАН. 2010.
- Мещеряков А.Н. Книга японских символов. Книга японских обыкновений. Москва: Наталис. 2008.
- Нихон сёки (Анналы Японии). В 2 т. / пер. и коммент. Л. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова. Т. 1. Свитки I–XVI. Санкт-Петербург: Гиперион. 1997.
- Садокова А.Р. Символика счастья в японской народной культуре и фольклоре. Москва: Издательство восточной литературы. 2020.
- Боги, святилища, обряды Японии. Энциклопедия синто / под ред. И.С. Смирнова. Труды института восточных культур и античности; вып. 26. Москва: РГГУ. 2010.
- Сомкина Н.А. Традиции зооморфной символики в обрядовой стороне повседневных верований (старый Китай и современность) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2010. № 1. С. 30–46.
- Фиссер М.В. Дракон в Китае и Японии. Амстердам. 1913. <https://coollib.com/b/654296-marinus-villem-de-fisser-drakonyi-v-mifologii-kitaya-i-yaponii/read> (дата обращения 10.01.2024).
- Хэдленд Дэвис. Мифы и легенды Японии. Москва: Центрполиграф. 2008.
- Цзя Хуэйминь. Лунный календарь и знаки зодиака в повседневной культуре Китая // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 7 (69). С. 193–198.
- Юнг К. Г. Аналитическая психология. Тавистокские лекции. Санкт-Петербург: МЦНК и Т Кентавр. 1994. <https://litlife.club/books/72241/read?page=26> (дата обращения 15.01.2024).

REFERENCES

- Biedermann, H. (1996). *Entsiklopediya simvolov* [Encyclopedia of Symbols], transl. from German by Svetsitskaya, I.S. Moscow: Respublika. (In Russian).
- Davis, Hadland. (2008). *Mify i legendy Yaponii* [Myths and Legends of Japan]. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russian).
- Ermakova, L.M. & Meshcheryakov, A.N. (Trans.). (1997). *Nihon shoki. Annaly Yaponii* [Nihon Shoki. Annals of Japan]. Vol. 1. Saint Petersburg: Giperion. (In Russian).
- Goreglyad, V.N. (2006) *Klassicheskaya kul'tura Yaponii* [Classical Japanese Culture]. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russian).
- Grishchenkov, R.V. (Ed.). (2000). *Kodziki* [Kojiki]. Saint Petersburg: Kristall. (In Russian).
- Gurevich, T.M. (2011). *Yapono-russkii uchebnyi slovar' edzidyukugo* [Yojijukugo Japanese-Russian Training Dictionary]. Moscow: Monogatari. (In Russian).
- Izotova, N.N. (2018). God sobaki v Yaponii: kul'turologicheskii aspekt [Year of the Dog in Japan: Culturological Aspect]. *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 2, 105–113. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2018-2-6-105-113>. (In Russian).
- Jia Huimin. (2016) Lunnyi kalendar' i znaki zodiaka v povsednevnoi kul'ture Kitaya [Moon Calendar and Signs of the Zodiac in Chinese Everyday Culture]. *History, Philosophy, Politics, Law, Cultural Studies, Art History. Issues of Theory and Practice*, 7(69), 193–198. Tambov: Gramota. (In Russian).

- Jung, C.G. (1994). *Analiticheskaya psikhologiya. Tavistokskie lektzii* [Analytical Psychology. The Tavistock Lectures]. Saint Peterburg: MTsNK & T Kentavr. Retrieved January 15, 2024, from <https://litlife.club/books/72241/read?page=26> (In Russian).
- Konrad, N.I. (Ed.). (1969). *Drevnie Fudoki (Khitati, Kharima, Bungo, Khidzen)* [Ancient Fudoki (Hitachi, Harima, Bungo, Hizen)]. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Kontsevich, L. R. (2010). *Khronologiya stran Vostochnoi i Tsentral'noi Azii* [Chronology of Far Eastern and Central Asian Countries]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN. (In Russian).
- Meshcheryakov, A.N. (2008). *Kniga yaponskikh simvolov. Kniga yaponskikh obyknovenii* [The Book of Japanese Symbols. The Book of Japanese Customs]. Moscow: Natalis. (In Russian).
- Sadokova, A.R. (2020). *Simvolika schast'ya v yaponskoi narodnoi kul'ture i fol'klore* [Symbolism of Happiness in Japanese Folk culture and Folklore]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury. (In Russian).
- Smirnov, I.S. (Ed.). (2010). *Bogi, svyatilishcha, obryady Yaponii. Entsiklopediya sinto* [Japan: Gods, Shrines, Rites. Encyclopedia of Shinto]. Trudy instituta vostochnykh kul'tur i antichnosti no. 26. Moscow: RGGU. (In Russian).
- Smirnov, I.S. (red.). (2010). *Bogi, svyatilishcha, obryady Yaponii. Entsiklopediya sinto* [Japan: Gods, Shrines, Rites. Encyclopedia of Shinto]. Trudy instituta vostochnykh kul'tur i antichnosti no. 26. Moscow: RGGU. (In Russian).
- Somkina, N.A. (2010). Traditsii zoomorfnoi simvoliki v obryadovoi storone povsednevnykh verovani (staryi Kitai i sovremennost') [Traditions of Zoomorphic Symbolism in the Ritual Side of Everyday Beliefs (Old China and Modernity)]. *Vestnik of Saint Petersburg University*, Series 13, 1, 30–46. (In Russian).
- Tokarev, S.A. (Ed.). (1994). *Mify narodov mira: entsiklopediya. V 2 tomakh. Tom 1.* [Myths of the World's People. Encyclopedia in 2 Volumes. V. 1]. Moscow: Rossiiskaya entsiklopediya. (In Russian).
- Visser, M.W. (2013). *Drakon v Kitae i Yaponii* [The Dragon in China and Japan]. Amsterdam. 1913. Retrieved January 10, 2024, from <https://coollib.com/b/654296-marinus-villem-de-fisser-drakonyi-v-mifologii-kitaya-i-yaponii/read> (In Russian).

* * *

- Arakawa, H. (2003). *Ryū no kigen* [The Origin of the Dragon]. Shinhan. Kadokawa Sofia bunko. (In Japanese).
- Gould, C. (2002). *Dragons, Unicorns, and Sea Serpents: A Classic Study of the Evidence for Their Existence*. Dover Publication.
- Hein, P. (2014). *The Goddess and the Dragon: A Study on Identity Strength and Psychosocial Resilience in Japan*. Cambridge Scholars Publishing.
- Hisao, K. (2020). Yayoi hito wa ryū o mita ka? [Did the Yayoi people see dragons?]. *Glocal Tenri*, 21 (10). Retrieved February 1, 2024, from <https://www.tenri-u.ac.jp/topics/oyaken/q3tncs00001x3653-att/q3tncs00001x36ar.pdf> (In Japanese).
- Kuroda, H. (2003). *Ryū no sumu Nihon* [Japan, Where Dragon Lives]. Iwanami shoten. (In Japanese).
- Nguyen, N.T. (2015). *The Symbol of the Dragon and Ways to Shape Cultural Identities in Vietnam and Japan*. Harvard-Yenching Institute Working Papers Series. Retrieved February 10, 2024, from https://www.harvard-yenching.org/wpcontent/uploads/legacy_files/featurefiles/Nguyen%20Ngoc%20Tho_The%20Symbol%20of%20the%20Dragon%20and%20Ways%20to%20Shape%20Cultural%20Identities%20in%20Vietnam%20and%20Japan.pdf
- Reese, S. (2023). *Nihon ryū no shinboru to shinwa* [The Symbols and Mythology of the Japanese Dragon]. Retrieved February 4, 2024, from <https://avareurgente.com/ja/ri-ben-nolong-noshinborutoshen-hua> (In Japanese).

Поступила в редакцию: 25.02.2024

Received: 25 February 2024

Принята к публикации: 23.04.2024

Accepted: 23 April 2024

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-113-123

**О круглом столе
«Отношения Японии со странами Восточной Азии:
проблемы, тенденции, перспективы»
в ИКСА РАН в 2023 году**

О.И. Казаков

Аннотация. 28 декабря 2023 г. в Институте Китая и современной Азии РАН в смешанном формате состоялся круглый стол на тему «Отношения Японии со странами Восточной Азии: проблемы, тенденции, перспективы», организованный Центром японских исследований Института. На нем были обсуждены тенденции и перспективы отношений США, Китая и Японии, различные аспекты сотрудничества Японии и стран АСЕАН, позиция Японии в противостоянии вокруг Тайваня, политика в отношении Японии президента Республики Корея Юн Сок Ёля, обеспечение энергетической безопасности Японии в условиях нарастания внутренних и внешних вызовов и др.

Ключевые слова: Восточная Азия, АСЕАН, Япония, США, Республика Корея, КНДР, политика, экономика, общество.

Автор: Казаков Олег Игоревич, начальник Отдела научного мониторинга, старший научный сотрудник Центра японских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-9009-3225; E-mail: kazakov_oleg@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Казаков О.И. О круглом столе «Отношения Японии со странами Восточной Азии: проблемы, тенденции, перспективы» в ИКСА РАН в 2023 году // Японские исследования. 2024. № 2. С. 113–123. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-113-123

Благодарности. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FMSF-2024-0016 «Япония в АТР: политика, безопасность, экономика»).

Round table “Japan’s Relations With the Countries of East Asia: Problems, Trends, Prospects” (ICCA RAS, 2023)

O.I. Kazakov

Abstract. On December 28, 2023, at the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, a round table was held in a mixed format on the topic “Japan’s Relations With East Asian Countries: Problems, Trends, Prospects,” organized by the Institute’s Center for Japanese Studies. It focused on the trends and prospects of relations between the United States, China and Japan, various aspects of cooperation between Japan and ASEAN countries, Japan’s position in the confrontation around Taiwan, the Japanese policy of the President of the Republic of Korea Yoon Suk Yeol, ensuring Japan’s energy security in the face of increasing internal and external challenges, etc.

Keywords: East Asia, ASEAN, Japan, USA, Republic of Korea, DPRK, politics, economics, society.

Author: *Kazakov Oleg I.*, Head of the Department of Scientific Monitoring, Senior Researcher of the Center for Japanese Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-9009-3225; E-mail: kazakov_oleg@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Kazakov, O.I. (2024). O kruglom stole «Otnosheniya Yaponii so stranami Vostochnoi Azii: problemy, tendentsii, perspektivy» v IKSA RAN v 2023 godu [Round table “Japan’s Relations With the Countries of East Asia: Problems, Trends, Prospects” (ICCA RAS, 2023)]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 2, 113–123. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-113-123

Acknowledgements. The research was carried out within the state assignment of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FMSF-2024-0016 “Japan in the Asia-Pacific region: politics, security, economics”).

28 декабря 2023 г. в Институте Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН, до 2022 г. – Институт Дальнего Востока РАН) в смешанном формате состоялся круглый стол на тему «Отношения Японии со странами Восточной Азии: проблемы, тенденции, перспективы», организованный Центром японских исследований Института. Участников мероприятия поприветствовали директор ИКСА РАН, д.филол.н. **К.В. Бабаев** и заместитель директора по научной работе, к.э.н. **Т.Е. Горчакова**. В частности, К.В. Бабаев отметил важную роль изучения Японии в ИКСА РАН и необходимость поддерживать научные отношения со страной, которую из-за антироссийской позиции по специальной военной операции (СВО) на Украине с 2022 г. в России считают «недружественным государством». Т.Е. Горчакова также считает, что в текущей геополитической ситуации «профессиональное изучение Японии в рамках академических исследований и в контексте национальных интересов России жизненно необходимо». Она также отметила: «Сегодняшний круглый стол, который уже не в первый раз проводит Центр японских исследований ИКСА РАН по результатам прошедшего года, стал уже традиционным... Среди участников... немало сотрудников из других российских организаций, что придает мероприятию общероссийский характер».

Модератором мероприятия стал руководитель Центра японских исследований ИКСА РАН, д.и.н. **В.О. Кистанов**. Ученые из ИКСА РАН, ИМЭМО РАН, ИВ РАН, НИУ ВШЭ, МГИМО-Университета, МГУ имени М.В. Ломоносова, Российского института стратегических исследований, Дальневосточного федерального университета и Института Истории при Университете Корё представили свои доклады и приняли участие в оживленной дискуссии.

Корнеев К.А. (ИКСА РАН)¹ выступил с докладом «**Обеспечение энергетической безопасности Японии в условиях нарастания внутренних и внешних вызовов**». По его мнению, турбулентность на мировых энергетических рынках, вызванная, в том числе, и антиросийскими санкциями, обусловила дополнительные вызовы для энергетической безопасности Японии – страны, чья зависимость от импорта ископаемого топлива по-прежнему остается критически высокой.

Несмотря на успехи в развитии возобновляемой и водородной энергетики, а также реализацию планов по увеличению доли АЭС в структуре генерации электроэнергии, Япония на горизонте ближайших 10–15 лет не сможет рассчитывать на полное энергетическое самообеспечение, что и формирует обязательные условия по снижению рисков энергетической безопасности с учетом целого ряда внутренних и внешних факторов. Это выражается не только в диверсификации поставщиков и заключении с ними взаимовыгодных контрактов, но и в усилении курса на широкое внедрение низкоуглеродных источников энергии, зачастую даже без учета общей экономической целесообразности таких шагов. Кроме того, значительный объем инвестиций направляется в сферу достижения лучших показателей энергосбережения.

Гамза Л.А. (ИМЭМО РАН) представил доклад на тему «**Отношения в треугольнике США – Китай – Япония: тенденции и перспективы**», в котором отметил, что Япония рассматривает США в качестве своего главного союзника в регионе. По мере нарастания напряженности в регионе вокруг Тайваня рост интереса и вовлеченность страны в решение вопросов безопасности стали играть для нее все большее значение. Главным фактором, определившим дальнейшее сближение и активизацию отношений с США на ближайшую и среднесрочную перспективу, стало принятие подготовленной по американскому образцу новой Стратегии национальной безопасности Японии (СНБЯ) и реализация ее основных положений в течение 2023 г. При этом основными направлениями укрепления отношений стало наращивание военного и тесно связанного с ним технологического сотрудничества между союзниками и стремление администрации Дж. Байдена создать на этой основе в Восточной Азии противостоящее Китаю в рамках «интегрированного сдерживания» тройственное объединение «единомышленников» в составе США, Японии и Южной Кореи.

В отличие от США и в качестве альтернативы Китай делает ставку на развитие и укрепление экономических связей со своими соседями и нацелен на создание на основе интеграции и формирования зоны свободной торговли между соседями тройственного регионального объединения, объективно противостоящего американским планам. Первая в 2023 г. личная встреча председателя КНР Си Цзиньпина с премьер-министром Японии Кисида Фумио на полях саммита АТЭС в Сан-Франциско не стала прорывом в двусторонних отношениях, но породила ожидание на их продвижение в направлении нормализации и стабилизации. Ее главным итогом можно считать продекларированную сторонами готовность к налаживанию диалога на высоком уровне. Это было подтверждено на состоявшейся в конце ноября в Пусане трехсторонней встрече министров иностранных Китая, Японии и Южной Кореи, где стороны согласились «создать условия» и работать над подготовкой саммита лидеров трех стран. Однако остается неясным, какие реальные результаты может принести продолжение диалога между ними в условиях неослабевающего противостояния между КНР и США без принятия конкретных совместных решений в ситуации, когда власти Японии целенаправленно реализуют принятую по американскому образцу СНБЯ в условиях нарастания экономических проблем в стране и снижения рейтинга поддержки премьер-министра и его кабинета.

Волошина А.В. (ИКСА РАН) выступила с докладом «**Япония в стратегии США по сдерживанию технологического развития КНР: взгляд из Китая**». Борьба за лидерство в ключевых технологиях XXI в. вышла в центр стратегического соперничества Соединенных

¹ В скобках указано основное место работы ученого.

Штатов и КНР. Способом воспрепятствования инновационному развитию Китая стало использование США своего доминирующего положения в ключевых сегментах цепочки создания микросхем для перекрытия доступа КНР к передовым полупроводниковым технологиям. Успех экспортного контроля Вашингтона и стратегии по исключению Китая из цепочки создания добавленной стоимости микросхем зависит от подключения правительств и компаний американских союзников и партнеров. Одну из главных ролей здесь играет Япония. В 1980-е гг. Япония занимала лидирующие позиции в полупроводниковой индустрии, обеспечивая более 50 % мирового производства микросхем. Сегодня эта доля составляет менее 10 %, однако страна остается крупным поставщиком оборудования, используемого на разных этапах производства микрочипов: литографического оборудования (компании Nikon и Canon), оборудования для травления (Tokyo Electron), нанесения тонких пленок (Hitachi, Tokyo Electron и Ulvac). Более того, четыре японские компании – JSR, Tokyo Ohka Kogyo, Shin-Etsu Chemical и Fujifilm Electronic Materials – контролируют 72,5 % мирового рынка фоторезистов, критически важных для производства микросхем материалов.

В выступлении прозвучали оценки китайских исследователей уникального опыта Японии как государства, полупроводниковая промышленность которого тридцать лет назад также находилась под жестким давлением США, для недопущения потери Вашингтоном своего мирового технологического лидерства, и их трактовкам того, какие выводы может извлечь из этого опыта Китай.

Абанин Г.Д. (Дальневосточный федеральный университет) выступил по теме «**Япония и Китай: проблема Тайваня, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей**». По его мнению, в 45-летнюю годовщину подписания китайско-японского договора о мире и дружбе вопрос территориального спора между Японией и КНР, связанный с рядом других конфликтов в АТР, продолжает сохранять актуальность.

При этом наибольшее влияние на японско-китайское соперничество вокруг территориальных споров в регионе играет проблема принадлежности архипелага Сэнкаку / Дяоюйдао в Восточно-Китайском море (ВКМ). Ситуация в ВКМ побудила Токио к более активному противодействию Пекину в вопросах контроля над акваторией Южно-Китайского моря (ЮКМ), крайне осторожно стал меняться японский дискурс в отношении Тайваня. Интересы Японии в вопросе принадлежности спорных островов ЮКМ и в тайваньской проблематике связаны с обеспечением гарантий свободного судоходства и сохранением суверенитета над Сэнкаку / Дяоюйдао за счет сдерживания продвижения Пекина на других направлениях. Значение имеют торгово-экономические интересы Токио в регионе ЮВА, политические и экономические связи с Тайванем, а также возможность доступа к добыче углеводородов на спорных участках шельфа ЮВА.

После обострения китайско-японских отношений и переизбрания С. Абэ на должность премьер-министра в 2012 г. Япония предприняла усилия по повышению своего статуса в рамках договора безопасности с США, при этом активизировав военно-политические и дипломатические усилия в ЮВА и укрепление своей обороноспособности, параллельно все чаще поднимая вопрос Тайваня и внутренней политики Китая. При этом такой курс С. Абэ, по мнению выступающего, не был лишен изъянов.

Гордеева И.В. (Школа востоковедения НИУ ВШЭ) выступила с докладом «**Противостояние вокруг Тайваня и позиция Японии**». По ее мнению, в нынешнем остром противоборстве «США vs Китай» на международной арене одним из главных очагов напряженности остается Тайвань, принимая во внимание его важнейшее стратегическое положение, значительный экономический, технологический и военный потенциал. В то же время, США и Китай стремятся избежать прямого столкновения из-за Тайбэя, учитывая опаснейшие последствия вооруженного конфликта. Возросла роль и Японии как главного союзника и опоры США в регионе. На Токио возлагается все большая ответственность

по обеспечению интересов Запада в связи с Тайванем в рамках политики США и Японии по «сдерживанию» Китая. В этой связи произошли существенные сдвиги в сфере практического участия Японии в усилиях Соединенных Штатов по обеспечению безопасности Тайваня – в рамках общего курса Токио на подключение к системе «коллективной обороны» Запада. В «Руководящих принципах сотрудничества США и Японии в сфере обороны» (The guidelines for Japan-U.S. defense cooperation) предусматриваются конкретные шаги по расширению американо-японского взаимодействия в «окружающих Японию районах» (хотя Тайвань там прямо не упоминался). Роль Токио «в период возникновения ситуаций в районах, окружающих Японию, которые могут оказать серьезное влияние на мир и безопасность Японии» заключается в оказании всесторонней помощи войскам США в тыловом обеспечении, предоставлении материалов и оборудования, проведении Японией минно-тральных операций в японских и международных водах.

Ключевой тенденцией в развитии японо-тайваньских отношений стало углубление политических связей. Так, впервые в истории правящая Либерально-демократическая партия Японии создала специальную рабочую группу, ответственную за развитие связей с Тайванем. Значительно возросло количество японских делегаций на Тайвань, что вызывает протесты со стороны Пекина (в своем большинстве – это делегации членов обеих палат японского парламента, а также бывшие политические деятели высокого ранга). Особое значение придается укреплению экономических связей Японии с Тайванем, задаче «экономической привязки» острова к Японии в соперничестве с Пекином за влияние на Тайвань. Для самой Японии Тайвань является одним из важнейших торгово-экономических партнеров (третье место в японском экспорте после Китая и США и четвертое в импорте Японии после Китая, США, Австралии).

Мищенко Я.В. (МГУ имени М.В. Ломоносова) раскрыла тему «**Сотрудничество Японии и стран АСЕАН: внешнеполитические и экономические аспекты**». В условиях глобализации сохраняется важность выстраивания Японией экономического и внешнеполитического сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе, поскольку страны АСЕАН являются давними и стабильными ее партнерами. Несмотря на затянувшиеся негативные последствия COVID-19, общий курс Токио на поддержание благоприятных отношений партнерства и сотрудничества со странами АСЕАН оставался неизменен: Япония продолжила помогать государствам АСЕАН справляться с последствиями пандемии коронавирусной инфекции. В целях совместного противодействия пандемии Япония с 2021 г. предоставляла вакцину от COVID-19 ряду стран АСЕАН, начиная с 1 млн бесплатных доз Вьетнаму летом 2021 г., а затем Индонезии, Таиланду, Филиппинам, Малайзии и, например, предоставлением вакцин Камбодже и Таиланду в апреле 2022 г. При этом произошла активизация дипломатических связей Японии и встреч на высшем уровне в 2022–2023 гг. с государствами АСЕАН. В апреле 2022 г. состоялись переговоры министров иностранных дел и обороны Японии и Филиппин. В феврале 2023 г. Токио с визитом посетил руководитель Филиппин Ф. Маркос. Значительное внимание переговорной повестки было уделено подтверждению важной роли Японии в экономическом сотрудничестве с Филиппинами – Япония является вторым крупнейшим торговым партнером Филиппин и крупнейшим источником официальной помощи развитию (Official Development Assistance). К 2022 г. Япония реализовывала или уже реализовала порядка 45 проектов помощи развитию Филиппин, в то время как КНР – не более 5. Особенно важна для Филиппин готовность Японии инвестировать в инфраструктурные проекты.

Углубляется сотрудничество Японии с Малайзией и Филиппинами не только в сфере обороны и общности отношения к ряду аспектов региональной повестки, но также в области экономических связей. В течение 8 лет, с 2015 г. Япония является четвертым крупнейшим торговым партнером Малайзии. По итогам за 2022 г., торговый оборот Малайзии с Японией

оценивался в 4,21 млрд долл., составляя 6,4 % суммарной внешней торговли Малайзии. Для развития регионального сотрудничества Японии и АСЕАН сохраняет значимость участие стран в проекте Всестороннего регионального экономического партнерства (Regional Comprehensive Economic Partnership), которое вступило в силу 1 января 2022 г. На этот проект возлагаются серьезные надежды в контексте развития интеграционных форм сотрудничества Японии со странами ЮВА.

Кистанов В.О. (ИКСА РАН) выступил с докладом «**Япония и Мьянма: особые отношения**». Начиная с середины прошлого века Мьянма (бывшая Бирма) как страна, богатая природными и людскими ресурсами и занимающая важное геополитическое положение в ЮВА, всегда была в фокусе внешнеполитической и экономической стратегии Японии. Связи Японии с вооруженными силами Бирмы, созданными во время войны на Тихом океане при японском содействии, сохранились на многие послевоенные десятилетия и до сих пор являются важным фактором, предопределившим особые отношения Японии с Мьянмой. В настоящее время они позволяют поддерживать «сбалансированные отношения» Японии с Мьянмой практически при всех правящих режимах в этой ключевой стране ЮВА. Этому не мешает то обстоятельство, что зачастую подходы Токио к Мьянме вступают в противоречие с позициями других стран Запада. Военный переворот в Мьянме 1 февраля 2021 г. побудил Токио несколько дистанцироваться от правящего режима. Однако при этом японское правительство в контексте борьбы ведущих международных игроков за свои экономические и политические интересы в Мьянме проводит в отношении нее собственный особый курс. Гибкая политика Токио в отношении Мьянмы, пытающегося играть роль моста между военными правителями Мьянмы и странами Запада, дает Японии возможность успешно конкурировать с другими ведущими международными акторами в той геополитической борьбе за Мьянму, которая разворачивается вокруг нее в последние годы.

Военный переворот 2021 г. способствовал определенным изменениям в деловой активности японских компаний, инвестировавших в экономику Мьянмы. Ряд компаний приостановил свой бизнес в стране, а некоторые полностью ушли из Мьянмы. Но большинство японских фирм, не желая терять прибыльный бизнес, остались в стране, заняв выжидательную позицию в надежде на улучшение деловой конъюнктуры.

В настоящий момент трудно прогнозировать дальнейшее развитие внутривнутриполитической ситуации в Мьянме, где фактически идет гражданская война, в связи с этническими и другими многочисленными проблемами страны. Однако можно полагать, что накопленный за многие десятилетия богатый опыт развития отношений Японии с Бирмой/Мьянмой, а также сохраняющиеся связи с военной верхушкой страны, позволят правительству Японии адаптировать свои внешнеполитические и экономические связи к Мьянме при любом властном режиме в ней, полагает В.О. Кистанов.

Крячкина Ю.А. (Российский институт стратегических исследований) представила доклад на тему «**Треугольник Япония – Южная Корея – США в региональной геополитике: причины и перспективы активизации сотрудничества**». По ее мнению, отношения в треугольнике «Япония – Южная Корея – США» долгое время оставляли желать лучшего, даже несмотря на явное желание Вашингтона привести своих ключевых союзников в Азии к более тесному сотрудничеству. Прежде всего, этому традиционно препятствовали исторические, территориальные и политические разногласия между Токио и Сеулом. Именно поэтому многие эксперты назвали большим успехом американской дипломатии проведение в Кемп Дэвиде в августе 2023 г. трехстороннего саммита лидеров США, Японии и Республики Корея. Сами руководители трех государств по итогам мероприятия провозгласили о начале новой эры партнерства, а специалисты по всему миру заговорили о формировании новой проамериканской военно-политической структуры в Азии.

Что же изменилось в отношениях государств в 2023 г. и надолго ли это потепление? Изменению риторики, прежде всего, в японо-южнокорейских отношениях, безусловно способствовали внутривнутриполитические перемены в Республике Корея. Вашингтон же удачно использовал момент прихода к власти более позитивно настроенных по отношению к Японии южнокорейских политиков. Сближение трех государств происходит и на фоне продолжающегося осложнения региональной и глобальной военно-политической обстановки. Вместе с тем, эксперты отмечают, что для дальнейшего углубления отношений Токио, Сеула и Вашингтона все еще остается немало препятствий, прежде всего внутривнутриполитического характера.

Милеев Д.А. (Институт востоковедения РАН) выступил на тему «**Обновление японской политики в отношении Корейского полуострова**». Он отметил, что процесс выстраивания современной архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 2022–2023 гг. приобрел острый, динамичный характер обострения конкуренции глобальных акторов за сохранение или приобретение лидерства в регионе. В декабре 2022 г. правительство Японии приняло новую Стратегию национальной безопасности страны, причем премьер-министр Кисида Фумио заявил, что страна вступила в «поворотный момент» своей истории. В стратегии впервые заявлено, что Китай представляет «самый беспрецедентный стратегический вызов» для Японии за весь период ее послевоенной истории. Япония нацелена на формирование и расширение сотрудничества со своими союзниками и странами-единомышленниками, к числу которых принадлежит Южная Корея.

Япония считает крайне важным вовлечь Республику Корея в диалог по вопросам безопасности в рамках QUAD, что будет способствовать окончательному складыванию устойчивой партнерской сети по вопросам безопасности, способной эффективно «сдерживать» Китай. Саммит в Кэмп-Дэвиде закрепил тренд в японо-южнокорейских отношениях на расширение диалога в сфере безопасности. Президент Республики Корея Юн Сок Ёль продолжает курс на нормализацию отношений с Японией. Возобновление действия двустороннего соглашения об обмене разведывательной информацией, а также снятие ограничений в сфере ИТ, особенно закупок и совместного производства полупроводников, произошло на фоне обострения ситуации в мире. Объективно стороны заинтересованы друг в друге, но неготовность Токио последовательно пойти навстречу Сеулу в признании проблем прошлого грозит тем, что в любой момент японо-южнокорейские отношения могут вновь обостриться. Япония, как и Южная Корея, заинтересована в достижении стратегической стабильности, взаимовыгодных многосторонних договоренностей с опорой на принцип неделимости безопасности, развитию глобализации и свободы международной торговли, но ближайшая перспектива скорее будет связана с регионализацией и установлением барьеров между геополитическими блоками, считает Д.А. Милеев.

Бэ Бом Ги (Институт истории при Университете Корё) выступил с темой «**СМИ и общественность Южной Кореи о японской политике президента Юн Сок Ёля**». Как отметил докладчик, нынешнее южнокорейское правительство преследует цель оздоровления японо-южнокорейских отношений, хотя 79 % южнокорейцев негативно относятся к японцам и Японии. Либеральная и оппозиционная пресса, в частности, газета Хангере, телекомпания МВС, Интернет-портал О Му News, достаточно часто критикует меры правительства Республики Корея по проблеме отношений с Японией. Новое правительство считает важным развитие трехстороннего сотрудничества в рамках альянса США, Японии и Республики Корея – этого стратегического треугольника, с целью сдерживания потенциально возможных северокорейских боевых действий. И на основе такого фундамента безопасности считает необходимым стабилизировать южнокорейско-японские отношения. То есть улучшение южнокорейско-японских отношений окажет положительное влияние и на укрепление южнокорейско-американского альянса.

В реальности, как считает Бэ Бом Ги, Южная Корея должна следовать сбалансированной дипломатии для выживания на международной арене из-за нахождения на Юге Корейского полуострова в окружении 4-х крупнейших держав. В связи с этим Южная Корея должна стремиться дистанцироваться от проамериканской или прозападной дипломатии, как это было при президенте Мун Чжэ Ине и постараться использовать на практике северокорейскую и китайскую дипломатию в реализации ее интересов и поддержании стабильности в регионе.

Ким Ен Ун (ИКСА РАН) выступил с докладом «**Японская политика Президента Юн Сок Ёля**». По мнению докладчика, президент Республики Корея Юн Сок Ёль считает Японию соратником по лагерю свободы и демократии в мире, который заявил, что проблемы, связанные с прошлыми историческими событиями, не должны стоять в качестве первоочередных задач японской политики страны. Эти проблемы будут решаться по мере нормализации и укреплений отношений между двумя странами в совместной деятельности на международной арене в союзе и с опорой на США.

Особую активность отношения между Республикой Корея и Японией приобрели в 2023 г. в рамках реализации развития «челночной дипломатии». Так, были сняты все препоны, которые возникли в связи с ограничительным решением Японии по мерам торговли и сотрудничества в ответ на решение Верховного суда Южной Кореи по проблеме насильственно мобилизованных корейских работников на военные заводы Японии в годы Второй мировой войны. Состоялись взаимные визиты глав государств, министров иностранных дел, парламентских групп, а также по линии патроната двух стран. Только лидеры двух стран в 2023 г. встречались 9 раз как на двухсторонних, так и на международных форматах. При этом по большей части Южная Корея шла на большие уступки, чем Япония. Президент Южной Кореи в знак солидарности с премьер-министром Японии на следующий день рыбного обеда, устроенного Кисида Фумио из морепродуктов, якобы выловленных из района моря, куда были слиты хранившиеся после аварии на АЭС «Фукусима-1» в 2011 г. «очищенные» загрязненные воды, также на рыбном рынке Сеула на камеру устроил свой рыбный обед.

Определенные экономические выгоды Япония получила, но в двухсторонних японо-южнокорейских отношениях Республика Корея является младшим партнером, в большей степени зависимым от Японии, чем Япония от нее. Двухсторонняя торговля по-прежнему остается для Республики Корея дефицитной, да и в тройственном технологическом союзе «США – Япония – Республика Корея» последняя также является не равноправным партнером, считает Ким Ен Ун.

Стрельцов Д.В. (МГИМО МИД РФ) выступил с докладом «**Япония – Республика Корея: новое сближение?**». После окончания холодной войны отношения Южной Кореи и Японии развивались волнообразно, проходя периоды спадов и подъемов. Не составляет исключения и самый последний период. После их охлаждения, наблюдавшегося с 2017 г., с приходом в мае 2022 г. к власти в Южной Корее администрации президента Юн Сок Ёля между двумя странами наметилось потепление, во многом связанное с качественным изменением политики Сеула по отношению к Токио. Успехи ракетно-ядерной программы КНДР и напористая политика Китая в военной сфере стали толкать Южную Корею в направлении более тесного сотрудничества с Японией в сфере безопасности. Способствовала потеплению отношений с Японией и внутривнутриполитическая ситуация в Республике Корея – рост антикитайских настроений в южнокорейском обществе, разочарование избирателей в «мягкой» политике по отношению КНДР, проводившейся предыдущей «прогрессивной» администрацией, а также личные амбиции нового президента. Свою роль играла и активная позиция Вашингтона, который старался «помирить» своих союзников и активизировать их военно-политическое сотрудничество в рамках треугольника «США – Япония – Республика Корея».

Проанализировав прошедшую в 2023 г. серию саммитов между лидерами Республики Корея и Японии, докладчик приходит к выводу о том, что две страны отложили свои

исторические обиды на второй план и отдали приоритет налаживанию тесного двустороннего и трехстороннего (с участием США) сотрудничества, и прежде всего в сферах международной политики и безопасности. Впервые за весь период с момента окончания холодной войны Япония и Южная Корея стали активно укреплять свои военные и политические связи не только на антисеверокорейской, но и на антикитайской и антироссийской основе.

Паксютов Г.Д. (ИКСА РАН) выступил по теме «**Сотрудничество Японии и Южной Кореи в креативных индустриях и «формирование нового миропорядка»**». По мнению докладчика, в текущий момент мы наблюдаем тенденцию на укрепление политических и экономических связей между Японией и Южной Кореей и интенсификацию сотрудничества между двумя странами, в частности, в области креативных индустрий, высокотехнологичных отраслей промышленности. Рассматривая эту тенденцию – в первую очередь, с точки зрения японской стратегии – имеет смысл увязать ее с глобальными процессами реформирования международного порядка. Потепление в экономических и политических отношениях между двумя странами наметилось в марте 2023 г., по результатам визита южнокорейского президента Юн Сок Ёля в Японию. В августе 2023 г. состоялся саммит лидеров США, Японии и Южной Кореи в Кэмп Дэвиде (США), на котором лидеры трех стран условились упрочить сотрудничество в сферах экономики и безопасности.

Так, в условиях геополитических рисков, связанных с Тайванем (на острове базируются крупнейшие производители микросхем – поставщики для ведущих американских IT-компаний), США стремятся выстроить альтернативную (и способную успешно конкурировать с Китаем) цепочку добавленной стоимости в сфере микроэлектроники, используя технический и научный потенциал своих восточноазиатских союзников – Японии и Южной Кореи. В частности, в Японии в 2027 г. должен запустить производство инновационных 2-нм микросхем находящийся в процессе создания консорциум Rapidus. В ходе саммита в Кэмп Дэвиде в числе приоритетных направлений сотрудничества были названы такие высокотехнологичные отрасли, как искусственный интеллект, квантовые вычисления, биотехнологии и т.д. Другим немаловажным примером является кооперация в глобальном соревновании «мягкой силы» (тесно связанном с индустрией электротехники и др.). Ключевой концептуальной рамкой, отражающей стратегическую позицию Японии в формировании глобального экономико-политического строя, можно считать «экономическую безопасность», новое понимание которой консолидировано в двух документах – Закон об обеспечении экономической безопасности (май 2022 г.) и Национальная стратегия безопасности (принята в декабре 2022 г.). Концепция экономической безопасности совмещает задачи военно-политического противостояния («либерального» и «авторитарного» блоков) и экономико-технологического развития. Японское правительство, таким образом, эксплицитно принимает видение мира, разделенного на два блока («американоцентричный» и «китаеццентричный»), в котором Япония должна занять важную позицию в американоцентричном блоке за счет незаменимости ее технологий. Кооперация между Японией и Южной Кореей подтверждает, что руководство обеих стран в целом разделяет подобное видение. Пока экономико-политическое соревнование между Китаем и США остается ключевым фактором глобальной политики, можно ожидать, что тренд на кооперацию останется устойчивым, считает Г.Д. Паксютов.

Домахина Ю.А. (ИКСА РАН) выступила по теме «**Современная политика Японии в отношении ракетно-ядерного потенциала КНДР**». Она отметила, что в настоящее время северокорейская ядерная проблема занимает важное место во внешней политике Японии в связи с территориальным соседством двух стран. Официальная позиция Токио состоит в том, что ракетно-ядерный потенциал КНДР представляет серьезную угрозу как национальной, так и региональной безопасности. Поскольку ракетно-ядерная проблема Северной Кореи продолжает остро стоять на повестке, Токио проводит активную политику сдерживания по отношению к Пхеньяну. Один из подходов подразумевает жесткую санкционную политику:

Япония впервые ввела односторонние санкции против КНДР в 2006 г. сверх тех мер, что были наложены Совбезом ООН, и с тех пор придерживается курса на усиление санкционного «давления». Значительную роль в сдерживании КНДР играет японо-американский альянс, который Токио традиционно рассматривает как главный гарант безопасности. Находясь под американским «ядерным зонтиком», Япония придерживается курса на укрепление союза и развитие оборонного сотрудничества.

Развитие Пхеньяном ракетно-ядерной программы является фактором укрепления взаимодействия треугольника «Япония – США – Республика Корея». В 2023 г. стороны активизировали совместные военные учения и провели ряд консультаций по вопросам безопасности. По итогам состоявшегося в августе 2023 г. саммита в Кэмп-Дэвиде (США) стороны определили основные направления сотрудничества в области безопасности.

По мнению докладчика, политика Токио в отношении Пхеньяна не способствует снижению напряженности на Корейском полуострове. Санкционное давление и действия союзников в регионе Пхеньян рассматривает как угрозу своей безопасности, поэтому быстрыми темпами наращивает военный потенциал, продолжает совершенствовать ракетно-ядерную программу и проводить испытания. Однако, современные реалии свидетельствуют о том, что политика Японии в отношении КНДР в ближайшем будущем останется неизменной.

Чижевская М.П. (НИУ ВШЭ г. Санкт-Петербург) представила доклад на тему **«Роль Японии в политике ЕС в Восточной Азии»**. Согласно позиции докладчика, Европейский союз (ЕС) при сохранении экономической доминанты в сотрудничестве с регионом Восточной Азии постепенно, начиная с конца 1990-х гг., приходил к осознанию своей роли как глобального игрока, имеющего в ИТР также интересы в сфере политики и безопасности. Японию в этом контексте можно характеризовать так:

1. Япония представляет собой «естественного политического партнера» ЕС, с которыми он разделяет общие ценности демократии, прав человека и верховенства закона.

2. Япония в течение 1990-х гг. признавалась главным экономическим партнером и одновременно соперником ЕС в регионе, однако начиная с 2000-х гг. обе эти роли переходят Китаю.

3. В области безопасности Япония, наравне с Южной Кореей, входит в круг единомышленников ЕС, в то время как Китай определяется как «партнер для сотрудничества, экономический конкурент и системный соперник».

Примечательна позиция ЕС по территориальному спору по поводу островов Сэнкаку (кит. Дяоюйдао), принадлежность которых Японии оспаривает Китай: ЕС призывает решать территориальный спор мирно, опираясь на международное право и не встает на сторону Японии, как это делают США. Относительно мягкий подход ЕС и некоторых его отдельных стран в отношении Китая объясняется тем, что ЕС зависит от него экономически: доля Китая в торговле ЕС в 2022 г. составляла 15,4 %, он занимает вторую строчку после США. ЕС, несмотря на ужесточение позиции в отношении Китая в последние годы, в целом не готов идти на конфронтацию с Китаем и явно поддерживать Японию в территориальном споре вокруг островов Сэнкаку, что, безусловно, не способствует росту доверия между Токио и Брюсселем.

Принятие Стратегии ЕС в Индо-Тихоокеанском регионе в сентябре 2021 г. вызвало некоторое оживление и энтузиазм в японском правительстве. В сообщении министра иностранных дел Японии того времени Мотэги Тосимицу сказано, что взгляд ЕС на ситуацию в регионе переключается с японской концепцией Свободного и открытого ИТР: «Япония и ЕС будут продолжать развивать сотрудничество по конкретным вопросам, включая вопросы безопасности и обороны, экономики, регионального взаимодействия, изменения климата и цифровизации с целью реализовать стратегию Свободного и открытого ИТР». Японии выгодно вовлечение большего количества союзников США в дела региона для сдерживания Китая. Об этом говорит заключение Соглашений о взаимном доступе с Австралией 6 января 2022 г. и Великобританией 11 января 2023 г.

Однако перспективы реального вовлечения ЕС пока остаются неясны, поскольку внутри объединения нет консенсуса по этому вопросу. Ярким примером разногласий служит позиция президента Франции Эммануэля Макрона: после официального визита в Пекин 5–8 апреля 2023 г. он заявил в интервью французской прессе, что ЕС должен уменьшать зависимость от Вашингтона и дистанцироваться от противостояния США и Китая. 9 июля 2023 г. Макрон проинформировал Генерального секретаря НАТО Йенса Столтенберга о том, что Франция возражает против открытия представительства НАТО в Токио, поскольку альянс с ее точки зрения должен ограничиваться регионом Северной Атлантики. Идущая вразрез с мнением Брюсселя позиция Парижа объясняется все тем же желанием сохранять конструктивные отношения с Пекином, продиктованным глубокими экономическими связями с ним, считает М.П. Чижевская.

Казаков О.И. (ИКСА РАН) выступил с темой «**Об особенностях гуманитарного сотрудничества с Японией на фоне СВО**». Начало СВО на Украине 24 февраля 2022 г. привело к политической поляризации: одна часть стран мира, включая страны Большой семерки, выступили против и начала вводить в отношении России санкции политического и экономического характера, а другая часть стран поддержали Россию. Как и в период холодной войны возникло «два противостоящих лагеря», причем Россия и Япония оказались по разные стороны «баррикад». В ответ на антироссийские санкции Японии в России также стали вводить санкции непосредственно против Японии, тем самым создавая условия для деградации двусторонних отношений, прежде всего в области политики и экономики. В частности, Россия на правительственном уровне обозначила Японию как «недружественное государство». Были прекращены или заморожены многие проекты, включая обсуждение на высшем уровне мирного договора, прекратилось ведение переговоров на высшем уровне и в формате «2+2», ограничилось сотрудничество в рыболовной области, полностью прекратились переговоры по совместному освоению Курильских островов и др.

Тем не менее, на фоне разрушения политических и экономических связей продолжают реализовываться некоторые гуманитарные проекты как на территории России, так и на территории Японии. Например, в Японии продолжает праздноваться ежегодный Фестиваль российской культуры, на уровне спортивных клубов и федераций российские спортсмены выступают в международных соревнованиях по каратэ, дзюдо, айкидо и др. В свою очередь в России японские граждане участвуют во многих международных мероприятиях. Поддержание гуманитарного сотрудничества на уровне культуры, науки и спорта является важным фактором продолжения народной дипломатии и общения граждан на уровне «корней травы». После окончания СВО и стабилизации геополитической обстановки именно с этого «народного» уровня начнется восстановление двусторонних отношений. Поэтому двум государствам выгодно способствовать продолжению практики неформального (негосударственного) взаимодействия россиян и японцев в рамках гуманитарного сотрудничества в самых разных форматах.

* * *

После выступления докладчиков состоялось продуктивное обсуждение затронутых тем, в котором приняли участие многие участники круглого стола. В 2024 г. в ИКСА РАН планируется проведение круглого стола на тему «Япония в АТР: политика, безопасность, экономика».

Поступила в редакцию: 20.02.2024

Received: 20 February 2024

Принята к публикации: 23.04.2024

Accepted: 23 April 2024

In memoriam

Светлой памяти Вадима Юрьевича Климова

Апрель в Петербурге начался как настоящий весенний месяц. Уже никакой капели и ручейков — весь снег успел растаять еще в марте. Ясная погода и тепло дарили надежду увидеть вскоре первые почки на ветвях деревьев. Мой учитель, Вадим Юрьевич Климов, лежал в больнице, но накануне его перевели из реанимации в обычную палату, что дарило надежду на личную встречу впервые за несколько месяцев. Я должен был приехать вечером третьего апреля. Утром того дня на город внезапно обрушился сильный град, налетел штормовой ветер с дождем, резко похолодало, а к вечеру улицы уже заметало снегом так, словно не было вовсе ни ясных первых дней апреля, ни теплого марта. Я уже хотел было выезжать в больницу, как вдруг телефонный звонок сообщил, что учителя снова перевели в реанимацию и увидеться не получится. Когда я подошел к окну утром четвертого апреля, крыши домов и улицы были покрыты гладким белым одеялом. Вчерашний ветер стих, а небо вернуло себе привычный для петербургской зимы ровный серый цвет. И уже не таким внезапным стал следующий телефонный звонок после обеда, который сообщил, что Вадима Юрьевича не стало. Потянулась череда холодных пасмурных и ветреных дней, наполненных воспоминаниями о моем учителе. Но когда во вторник девятого апреля состоялось прощание и на Серафимовском кладбище Петербурга собралось более сотни родных, друзей и коллег Вадима Юрьевича, в город снова вернулось тепло, а днем, когда звучали добрые слова и воспоминания о нем, небо окончательно разъяснилось.

С Вадимом Юрьевичем Климовым мы впервые повстречались в сентябре 2007 года. Незадолго до того я приехал в Петербург поступать в аспирантуру Института восточных рукописей РАН. Уже шли вступительные экзамены, но главным препятствием было отсутствие научного руководителя, который бы взял меня под свое крыло, — к тому моменту я получил уже три отказа от местных японоведов. Вадим Юрьевич работал тогда на Восточном факультете СПбГУ, но в прошлом был сотрудником Института, поэтому заведующая аспирантурой предложила обратиться к нему. Мы созвонились, и Вадим Юрьевич назначил встречу в перерыве между занятиями на факультете.

В назначенный час я пришел в аудиторию, и Вадим Юрьевич чуть ли не первым делом вынул из портфеля распечатку со статьей на японском языке и предложил мне перевести ее с листа. Много позже Вадим Юрьевич вспоминал, что в тот день начисто забыл о назначенной им встрече и очень растерялся при моем появлении, а потому сунул мне первый попавшийся текст, который он до этого читал со студентами на занятии. Этот экзамен я, казалось, прошел, и мы перешли к обсуждению моих научных интересов. Когда я рассказал о своем увлечении историей ранних российско-японских отношений, о японских морях и школе японского языка в Иркутске XVIII века, Вадим Юрьевич живо откликнулся на это, предавшись воспоминаниям о своих поездках туда и упомянув в числе прочего о надгробном памятнике Григорию Ивановичу Шелехову, на котором вдова купца и спонсора первых экспедиций в Японию не

преминула указать цену (как историк, Вадим Юрьевич очень любил примечать вот такие мелочи, которые бы подсвечивали человеческое в исторических деятелях). Я ввернул, что мой родной город назван в честь этого купца. Оказалось, что Вадим Юрьевич бывал и там. Это, видимо, растопило последний лед, и мы перешли к обсуждению возможной темы будущей диссертации. Позже я узнал, что Вадим Юрьевич работал переводчиком на съемках фильма «Сны о России» в начале 1990-х, а потому объехал почти все места, связанные с историей японцев в России.

Вскоре после моего поступления в аспирантуру Вадим Юрьевич уехал в очередную длительную командировку в Японию, а потому целый год руководил моей работой дистанционно. Но несмотря на многие тысячи километров, разделявшие нас, я постоянно чувствовал его поддержку и участие. Он сканировал и отправлял по электронной почте сотни листов книг и статей по моей теме, недоступных в России; договорился о моей подработке ассистентом японских туристических групп, что помогло пережить трудные аспирантские годы; порекомендовал мой доклад на мою первую научную конференцию «История и культура Японии» в Москве, — все это из Японии. Кстати, участием именно в этой конференции Вадим Юрьевич придавал особое значение – он считал ее главной площадкой для общения японоведов России и сам был ее неизменным участником с самых первых лет, пропустив, пожалуй, лишь пару раз — когда был в Японии в 2009-м и уже в этом году, когда болезнь не позволила ему поехать в Москву, хотя он до последнего на это надеялся, а доклад уже был включен в программу.

Окончание мной аспирантуры совпало с возвращением Вадима Юрьевича на постоянную работу в Институт восточных рукописей РАН, и с этого времени он стал моим старшим коллегой. Но и в новом качестве Вадим Юрьевич оставался для меня учителем, наставником, ценным советчиком и образцом научной работы и профессионализма и не переставал принимать деятельное участие в моей научной судьбе. Именно Вадим Юрьевич порекомендовал меня для участия в совместном проекте с японскими учеными из Университета Хоккайдо по сравнительному изучению рукописей об айнах из коллекции нашего Института и японских собраний. Это подарило мне возможность несколько раз побывать в Японии с исследовательскими поездками, в том числе провести один год в Центре исследований айнов и коренных народов Университета Хоккайдо.

Сам Вадим Юрьевич уже несколько лет к тому времени работал над переводом и введением в научный оборот ценнейших источников по истории торговли японцев и айнов – двух конторских книг, созданных в начале XIX века на Сахалине, а ныне хранящихся в Институте восточных рукописей РАН. Также он много лет курировал крупный проект Историографического института Токийского университета по поиску и каталогизации источников по истории Японии в петербургских архивах – Российском государственном историческом архиве и Российском государственном архиве военно-морского флота. В рамках этих проектов он ежегодно на несколько недель ездил в Японию, где посещал труднодоступные архивы, места, связанные с историей российско-японских отношений, а также мог собирать материалы для дальнейших исследований. Он очень ценил эти поездки, знакомство с японскими учеными, возможность узнавать от них Японию, которая остается недоступной для многих, даже долго живущих там соотечественников. Именно поэтому он как никто осознавал ценность регулярных поездок в изучаемую страну, щедро делился знакомствами и контактами с учениками, и очень переживал, когда начавшаяся в 2020 г. пандемия коронавируса прервала интенсивные рабочие связи и взаимные визиты.

История российско-японских отношений, в которой сошлись наши с учителем научные интересы, была далеко не единственной темой его исследований. Пожалуй, каждый из японоведов знает своего Вадима Юрьевича Климова: для одних он специалист по истории периода Муромати (1336–1573), в частности, крестьянским восстаниям и народным движениям

той эпохи; для других – знаток буддийской школы Истинной веры Чистой Земли (дзёдо-синсю) и письменного наследия ее восьмого патриарха Рэннэ; для третьих – блестящий переводчик и комментатор наставлений средневековых военных и купеческих домов. Первые японские посольства в Россию, история внешних отношений Японии, история японских и российских архивов, российские морские офицеры и их плавания в Японию — все это неполный список тем, которые исследовал и о которых писал Вадим Юрьевич. Кто-то может усмотреть в таком широком разбросе тем ветренность или заподозрить ученого в поверхностности, но это может произойти лишь от незнания личности Вадима Юрьевича и его научной биографии. Все эти разнообразные темы — прямое следствие его активной жизни, вовлеченности во многие проекты, которые, хотя и могли быть изначально чуждыми ему, за годы работы пропускались им через себя и становились неотъемлемой его частью.

Эта широта научных интересов и тем была лишь одним из проявлений его широты в целом – широты души, ума, человеческих и профессиональных связей. Многие знали Вадима Юрьевича не как замечательного историка-японоведа, но как отзывчивого преподавателя – более двадцати лет он отдал работе на кафедре истории стран Дальнего Востока Восточного факультета ЛГУ/СПбГУ: с 1987 г. по совместительству, а в 1999–2010 гг. по основному месту работы. Позже он также вел занятия по японскому языку и истории Японии в Восточном институте, Русской христианской гуманитарной академии, Санкт-Петербургском институте культуры, Высшей школе экономики в Санкт-Петербурге, Японском центре. Все, кому повезло учиться у Вадима Юрьевича, отзываются о нем как о требовательном, но добром преподавателе, который щедро делился знаниями и опытом, всегда рассказывал много историй из собственной профессиональной жизни. Это неудивительно, ведь и сам он был преданным и благодарным учеником, который через всю жизнь пронес чувство почтения к своим учителям, среди которых чаще всего называл имена Давида Исааковича Гольдберга, Любви Васильевны Зениной, Георгия Яковлевича Смолина, Сергея Ивановича Тюльпанова и, конечно, Михаила Васильевича Воробьева — его научного руководителя в годы аспирантуры.

Вадим Юрьевич не уставал повторять, что настоящему японоведу научную и преподавательскую работу нужно по возможности уравнивать практической работой, чтобы постоянно наблюдать и знать живых современных японцев и не «отрываться от земли», не создавать себе идеализированный образ японской культуры и общества. Отсюда его искренняя привязанность в течение многих лет к работе с японскими туристами в Санкт-Петербурге, к устному переводу. Конечно, эта работа отнимала много сил и времени, и Вадим Юрьевич всегда переживал, что самые активные годы среднего возраста ушли на борьбу за выживание семьи и близких, ведь его становление как японоведа пришлось на годы перестройки и трудной экономической ситуации после распада СССР.

Последние годы после начала пандемии в 2020 г. Вадим Юрьевич тяжело переживал нарушение привычного ритма жизни: ему не хватало встреч с японскими коллегами и поездок в любимую Японию, «живых» занятий со студентами, подвижной работы с японскими туристами на свежем воздухе. В то же время эти годы оказались наиболее плодотворными в его научном творчестве: он подошел к завершению нескольких больших тем – подготовил к изданию комментированные переводы писем патриарха школы дзёдо-синсю Рэннэ, завершил перевод и исследование конторских книг по торговле японцев с айнами, вместе мы выпустили три коллективных монографии по истории айнов и ранних российско-японских отношений.

В эти последние годы мы часто встречались вдвоем в небольшом вьетнамском кафе недалеко от моего дома, делились мыслями по текущим делам, строили научные планы, да что уж – могли и некоторым коллегам косточки перемять. Не по всем вопросам мы были единомышленны, но Вадим Юрьевич, как мудрый отец, неизменно пытался выслушать и понять,

порой подшучивал и подтрунивал, но в этом не было ничего, кроме участия и доброты. Летом прошлого года кафе внезапно закрылось, и при каждой встрече Вадим Юрьевич непременно спрашивал, не открылось ли, но оказалось, что посидеть вдвоем уже будет не суждено. Осенью он ушел в плановый отпуск, следом я уехал на пару месяцев в Японию, а когда вернулся, Вадим Юрьевич уже болел.

Из Японии я привез ему свой последний подарок — книгу по истории российско-японских отношений в период царствования династии Романовых, на одной из страниц которой оказалась фотография Вадима Юрьевича в окружении коллег на ступенях Историографического института в Токио. Передать ее получилось только через детей Вадима Юрьевича, так что надеюсь, что он успел найти себя на страницах книги и улыбнуться.

Низкий Вам поклон и светлая память, дорогой и любимый учитель, Вадим Юрьевич!

*10 апреля 2024 года, Санкт-Петербург
Василий Щепкин*

Научное издание

**Японские исследования
№ 2, 2024**

Редактор русских текстов:	М.А. Кириченко
Редактор английских текстов:	В.В. Нелидов
Технический редактор:	М.Е. Заболотникова

Дата публикации:	28.06.2024
------------------	------------

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.
Институт Китая и современной Азии РАН
E-mail: japanstudiesinrussia@gmail.com

Scientific edition

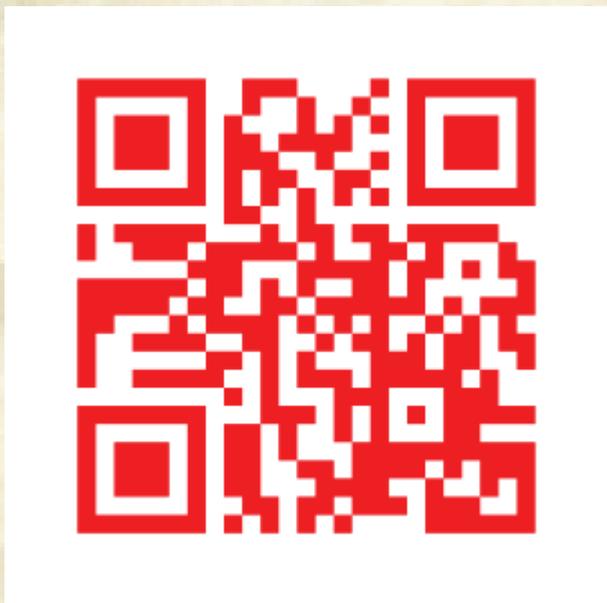
**Japanese Studies in Russia
No. 2, 2024**

Editor (Russian):	M.A. Kirichenko
Editor (English):	V.V. Nelidov
Layout:	M.E. Zabolotnikova

Date of issue:	28 June 2024
----------------	--------------

Address: Institute of China and Contemporary Asia of the
Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av.,
Moscow, 117997, Russian Federation
E-mail: japanstudiesinrussia@gmail.com

www.japanjournal.ru

日
本
研
究